В.П. Пащенко

ВОВКИНО ДЕТСТВО В ПОРОЗОВЕ

Воспоминания, когда была война

В.П. Пащенко

ВОВКИНО ДЕТСТВО В ПОРОЗОВЕ

(воспоминания, когда была война)

К 80-летию автора

Архангельск
2019

УДК 82.3
ББК 84(2Рос-Рус)6
П 22

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Северного государственного медицинского университета

Пащенко В.П.

П 22 Вовкино детство в Порозове (воспоминания, когда была война) / В.П. Пащенко. – Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2019. – 272 с.: ил.

В представленной книге рассказывается о жизни, развитии и самопознании Вовки – мальчика, родившегося в 1938 году в городе Архангельске у молодых родителей: студентки второго курса АГМИ Нади Батыгиной и молодого инженера завода «Красная кузница» Петра Пащенко. В связи с материальными трудностями молодой семьи родившегося Вовку его бабушка Анна Степановна увезла в деревню Порозово Вологодской области, что расположена на берегу реки Вологды, в том месте, где в нее впадает река Масляная. Там же располагался и маслозавод, на котором работал дедушка. В этом удивительном, почти сказочном месте и проходило счастливое детство Вовки, и даже война почти прошла стороной. В коротких рассказах Вовки говорится о его естественной привольной деревенской жизни в тех местах.

С суровыми послевоенными условиями жизни в большом почти прифронтовом городе он встретился, когда вновь, после смерти дедушки, оказался в Архангельске. Ему пришлось преодолеть отставание в успеваемости в городской школе, бороться с болезнями, однажды он решился даже сбежать из дому.

Преодолеть трудности ему помогли не только окружавшие его взрослые – мать, родственники, приятели, но и его самостоятельность, стремление узнавать новое, чтение книг, – качества, которые развились у него еще в деревне Порозово. Туда, в Порозово, он уже взрослым не раз пытался вернуться, но, оказалось, прошлое уходит навсегда.

Книга будет полезна широкому кругу читателей, молодым родителям и взрослым детям, вдруг однажды задумавшимся о смысле жизни и своем будущем.

УДК 82.3
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Пащенко В.П., 2019
© Северный государственный медицинский университет, 2019

Раздел I. Вовкино детство в Порозове (воспоминания, когда была война)

Введение

Мои предки по материнской линии, Батыгины, жили в Высоковском крае Вологодской области в деревне Высоково, где на пригорке стоял их двухэтажный дом. Хозяином и строителем этого дома был мой прадед Никандр Николаевич Батыгин. У него с супругой Авдотьей Павловной было трое детей: сыновья Алексей, Иван и дочь Мария. У них, в свою очередь, тоже были дети, в том числе и моя мать, Батыгина Надежда Ивановна, которая родилась в 1919 году.

Моим дедом был Иван Никандрович Батыгин, участник Первой мировой войны, во время которой он стал Георгиевским кавалером. А потом он участвовал в революции 1917 года, болел тифом, вернулся на родину и долгое время работал главным механиком Верхневологодского маслозавода. Его супруга Батыгина (Шитова) Анна Степановна также была родом из деревни Высоково. Она была умелой домашней хозяйкой, воспитала двух дочерей, верила в Бога, за что полгода и провела в Вологодской тюрьме.

Небольшое поселение около Верхневологодского маслозавода на берегу реки Вологды называлось Порозово. Там и провел свое детство Вовка, то есть это я, впоследствии доктор медицинских наук, профессор Владимир Петрович Пащенко. Этот мой первый не научный, а литературный эксперимент я посвящаю родному краю – Вологодчине.

Мой дедушка, Иван Никандрович, считал, что главное в жизни – «учиться и учиться». Поэтому он постарался дать возможность двум своим дочерям (Александре и Надежде) возможность получить высшее образование. Обе они поступили в Архангельский медицинский институт. По этой причине и я родился в Архангельске, в теперь уже далеком 1938 году.

В то время в жизни нашей страны главными были: индустриализация, развитие экономики, подготовка к надвигающейся войне. «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!» Тогда у молодежи из народа появилась возможность учиться. Стране для подъема экономики нужны были грамотные люди. Открывались новые вузы. Молодежь тянулась на стройки в города. Я с уверенностью могу ска-

зать, что мое появление на свет связано именно с этой активностью. В самом деле, могла ли раньше моя мать учиться в медицинском институте? Вряд ли...

Если моя мать была коренной северянкой, то отец мой, Петр Пащенко, родился в Харьковской области, Изюмском районе, селе Белый Колодезь. Его мать жила в мазанке, где на кухне был земляной пол. Родственными им фамилиями были: Бурлацкие, Погореловы. Однако ее сын, благодаря открывшимся возможностям и стечению обстоятельств, закончил судостроительный факультет высшего Макаровского училища в Ленинграде и по распределению оказался в Архангельске в качестве инженера на знаменитом заводе «Красная кузница», где строились первые военные суда Петра I.

Мои будущие родители впервые увидели друг друга в трамвае. Папа ехал на работу и заметил маму. А та ехала на занятия в АГМИ и вдруг заметила, что на нее смотрит папа, и так далее. После нескольких «случайных» встреч они познакомились. Произошло это ранней весной. Не зря наш великий поэт А.С. Пушкин назвал весну «порой любви»…

Мне повезло

Так и случилось, что я родился поздней осенью в Архангельске в 1938 году, в соответствующем отделении больницы водников им. Н.А. Семашко на берегу Северной Двины, которая была ведомственной больницей Северного морского пароходства. О чем думали родители в это время, мне неизвестно. Назвали меня при рождении Владимиром (Вовкой). Это имя было наиболее популярно для мальчиков в то время.

Однако моя мама, Батыгина Надежда Ивановна, студентка-второкурсница медицинского института 19 лет от роду, в связи с моим появлением на свет стала испытывать большие трудности в учебе. Весной ей предстояло готовиться к очередной сессии, где нужно было сдавать экзамены по анатомии, физиологии, гистологии. Мое появление вызвало озабоченность даже у руководства АГМИ: отчислять за такой проступок хорошую студентку им не хотелось.

А мой папа, Пащенко Петр Александрович (25 лет), молодой инженер-судостроитель завода «Красная кузница», также столкнулся в эту пору с большими проблемами, так как для проживания своей семьи имел в деревянном доме на втором этаже маленькую комнатку в коммунальной квартире без каких-либо удобств и возможностей ухода за новорожденным. Рассказывали, что в моем воспитании тогда принимали участие многие подруги Надежды Ивановны из ее студенческой группы, соседи по дому и даже маленький соседский мальчик, который впоследствии угодил в тюрьму за какой-то серьезный проступок. Наш дом стоял на углу Новгородского проспекта и улицы Карла Маркса в Архангельске. Он цел даже до сих пор.

Сложную ситуацию, вызванную моим появлением на свет, разрешила моя бабушка Анна Степановна, которая весной приехала в Архангельск и увезла меня в Вологду. Так в начале лета 1939 года я и оказался в деревне Порозово Вологодской области, рядом с молокозаводом, в доме, где жил мой дедушка Иван Никандрович. Я понимаю, что мне сильно повезло с бабушкой и дедушкой – они меня очень любили и заботились обо мне.

Повезло мне еще и потому, что я прожил в этой вологодской деревне у бабушки и дедушки все то время, когда была Великая От-

ечественная война. Когда она началась, мне было уже почти 3 года (точнее, 2 года и 7 месяцев). А, как известно, в Архангельске во время войны был голод, который историки сравнивают с тем страшным голодом, что унес жизни многих жителей блокадного Ленинграда. Не говоря уже о бомбежках фашистской авиации, от которых горели дома, гибли люди… Так что еще вопрос, выжил бы я или нет, останься я в Архангельске.

Людей, чье детство пришлось на тяжелые годы войны, сейчас называют «детьми, опаленными войной». Но, благодаря бабушке и дедушке, я избежал участи многих своих современников. Мое детство не искалечила война. Что сказать: посчастливилось…

В родной город Архангельск я приехал уже после войны и в первый класс мужской 23-й школы пошел в 1946 году, когда мне было уже 7 лет и 9 месяцев – почти 8 лет. Здесь, в этом, можно сказать, прифронтовом городе, все было по-другому. В Архангельске в первые годы после войны всюду были видны ее следы: разрушенные бомбежкой здания в центре города, госпитали раненых, бомбоубежища на берегу реки, окопы для зениток, военные катера, очереди за хлебом и продуктами по карточкам, подростковый бандитизм, рассказы о войне. В этих суровых послевоенных условиях я частно вспоминал о жизни в Порозове, мечтал вернуться туда.

О нашей жизни тогда в деревне и потом в Архангельске мне и хотелось бы рассказать, вспомнить о том, как жилось в то историческое время в Вологодской области в деревне Порозово, в месте, где в реку Вологда вливается река Масляная.

Тогда я был маленьким мальчиком, которого все звали просто Вовкой…

В Порозове

…Конечно, маленький Вовка ничего не помнил из того, как он жил несколько месяцев в Архангельске. Он ничего не мог вспомнить и о том, как его, еще маленького, бабушка на поезде повезла в Вологду, а затем, держа внука на руках, добиралась от станции Лумба (недалеко от города Вологды) до Порозова. От этой станции ее подвез извозчик

– сначала до Кубенкого, а потом через Несвойское по бездорожью в Порозово. Но почему-то она часто вспоминала, как в подоле переносила его вброд через реку Вологду. Возможно, для бабушки это было из ряда вон выходящим событием, поэтому она не могла его забыть. Вовке, видимо, и здесь повезло. Деревня Порозово – это три дома, Верхневологодский маслозавод, лес, река и бабушка с дедушкой – вот и весь мир, в котором жил маленький мальчик Вовка, тогдашний я.

Первые события в Вовкиной жизни

Что стало самым первым событием в моей жизни, что запомнилось от увиденного в деревне Порозово? Может быть, вот это: бабушка берет меня, Вовку, на руки и говорит: «Пойдем на крылечко, погуляем немножко, весна уж наступает». Из полутемной комнаты с маленькими окнами она выносит меня через темные сени на высокое крыльцо, за которым словно открывается иной мир.

Вовка открывает глаза и видит яркий свет, сине-голубое небо, зеленый лес. Такое случилось с ним первый раз и так неожиданно, что он и понять не мог, что это такое какая-то яркая, удивительная вспышка голубого и зеленого света в сознании, и это запомнилось.

А вот – первые в жизни шаги. Большая комната, бабушка и зашедшая зачем-то в гости соседка стоят в дверях, а Вовка в одной рубашонке пытается идти к бабушке. Вот ступил одной ножкой, потом передвигает другую, старается не потерять равновесие, держится за стенку, вот еще шажок, босиком. Бабушка довольна успехами внука. Она улыбается и говорит соседке: «Рано мы начали учить Вовку ходить, вот, ножки-то какие кривые стали, надо было бы подождать». Соседка согласно кивает. Вовка тоже смотрит на свои ножки и видит, что они и в самом деле какие- то маленькие и кривые внизу. Ему становится страшно, и он плачет. Бабушка поспешно берет его на руки.

Детская память отрывочная. Вспоминаются только отдельные эпизоды, связанные с эмоциями удивления, опасности, страха. Остальное забылось.

Совсем не страшно

А вот еще одна прогулка на улице. Вовка прижался к бабушке, а она держит его на руках и по скрипучим деревянным ступенькам крыльца осторожно сходит вниз, приседает и ставит его рядом на землю.

– Вовка, посмотри, вот это курочки, они клюют зернышки. Не бойся… А вот петушок, смотри, какой он красивый. А это наша кошка Мурка – глянь, какой у нее пушистый хвостик.

Бабушка улыбается, старается показать Вовке, что все это совсем не страшно. Однако он смотрит и видит перед собой совсем близко окруживших его больших, почти с его рост, курочек. И на вид они вовсе не такие добрые и хорошие, как уверяет бабушка. Вон, какие у них острые клювы, и они что-то ищут, подходят близко, все ближе и ближе… А «красивый петух» как-то грозно посмотрел на Вовку одним глазом и тряхнул гребнем на голове. А кошка такая большая, полосатая, зачем-то вдруг направилась к нему, осторожно ступая, будто подкрадываясь... Вовке становится вдруг страшно, он оборачивается к бабушке и просится обратно на ручки.

Бабушка глядит на Вовку, не понимая, чего он испугался, и чтобы успокоить, поднимает его. Оказавшись в безопасности, Вовка успокаивается и с интересом рассматривает петушка, курочек и кошку. Теперь они кажутся ему совсем не страшными.

Вот еще эпизод, который тоже, видимо, относится к раннему периоду Вовкиной жизни. Бабушка попросила кого-то из девушек посмотреть за внуком, который играет во дворе. А сама, чем-то озабоченная, уходит к реке. Вскоре убегают туда и девушки-школьницы. Неожиданно Вовка остается один. Увидев, что никого нет, он забеспокоился и решил идти туда, куда все побежали. Потихоньку, неуверенно шагая, Вовка направился через дорогу к реке, где стояли люди.

Тут кто-то его заметил и крикнул:

– Посмотрите, и Вовка пришел. Да как же ты дошел-то?

Кто-то взял его на руки и вынес на высокий берег, туда, где стояли все и смотрели вниз. Вовка увидел там бабушку, которая что-то говорила дедушке. Воды в реке было много, и она текла быстро. Дедушка

сел в лодку, мутная быстрина стала сносить лодку в сторону. Перевозчик изо всех сил греб, а дедушка сидел на корме, помогая ему веслом. Взрослые очень переживали, и Вовке тоже стало страшно. Он заплакал. Все взрослые поняли, что Вовка тоже жалеет дедушку и стали его успокаивать: «Да вернется он скоро»! Возможно, это была срочная командировка дедушки в Вологду, и действительно, он скоро вернулся домой.

Первая фотография

Еще эпизод из Вовкиного детства. Как-то по весне, когда он играл дома, пришел дедушка на обед с завода. Вдруг в комнату, запыхавшись, вбежала бабушка Анна Степановна и сказала:

– Смотри, отец, фотограф пришел, ребят фотографирует! Давай Вовку сфотографируем и матери пошлем.

Дед согласился. Вовку стали одевать в пальтишко, нашли шапочку. Пришел фотограф.

– Нужно дать ему в руки что-то, может, лопатку, – посоветовал фотограф.

Но лопатки у Вовки в то время вообще не было. Тогда бабушка вытащила из шкафа «сечку» для измельчения капусты.

– Вот и лопатка, – сказала она.

Фотограф долго выбирал место, где лучше сфотографировать Вовку. По его совету на стенку дома на улице прикрепили одеяло, вытащили табуретку и на нее поставили Вовку. Но когда фотограф нацелил на него фотоаппарат на треноге, и все отошли, Вовка испугался и заплакал. Птичка, которая, по уверениям фотографа, должна была вылететь из фотоаппарата, еще больше его напугала. Так что запечатлеть Вовку на фотографии успели только один раз. Тогда дедушка сам сел на табуретку и взял внука на руки, Вовка немножко успокоился, но все же смотреть на фотоаппарат боялся.

Через неделю фотографии были готовы. Первая фотография: Вовка стоит в шапочке крупным планом в профиль. При этом вид у него такой испуганный и жалкий, словно он вот-вот заплачет. На другой фотокарточке в больших валенках, исхудавший, сидит дед, а на ко-

ленях у него Вовка с сечкой в руке. И не только память, но и фотография напоминает о жизни Вовки в то время. Эта фотография самая первая в его жизни, она в альбоме с подписью: «Вове 2,5 года». Было это перед самой войной...

День Вовки

День у Вовки начинался и заканчивался в маленькой спаленке, самой дальней комнате в квартире дедушки. Спаленка была небольшой, очень узкой, с одним оконцем. В ней стояли кровати бабушки, дедушки и Вовки. Просыпаясь в своей кроватке поутру, Вовка лежал, рассматривая потолок, стены, печку. Дедушки и бабушки уже в спальне не было. Через какое-то время появлялась бабушка, одевала его и несла умываться.

Вовке почему-то очень не нравилась эта процедура, но он знал, что так надо. Руки и лицо мыли водой из умывальника: большого, медного, который висел в углу на кухне. Обычно бабушка одной рукой держала Вовку, а другой намыливала ему руки мылом.

Завтракал он чаще всего на кухне под присмотром бабушки. Еда была самая простая, деревенская: каша или картошка с молоком, куда крошили еще черный хлеб.

После завтрака, пока бабушка «обряжалась» на кухне, Вовка оставался один с игрушками в большой комнате. В маленькой квартире это была самая большая комната, она находилась сразу после кухни. Посредине нее стоял стол, покрытый белой скатертью. На столе, на медном подносе, стоял самовар, белая скатерть спускалась почти до самого пола. Вокруг стола были расставлены четыре темных стула с причудливо изогнутыми спинками и провалившимися фанерными сиденьями, на которых просматривался какой-то замысловатый рисунок. В этой комнате было три окна, в два из которых был виден молокозавод, а в третье – соседский домик.

У первого окна стоял в узкой и высокой деревянной кадке фикус с большими листьями. А рядом в широкой кадке росла чайная роза, высокая, как дерево, и выросшая почти до потолка. На ней весной появлялись красные большие цветы. Эти два цветка почти закрыва-

ли окна, выходившие на завод. Бабушка их очень любила, поливала водой.

На стенке у двери в спальню висел шкафчик, который сделал сам дедушка. Снаружи он был выкрашен темно-коричневой краской. В нем хранилась чайная посуда и всякие пакетики с лекарствами. Он висел высоко, и до него с полу Вовке было не достать. На стене напротив были большие круглые часы в деревянном корпусе, из которого вниз свисала цепочка с гирей. Только сам дедушка заводил эти часы, поднимая вверх круглую длинную гирьку, которая потом сама опускалась.

В большой комнате в углу, ближе к кухне, был еще дедушкин стол. Над ним висела полка с книгами. Из большой комнаты на кухню вела дверь, бабушка ее не закрывала и периодически заглядывала в нее, наблюдая, чем там занимается Вовка. А если эта дверь вдруг закрывалась, то у Вовки появлялось ощущение одиночества.

Вовка всегда играл именно в этой большой комнате на полу. Пол был покрашен красновато-желтой краской. На полу были расстелены половики, которые образовывали длинные дорожки. Одна из них шла мимо стола в спальню. Дорожки из половиков были мягкие и теплые. Играя, Вовка ползал по ним, воображая, что сможет обойти по ним почти всю комнату, не попадая на холодный пол. Если он забирался под стол, то воображал себя в укромном домике, где спокойно и уютно, где можно спрятаться и почувствовать себя в безопасности. В этой комнате он раскладывал и свои игрушки из ящика, который стоял под столом.

Одной из любимых Вовкиных игр была игра в машинки, которых, правда, у него не было. Он брал стулья, опрокидывал их так, что ножки стульев торчали вперед. Теперь, если сесть на спинку стула, получалось что-то похожее на одну их тех машин, которые иногда приезжали на завод и привлекали всех ребят. А если поместить в сидение кубики и просунуть палку, то получается почти такая же машина, как на заводе у деда. Вовка берет импровизированный рычаг из палки, тянет на себя, и машина начинает работать. С одного стула на другой можно было перебираться, не спускаясь на пол, как будто с камня на камень, которые лежат на лугу.

Вот дед пришел с завода и после обеда лежит на кровати в спальне и через дверь наблюдает изредка за внуком.

– Ты что, Вовка, стулья ломаешь, ты бы в ярмарку поиграл, – советует он.

Что такое ярмарка Вовка не знает. В самом деле, что это такое?

– Это где все продают, – отвечает дед. – Раньше народ-то на ярмарки ходил, все покупал. Вот ты сделай, чтобы все твои игрушки тоже на ярмарку пошли. Сначала большие идут, потом маленькие.

Вовка соглашается. Сначала ставит своего большого бумажного коня на колесах. Дальше выставляет ободранного петуха, он тоже большой, потом собачку, потом кошку, мишку. Все идут на ярмарку. А дальше что? Вовка смотрит на деда. Что же делать дальше?

– А дальше пусть идут, – говорит дед.

Вовка передвигает игрушки, но игра что-то не ладится, почему-то Вовке совсем не понятно, как нужно играть в ярмарку. Дед уходит, а Вовке становится неинтересно играть в ярмарку, и все игрушки снова занимают свое привычное место в ящике под столом.

В этой большой комнате под часами между полом и стенкой еще есть маленькая дырка, ведущая куда-то под пол, такая узкая, что даже маленькая Вовкина рука туда не пролезает. Но когда он опускает в эту дырку круглую пуговицу, то она проваливается и пропадает совсем. Бабушка объясняет, что эту дырку прогрызли мыши, которые живут под полом. Что это за мыши? Вовка их никогда не видел, но его воображение рисует маленьких зверьков, которые сидят под полом и ждут, когда он им что-нибудь бросит.

На кухне

На кухне, где чаще всего находилась Вовкина бабушка, главное место занимала печка. Ее она начинала топить прямо с раннего утра. Кухня и печка были основным местом работы бабушки. В печке она варила в чугуне картошку или жарила ее с салом на сковороде, кипятила молоко и грела воду, которую носила в ведрах с завода. Иногда она пекла пироги с ягодами, но чаще «рогульки» с картошкой и круглый хлеб, называвшийся «чоупаны». Самым

большим лакомством, которым бабушка угощала Вовку, была пареная в печке сладкая брюква. В кухне у окна стоял стол бабушки, висели деревянные полки с посудой и шкаф. А слева у стены стоял дедушкин верстак с тисками и инструментами. За ним дедушка работал – ремонтировал все, что ему ни приносили: охотничьи ружья, швейные машинки, точил пилы, косы и ножи. Был он, как говорится, на все руки мастером.

Осенью на кухне солили капусту. На отдельной полке стояла керосиновая лампа. Вовка с интересом наблюдал, как горит огонь в печке, как обряжается бабушка и работает дедушка за верстаком.

Из кухни, переступив высокий порог и открыв толстые двери, можно было выйти в темные «сени». В сенях налево была дверь в кладовку, где у бабушки стояли бочки с соленой капустой и грибами. Из сеней направо также была дверь на лестницу на чердак, а дверь прямо вела в туалет, куда Вовку не пускали. Из темных сеней также выходила дверь на высокое крыльцо, которое было под крышей.

В окна из комнаты был виден завод, который находился за высоким забором, его труба, берег реки и березовая роща на том берегу. В окно из кухни был виден соседний дом – контора завода.

Лес от дома начинался метрах в 50, и на самой его опушке росла высокая старая елка со скворечником. Вдоль леса росли рябины и черемухи.

Когда Вовке надоедало играть в игрушки, он подходил к окну и разглядывал то, что творилось на улице. Большим событием было появление на дороге лошади с телегой, на которой стояли бидоны с молоком. А уж когда приезжала «полуторка» – машина, на которой увозили с завода ящики с маслом, то все ребята выбегали, чтобы на нее поглазеть. А если посчастливится, еще и покататься, уцепившись сзади за кузов.

Солнце в Порозове заходило за лес, куда уезжала по дороге машина с грузом. Там, на холме, находилась деревня с непонятным и длинным названием – Малоновленское.

Наступал вечер, и бабушка зажигала на столе керосиновую лампу в большой комнате. Вечер – самое скучное для Вовки время: на улице темно, керосиновая лампа освещает только стол. Хочется или не хочется, а пора идти спать.

Бабушка спала на большой железной кровати у окна, а дедушка – у той же стенки, ближе к печке, на деревянной кровати, которую он сделал сам. Вовкину кровать тоже сделал дедушка. Она была с высокими перилами и стояла у другой стенки, ближе к кровати бабушки и двери в большую комнату.

Над бабушкиной, самой большой кроватью, в углу висела икона. На ней был изображен человек с поднятой рукой в золотистой одежде. Перед сном бабушка, встав перед иконой, шептала какие-то непонятные Вовке слова. «Иже еси, на небеси, Отче наш…» Для чего она это делала, Вовка не знал, но думал, что так и нужно.

Однажды бабушка объяснила Вовке, что на иконе изображен Иисус Христос.

– Это наш Бог. Он на небе живет и, чтобы Он пожалел нас и тебя, Вовка, нужно Ему молиться, – наставляла она внука.

Однако попытки бабушки научить Вовку молитвам успехом не увенчались. Что поделать, если в них было очень много непонятных слов, смысла которых он не понимал и все время их забывал.

После молитвы бабушка раздевала Вовку, укладывала его в кроватку, накрывала толстым стеганым одеялом. Засыпая, он ее неизменно просил:

– Баба, подложи одеяло под ножки.

После выполнения этой просьбы Вовке становилось уютно, тепло.

Наступала ночь. Бабушка, повернув фитиль керосиновой лампы и прикрыв стекло сверху рукой, дунув, тушила ее.

Вовка замечал, что один указательный палец у бабушки какой-то круглый на вид и короче других.

– Баба, а почему у тебя такой палец? – спрашивал он.

– А это когда я была маленькой, то уколола палец иглой, он от этого заболел и вот, отвалилась косточка. Спи, давай.

Надо сказать, что в то время в вологодских деревнях не было ни электричества, ни радио. А уж про телевизоры… да что говорить, телевизоры в то время ученые еще не придумали, о них даже мечтать никто не мог. Они только в сказках были.

На печке

Особенно уютным и всегда теплым местом зимой в доме для Вовки была печь, большая кирпичная. Печкой поддерживалось тепло в комнатах. Переборки в квартире были сделаны так, что печь нагревала все комнаты. А из самой маленькой комнаты – спальни – можно было даже забраться на эту печку с полатями и погреться. Вовка, когда был совсем маленький, сам не мог залезть туда, даже с кровати дедушки, и когда ему было нужно туда забраться, он просил бабушку подсадить его.

Сидеть на печке было очень уютно, и было много места за счет полатей, так, что Вовке можно было взять с собой все свои игрушки: кубики, чашечки, мишку, резинового петушка. Сверху было видно все, что творилось внизу в комнате.

Сидя на печке, можно было не только играть, но и поговорить с соседкой Ленкой Зятюшковой. В Ленкиной квартире в этом месте тоже была печка, и детей разделяла только перегородка из досок. Под самым потолком, где обвалилась штукатурка, даже образовалась дырка между квартирами. Если к этой дырке приложить ухо, то хорошо было слышно все, что делается в соседней квартире.

Забравшись на печку, Вовка просовывал в дырочку палочку и шепотом спрашивал:

– Лена, ты здесь?

– Я тут, – отвечала Ленка и тянула его палочку к себе.

Об этой потайной дырке знали и взрослые. Бабушка об этом рассказывала как-то соседке:

– Вот ведь Вовка какой озорник, все маленькие игрушки спихал Ленке, а сколько их у него было!

Однако Вовка, слушая этот рассказ бабушки, никак не мог вспомнить, что же он «спихал» к Ленке, так как дырка была очень маленькой. Бабушка тут явно преувеличивала.

Открытия

Изучая свое собственное «я», Вовка, сам не ведая о том, иногда доходил до крайней степени субъективизма и идеализма. Вот он си-

дит с бабушкой за столом и помогает ей перематывать нитки с веретена. От долгой и однообразной работы Вовке становится скучно. Он закрывает глаза. И сразу становится темно, но бабушка все равно перематывает нитки, словно ничего не случилось. А что если подольше посидеть с закрытыми глазами – что-то будет тогда? Только и на это бабушка никак не реагирует: сидит и работает. Как же так?

– Баба, а если я закрою глаза, тебе будет темно? – спрашивает Вовка.

– Сиди смирно и держи веретено, а то уронишь, – отвечает бабушка, явно не понимая, о чем спрашивает любопытный внук.

Это было одно из первых детских открытий Вовки, запомнившихся ему на всю жизнь: ему темно, но в комнате по-прежнему светло.

Потом он сделал и другие открытия. Например, оказалось, что задолго до него на свете жили люди, были цари. А еще – что далеко от его деревни есть много других деревень и больших городов, где живут люди в больших двухэтажных домах. Не раз Вовка пытался представить себе, как выглядит двухэтажный и даже трехэтажный дом в городе. Он недоумевал, как же это люди по лестнице забираются так высоко каждый день? Ведь это же так неудобно и утомительно…

Из рассказов бабушки Вовка узнал, что далеко от Порозова есть город Вологда. Иногда он, глядя в окно, смотрел на облака и думал, что вот то дальнее облачко на небе, может быть, как раз и находится над этой самой Вологдой.

Подобные открытия в 2,5–3 года случались с ним довольно часто. Поверить, что Земля круглая, тоже было очень трудно, но, к счастью, Вовке помог в этом небольшой холмик перед домом. Он был, как половинка круглой Земли…

О том, что время не зависит от движения стрелок на часах дедушки, он тоже убедился благодаря бабушке. Однажды она зачем-то собралась в соседнюю деревню. Брать с собой Вовку не захотела, а дед тоже был в командировке. Вовка хныкал, бабушку отпускать не хотел, пока она не пообещала ему:

– Вот смотри, Вовка, на часы – как только маленькая стрелка будет вот здесь (при этом она показала ни нижнюю цифру справа), так я сразу и приду.

Успокоенный обещанием бабушки, Вовка остался один дома. Сначала он, как обычно, поиграл в игрушки, но поглядывал все время на часы. Потом походил по комнате. Но стрелка часов очень медленно приближалась к нужному месту… Когда Вовке стало совсем скучно и тревожно, он решил ускорить приход бабушки. Подвинул к стенке стул и осторожно тронул маленькую стрелку пальцем. Она сдвинулась. Тогда Вовка подвел ее к той цифре на часах, которую указала бабушка, и побежал к окну. Увы, бабушки на дороге он так и не увидел.

– Почему бабушка не пришла, она же обещала… – недоумевал Вовка.

Так и не дождавшись бабушки, он лег на дедушкину кровать и уснул. Бабушка, как и обещала, пришла около 5 часов вечера. Однако когда на следующий день утром дедушка взглянул на часы, то очень удивился, что они так далеко убежали вперед. Спросили Вовку, и причина этого выяснилась. Разумеется, за этим последовал строгий запрет впредь переводить часы – ведь от этого они могут сломаться. Но Вовка понял главное – сколько не переводи часы, это никак не повлияет на время. А часы его только показывают.

А сколько открытий принесло маленькому Вовке зеркало! Как-то раз он взял в руки большое зеркало, которое стояло на столе, и стал разглядывать себя в нем. А когда наклонился над ним, то увидел, что стоит он, словно над пропастью, в глубине которой виднеется потолок. Шагнешь – и провалишься туда. Вовке страшно. Но он все-таки делает шаг, замирая в ожидании падения… однако, ничего не происходит. Потом Вовка не раз повторял этот опыт. Результат оказывался тем же самым. Так обманчиво оказалось зеркало.

Бабушкин помощник

Все новые открытия, новые знания доставались Вовке дорогой ценой и приводили иногда к очень неприятным для него последствиям. Не всегда взрослые понимали маленького Вовку и его намерение узнать что-то для него новое и даже заслужить одобрение взрослых.

Однажды очередное такое происшествие случилось с ним весной. Как-то бабушка в огороде стала высаживать на грядки проросшие семена огурцов, которые в сырой тряпочке на блюдце долго лежали на подоконнике. Вовка тоже очень хотел помогать бабушке в огороде и все время просил дать ему семечко, чтобы самому посадить его в землю. Бабушке это, конечно, очень мешало, и, чтобы отвязаться от него, она вместо семян огурцов дала ему в кружке немножко «зернышек» пшена и разрешила ему высаживать их в бороздку на соседнюю грядку. Вовка с большим старанием стал делать бороздки и сыпать туда бабушкины зернышки. А бабушка в это время, занимаясь своим делом, высаживала семена огурцов и приговаривала:

– Вот, Вовка молодец, вырастет у него морковка, будем ее собирать.

После этих слов он больше того старался делать, как бабушка.

Потом вместе с бабушкой он ходил в огород и поливал свою грядку, ожидая всходов. Огурцы у бабушки взошли, а у Вовки, несмотря на все его старания, почему-то никакой морковки так и не выросло, что его сильно огорчило.

Через какое-то время бабушка, видимо, подумала, что Вовка забыл свою неудачу, и, улыбаясь, рассказывала соседке, собравшейся осенью посмотреть урожай в огороде, как она ловко придумала: чтобы внук ей не мешал, она дала ему горсть крупы, которую он посеял на соседнюю грядку и старательно поливал. Соседка, слушая этот рассказ, улыбалась, разглядывая Вовку, и он чувствовал себя очень неловко, что его так обманули.

Опять наварзал

В следующий раз, летом, когда пришло время проводить прополку, Вовку в огород бабушка не взяла и наказала сидеть у открытого окна и смотреть, как она в огороде обрывает лишние листочки у помидоров и огурцов, что бы они лучше росли.

Наблюдая за работой бабушки, Вовка решил, что пришла пора обрывать лишние листики не только на грядках, но и на цветах, что растут в комнате. Обрадованный своей догадкой и тем, как бабушка

будет его хвалить, он стал обрывать нижние листочки у разросшейся в комнате розы, где их было особенно много, а потом и у фикуса, что стоял рядом.

Вскоре бабушка пришла с огорода и, увидев на полу разбросанные листья, всплеснула руками: «Вовка, ты что наделал, зачем оборвал у цветов листья?!» За такое озорство бабушка впервые отшлепала Вовку и поставила в угол. Вовка стоял в углу и плакал не столько от боли, сколько от обиды: хотел-то обрадовать бабушку, сделал все так, как она в огороде.

Когда в очередной раз бабушке нужно было отлучиться из дому, то ей уже не нужно было показывать на часах время возвращения, однако Вовке сидеть в запертой квартире одному было по-прежнему скучно. На этот раз его заинтересовал небольшой люк в полу на кухне у печки. Он уже знал, что этот люк ведет в подполье в «гоубец», где живут куры. Заглянув в маленькую щелку в люке, он увидел кудахтавших кур. Раньше он видел, как бабушка открывала этот люк и кормила кур, разбрасывая им из миски остатки картошки.

Разглядев кур, Вовка подумал, что они хотят кушать и решил к приходу бабушки покормить их. Однако в шкафу на кухне не нашел ничего кроме небольшого кусочка хлеба. Спуская в дырку крошки хлеба, он увидел, что куры появились на лесенке и охотно клюют крошки. Хлеба было мало, а куры, как было видно, хотели есть. Поискав еще в шкафу, он нашел на полке только солонку с солью. Он взял щепотку соли и посыпал немножко курам. К его радости, куры стали клевать и крупинки соли. Высыпав в дырку соль из солонки, он был очень доволен, что покормил их сам, без бабушки. Когда пришла бабушка и спросила, чем он тут занимался, то он рассказал ей, что покормил голодных кур, и они даже клевали соль.

Бабушка, вопреки его ожиданию, опять стала его ругать: «Ты зачем это сделал без спроса, опять наварзал». Она спешно открыла люк и спустилась в подполье, вымела с лестницы остатки соли. А потом Вовке объяснила, что кур солью кормить нельзя, что они от соли заболели и одна курочка умерла. Вовка очень переживал смерть курочки и больше кур солью не кормил.

Соседские ребята

Проблемы у Вовки возникали не только с бабушкой, но и, больше того, с соседскими ребятами, которые жили рядом. У дома, где жил Вовка, со стороны леса было еще низкое крылечко и дверь в длинный коридор, из которого можно было войти в две квартиры. По коридору вправо была двухкомнатная квартира Ефальи Зятюшковой, в которой жила ее замужняя дочь с ребенком – Танькой, а также трое детей: старший сын Борис, младший сын Вовка и самая младшая дочь Ленка. Отец Таньки был моряком. В другом конце налево была квартира Пусторамовых, и там жил школьник Юрка с матерью и старшим братом, отец их, как говорили, погиб. Особенно доставалось Вовке от брата Ленки Вовки и Пусторамова Юрки, учеников первого класса начальной школы, которая была на другом берегу реки.

Когда Вовка подрос и научился спускаться с высокого крыльца и даже выходить за пределы огорода, он однажды почему-то решил навестить свою соседку – одногодку Ленку, с которой переговаривался через дырку на печке.

Он прошел в соседний подъезд, не побоялся темного коридора, нашел дверь, открыл ее и вошел в комнату, ожидая встретить Ленку. Но в комнате за столом сидели несколько ребят, и они о чем-то увлеченно говорили и что-то мастерили на столе. Вовка им явно был не нужен. Чтобы выпроводить незваного гостя, один из парней взял в руки со стола большие ножницы и, выставив их вперед и щелкая лезвиями ножниц, как зубами, направился к Вовке, стоящему в нерешительности у порога.

Вовке до этого ничего более страшного переживать не приходилось, и он под хохот ребят, не помня себя, перескочил обратно через порог и, не оглядываясь, выбежал со слезами на улицу. Ленку в тот раз он так и не увидел.

Нехорошие слова

Большой конфуз с этими ребятами произошел у Вовки, когда бабушка в первый раз отпустила его с соседскими ребятами погу-

лять. Было это ближе к осени. Бабушка окучивала у бани картошку, а Вовка старался ей помогать, но больше того мешал, и когда проходившие соседские ребята Вовка и Юрка попросили отпустить его с ними погулять, то она согласилась. Зачем-то ребята пошли к речке по лавам на островок, а потом и на другой берег. По лавам, доскам на жердях, идти Вовке было страшно, внизу – быстрый поток воды, а доски были узкие, до поручней он с трудом доставал.

– Иди-иди, – подбадривали ребята, – не бойся.

А показать ребятам, что он боится, не хотелось, и он тоже перешел на островок. Ребята, оказавшись одни, бегали по островку, кидали камни в воду и распевали песни. Вовка бегал за ними и молчал, так как никаких песен не знал. Ребята остановились, переглянулись, пошептались и предложили ему разучить песенку, которую он потом может спеть бабушке, и она его за это похвалит.

Вовка старательно повторял под их диктовку слова, не совсем понимая их смысл, но после нескольких повторений запомнил четверостишие. После этого все они опять вернулись на свой берег. Ребята отправили его к бабушке, а сами, засмеявшись, побежали домой...

«Ну как, – спросила бабушка, – где были?» Вовка, довольный походом, рассказал ей, что он с ребятами был на островке, кидал камни в воду и там он выучил песню. Когда он стал повторять выученную песню, то бабушка услышала из уст внука забористый мат-перемат. Тут она всплеснула руками: «Да кто это тебя научил? Никогда не говори эти слова, они нехорошие – «матюжные». Ох уж эти ребята, я их матерям все расскажу».

Так Вовка впервые узнал, что кроме хороших есть и нехорошие – «матюжные» – слова, больше он их никогда бабушке не повторял, но все их хорошо запомнил. После этого случая бабушка долго не отпускала Вовку гулять с большими ребятами.

Соседка Ленка

Совсем другие отношения у него складывались с ребятами, близкими ему по возрасту. Кроме Ленки это были ее младшая сестра Танька и соседка из другого дома Лидка, но все же ближе всего по

взаимопониманию ему была Ленка. Обычно он приходил к ней домой и спрашивал:

– Лена, ты пойдешь гулять?

Ленка, в красном платье в горошек, с большой черной челкой, и Вовка, в коротких штанишках на пройме и с короткой челкой, обычно играли около дома. Все маленькие ребята летом, конечно, бегали босиком. Иногда к ним присоединялась Лидка. Они садились на завалинку у дома, где припекало солнышко. Ленка предлагала печь пироги из глины. Надо сказать, что процесс этот был сложный и трудоемкий. Сначала нужно было выкопать небольшую ямку. Затем принести в банке воды и налить в ямку, затем встать туда пяткой и хорошенько покрутиться на месте. Вот и готова квашня, ровная, с плотными стенками, в которой долго держалась вода, и можно было размочить глину. Можно было сделать несколько таких лунок и наделать много пирогов, и даже сварить суп – кому что хотелось. Вокруг росли ромашки, подорожники, все это добавлялось и в пироги, и в суп.

У Ленки было больше жизненного опыта, и она говорила Вовке: «Ты будешь папой, а я – мамой». После приготовления супа и пирогов все усаживались есть, и Ленка раздавала всем еду. Все по очереди получали пироги, «рогульки» и делали вид, что едят.

Если эта игра надоедала, они шли к реке. Там, на берегу, недалеко от дома, тянулся широкий, ровный луг, где росли разные цветы: синенькие колокольчики и простые деревенские ромашки. Весной этот луг покрывался желтыми цветами, круглыми, на длинной ножке. Если по этому лугу побродить, то можно было найти стебельки кислицы с красной метелкой на верхушке. Ленка любила плести венки из этих цветов. Возьмет пучок, обовьет их как-то ловко вокруг, а потом новые цветы добавит, и получается венок, который можно носить на голове. А уж из каких цветов его плести –кислицы, ромашки или из всех зараз – это сам решай. Вовка, в конце концов, тоже понял, как плести венки, но сплести целый венок самому терпения не хватало.

Так они и играли, пока из окна не высовывалась бабушка:

– Вовка, иди обедать, – звала она.

Нехотя он уходил домой, а Ленка тоже шла к себе.

Обед за общим столом

Большие неприятности у Вовки в 2,5–3 года были связаны с едой за общим столом. Ложку почему-то ему давали большую. Трудности были связаны не только с тем, чтобы научиться держать ложку с супом, но и главное – ничего не пролить, донести ее и отправить прямо в рот, но все равно суп растекался еще и по подбородку. Также ему очень не нравились и плавающие в супе комочки жира.

Маленькая ложка была удобнее, но суп тоже проливался и глоточки получались совсем маленькие, нужно было часто залезать ложкой в общую тарелку. Еда превращалась в настоящую муку. Никакого удовольствия от еды со всеми за общим столом он не испытывал и поэтому часто начинал баловаться.

Вот сидит он с дедушкой и бабушкой за обедом. Обеденный стол стоит почти в центре комнаты, Вовка сидит слева, ближе к часам, бабушка на другом конце, ближе к кухне, а дедушка – посредине. Дед ест неспешно, молча, наклонившись над столом. Рядом с ним лежит кусочек хлеба. Бабушка ест торопливо и смотрит за Вовкой. А ему есть не хочется. Поэтому он начинает скатывать шарик из хлебных крошек! Бабушка замечает это и стыдит внука:

– Вовка, перестань баловаться, ешь спокойно.

Вовка опять начинает есть. Но вскоре ему надоедает хлебать суп с морковкой и плавающим поверху жиром, и он опять принимается за свое.

– Вовка, смотри, ведь тебе попадет, – предупреждает опять его бабушка.

Он перестает, но размятый катышек как-то нечаянно летит в тарелку с супом. Испугавшись, он пытается его быстро вытащить рукой, но, зацепив тарелку, проливает весь суп на скатерть. Дедушка неожиданно приподнимается и своей большой ложкой щелкает его по лбу. Не сколько от боли, а от неожиданности Вовка начинает плакать, спускается со стула, бабушка тут же хватает его за руку и тянет в спальню. «Ах ты, озорник, что наделал, вот и сиди теперь тут в наказание». Вовке было очень обидно, что дед так стукнул его.

Однако нужно сказать, что это был единственный случай, когда он принял такое неожиданное участие в воспитании внука. Обычно

этим занималась бабушка. И в ее системе воспитания дедушка для Вовки выступал как высший авторитет: «Смотри, Вовка, вот придет дедушка, и я все ему все расскажу, как ты озорничаешь».

Гроза и радуга

Вспоминается Вовке день, когда он возвращался с Ленкой с реки: половина неба как-то удивительно ровно закрыла темно-синяя туча. Она медленно двигалась и все больше закрывала небо. Вот уже и солнца невидно. По мере ее перемещения по небу сгущаются сумерки, закапал дождь. Все побежали домой. Дождь пошел удивительно сильный. Грянул гром. Бабушка торопливо завешивает все окна и просит Вовку отойти подальше от окна. В комнате становится совсем темно.

Сидя за столом, Вовка спросил:

– Баба, а откуда гром?

– Тише, это Илья-пророк на своей колеснице по небу едет. Вот она и гремит, – ответила Анна Степановна.

Вовка попытался представить себе, как это можно кататься на колеснице по тучам. Да и что такое «колесница»? Воображение нарисовало Вовке большую телегу или тарантас, который, громыхая, несется по ухабистым тучам. А сидит на ней суровый бородатый мужик с молниями в руках. Может, это сказка, может, быль, но Вовка уже привык к тому, что вокруг много непонятного.

Дождь прошел и опять появилось солнце. Вышел Вовка на крыльцо – оно сырое, со стен и крыши падают крупные, тяжелые дождевые капли. У крыльца разлилась большая лужа, и вся зеленая лужайка перед крыльцом залита водой. Вовка спускается с крыльца и босиком бродит по лужам. Какая же теплая земля под ногами, и как приятно топать по мягкой траве, которая набухла от дождя!

Тут на крыльцо выходит бабушка и говорит:

– Вовка, смотри радуга-то какая!

Вовка выбежал за калитку и увидел, как над рекой повисла разноцветная дуга, прозрачная, цветная: голубая, зеленая, красная, широкая большая. Один конец дуги на одной стороне реки, а другой

почти совсем рядом. Такое Вовка тоже видел первый раз и понять это – почему и откуда эти чудеса на небе и земле – ему просто невозможно. Так Вовка первый раз в жизни увидел радугу.

Цыпки

На берегу реки, недалеко от завода, стояла баня с деревянной трубой, небольшим широким деревянным пологом с двумя ступеньками и печкой, где был поставлен большой котел для горячей воды. Освещалась банька одним маленьким оконцем. Топили ее редко, обычно, когда приезжали гости. В этой баньке Вовка мылся всего один или два раза. А так, бабушка мыла его просто в тазу на кухне. Вовке очень не нравилось мыться, особенно, когда намыливали голову. Мыло почему-то всегда попадало в глаза и сильно щипало. Когда бабушка выливала на Вовку воду, чтобы смыть мыло, она просила его зажмуриться и не дышать. Теплая вода стекала в таз, где белела мыльная пена.

– Смотри, какой ты грязный, – приговаривала бабушка, еще раз намыливая Вовке голову.

Потом она кутала его в большое полотенце и вытирала насухо. То были, пожалуй, самые приятные минуты купания: раскрасневшееся тело горело, было тепло и приятно кутаться в прохладное, сухое полотенце.

Поскольку все маленькие ребята в деревне бегали босиком, ноги требовалось мыть ежедневно. Придет, бывало, Вовка домой, а ноги у него все в грязи, по самые колени.

– Смотри, Вовка, этак у тебя цыпки появятся, – скажет бабушка, увидев, как он вымазался.

Вовка не знал, что такое «цыпки». Поэтому он думал, что это, наверное, такие цыплята, только очень маленькие. И что это бабушка его пугает этими цыпками?

Но вот однажды у Вовки ноги стали шершавыми, на них появились небольшие трещинки. Мыть ноги, «дотыкаться» до кожи и особенно их намыливать стало очень больно.

– Нечего было по грязи бегать, – сказала бабушка. – Говорила я тебе: не лезь в грязь, а ты меня не слушался – вот у тебя цыпки и по-

явились. Так тебе и надо, говорили тебе – мой лучше ноги, не бегай по грязи.

Пришлось тут Вовке каждый день мыть ноги и смазывать их маслом и бабушкиной мазью, пока не прошли у него цыпки.

Бабушка все Вовкины ранки и царапины лечила пластырем, который она варила и хранила у себя в баночке. Состав этого пластыря был чуть ли не бабушкиной тайной, но Вовка однажды подглядел, как бабушка смешивала в столовой ложке еловую смолу, пчелиный воск и немножко меда и плавила все это, держа ложку над стеклом лампы. Получалась густая, темно-коричневая липкая масса. Вовка охотно лечился этим пластырем, так как рану не щипало и все быстро заживало. А мелкие ранки и царапины лечили, прикладывая к ним лист подорожника.

Встреча со шмелем

Однажды бабушка собралась за малиной и Вовку взяла с собой. Малинник находился недалеко от дороги на Брячу. Пробираться через колючие заросли за бабушкой Вовке было трудно, но, чтобы он не отставал, бабушка припугнула его тем, что малину очень любят медведи.

Ягоды он собирал в небольшую кружку, но в основном в рот, а бабушка в тарку. Малины в кружке у Вовки прибывало довольно медленно. Пробираясь через большой куст, он вдруг почувствовал как что-то неожиданно ударило его в лицо. А потом появилась боль, и он заплакал… Подбежала бабушка, наклонилась и увидела черное жало:

– Не бойся, это тебя укусил шмель, ты, может, на гнездо его наступил, вот он и ужалил.

Вовке было больно, щеку раздуло, заболела голова. Бабушка взяла его за руку, и они пошли домой.

В другой раз, после прогулки по лесу, Вовка обнаружил у себя на плече какой-то странный прыщик. При осмотре бабушка обнаружила, что это присосался клещ. Его долго извлекали: сначала больное место помазали маслом, потом пытались извлечь клеща ниткой, а когда его

все же вытащили, то в месте укуса долго оставалась небольшая припухлость. К счастью, этим все и ограничилось, никаких других возможных последствий после нападения клеща не произошло. После укуса клеща Вовка мог серьезно заболеть. Но вот, опять ему повезло.

Болезни

Болел Вовка не особенно часто, но тяжело, и все болезни оставили о себе след. Однажды он заболел ветрянкой. На лице появились какие-то «хруны», так сказала бабушка, которые покрылись корочкой. Покопавшись с соседками в справочнике, бабушка определила, что это ветрянка. Ветрянка – легкая болезнь, и ее ничем не лечили – само прошло.

Помнил Вовка и то, как однажды у него появилась желтуха – вдруг он стал желтый-желтый. Смотрит на себя в зеркало и не узнает: кожа желтая, глаза желтые, ну и чудеса. Но никакого изменения самочувствия не замечал.

Бабушка потом рассказывала:

– Вот ведь, все в деревне переболели желтухой, а Вовка – нет. Но вот и он заболел, самый последний из всех.

Вовка болел желтухой целую неделю. Сидел дома и слонялся по комнатам. Гулять ему разрешили лишь после того, как болезнь прошла.

Но особенно тяжело он болел корью. Температура поднялась почти до 40 градусов и держалась долго – почти неделю. Вовку эта болезнь так измотала и так измучила, что от слабости он уже еле шевелился, такая была слабость... Бабушка положила его к себе на кровать, так он в жару и на подушке метался.

Больница была далеко. Поэтому за все время болезни врач посетил Вовку только один раз, больше врача не беспокоили. Выздоровление шло медленно, почти полмесяца он пролежал в постели. Но вот однажды бабушка пришла радостная.

– Вовка, ну-ка, пойдем, посмотри!

Она быстро завернула его в одеяло и вынесла на улицу на крыльцо. Была весна и было еще холодно, кое-где лежал снег.

– Смотри, Вовка, птиц-то сколько к тебе прилетело. Это снегири.

Вовка посмотрел на большую рябину, что росла на опушке леса, и глазам своим не поверил – все дерево усыпано красивыми красногрудыми птицами.

– Смотри, Вовка, смотри, – говорила бабушка, – это хорошая примета, теперь ты скоро поправишься.

Вовка смотрел и удивлялся этим необыкновенным лесным птицам – откуда они прилетели? Неужели и впрямь к нему? Вот чудеса!

С тех пор Вовка действительно стал быстро поправляться, настроение у бабушки стало опять хорошим. А к лету Вовка уже на улицу стал выходить, но больше эти красивые птицы к нему не прилетали.

Дедушка с бабушкой

Воспитательницей и главной защитницей Вовки в первые годы его жизни была бабушка. Тем более, что он весь день находился при ней. А дедушка вставал рано и уходил на работу. К обеду он приходил домой, отдыхал на кровати у печки, а потом опять уходил на работу. Как видно, там у него были очень важные дела.

Поэтому дедушка и держался серьезно, был малоразговорчивым. Волосы на его большой голове были коротко подстрижены ручной машинкой.

Вечером бабушка приносила деду газету, он ее читал и пересказывал все важные новости. Когда он, лежа, читал газету, то надевал очки в круглой металлической оправе. Вставая, он перемещал очки на лоб, и Вовке было непонятно, как же они там держатся.

Бабушка газет не читала, она вела все домашние дела: готовила еду, наводила порядок в доме, кормила курочек и козу, знала все новости по деревне, была общительной и любила поговорить с соседями.

У дедушки и бабушки была полная гармония во взаимоотношениях и понимание. Когда она обращалась к дедушке, то называла его «отец». А он в свою очередь, обращаясь к ней, называл ее «матерью».

– Ты, мать, смотри, Вовку тут без меня не балуй…

Вовка звал бабушку «бабой», а дедушку «кокой». Бабушке он часто задавал всякие вопросы, показывал рукой и спрашивал: «Баба, а это щё?»

Вовке свое положение у дедушки с бабушкой казалось очень естественным: у соседей – взрослых тетей и дядей – тоже были маленькие дети. У моей бабушки и дедушки тоже есть я – Вовка. Все в деревне так его и звали Вовка Батыгиных. Так втроем они и жили, не беспокоясь, что будет реально впереди.

Дед был для Вовки большим авторитетом, предметом уважения и подражания. Нередко он ходил с ним на маслозавод и узнавал там много нового. Но все же подлинное человеческое тепло и забота исходили от бабушки, которая и кормила, и мыла, следила за его поведением, когда приходили гости. А иногда Вовка и спать ложился вместе с бабушкой, спрятавшись под одеяло, прижимался к ней, сложив ручки между коленками, и спокойно засыпал. С бабушкой засыпать было всегда теплее и уютнее, чем одному в своей маленькой, холодной кроватке, где он просыпался уже утром.

Так и жили они все втроем в полной гармонии и согласии. Вовке казалось, что все так и должно быть.

Гости из города

В летнее время в Порозово нередко наезжали гости из города Вологды, Архангельска и даже из Москвы. Про Вологду часто рассказывала ему и сама бабушка, какие там большие дома. Она говорила и о родственниках Балашовых, которые живут недалеко от большой пожарной каланчи на улице Подлесной. По рассказам бабушки, у Балашовых Августы и Капитона был кудрявый мальчик Вова и две дочки Неля и Римма. «Поезжай, Вовка, в Вологду, – в шутку говорила бабушка. – Посадим тебя здесь на машину, довезет она тебя в Вологду, а там увидишь большую пожарную каланчу, вот и приехал».

Бабушка частенько рассказывала Вовке про Вологду: какие там большие дома – аж в два этажа.

Над бабушкиными рассказами Вовка раздумывал по несколько дней, представляя себе Вологду. Пожарная каланча в его воображе-

нии рисовалась почему-то очень высокой и круглой. А Подлесная улица, судя по ее названию, находится где-то под лесом. Кончается улица, и тут же начинается сосновый лес, точь-в-точь как у них по дороге в соседнюю деревню.

– Бабушка, а если все время по реке плыть, то куда приплывешь? – спрашивал Вовка.

– Если по реке вниз по течению, – отвечала Анна Степановна, – то приплывешь тоже прямо в Вологду.

Однажды вместе с Капитоном приехали в Порозово взрослые ребята из самой Москвы. Их звали Вадим и Будимир, то были дети брата дяди Капы, который жил в Москве. Они были какие-то суетливые, все время торопились и бегали: то на реку, то в лес, в омуте ловили рыбу настоящими складными удочками, а потом установили мишень у большой елки у дома и стреляли патронами из винтовки в цель. На Вовку они не обращали никакого внимания, а он боялся даже подходить к ним.

Часто в Порозово приезжал из Кубенского Мохов, в черном кожаном пальто, проверять работу завода. Бабушка и дедушка приглашали его за стол, угощали картошкой и солеными рыжиками. На столе появлялась бутылочка вина. Рыжики ему очень нравились. Вовку на это время отправляли гулять на улицу.

Знакомство с окрестностями

Первое время мир, в котором жил маленький Вовка, был ограничен двумя комнатами и кухней, затем – двором и территорией вокруг дома, затем – берегом реки. Со временем им были обследованы соседние постройки. У одной из них, слева, без окон, стояли зимние сани и был красный щит с топором и багром. То был амбар.

На лугу у дороги, справа от завода, Вовке нравились большие камни. Их было несколько, и они были разные по величине и форме. У самой тропки, что идет к бане, лежал большой плоский камень, заросший серым лишайником. В траве он был едва заметен. У дороги стоял камень поменьше, верхушка его высовывалась из травы. Третий камень, небольшой и круглый, лежал прямо среди

луга. Иногда они с Ленкой и Танькой играли, занимая то один, то другой из них.

– Чур, это мой камень, – говорила Ленка, занимая самый большой из них. А кому-то из ребят свой камень быстро найти не удавалось.

Самый большой камень, который знал Вовка, лежал в реке, недалеко от ручья, стекавшего в реку из небольшого лесочка. Забраться на него и посидеть на нем удавалось только, когда река мелела.

Если пойти по дороге, по которой привозили на завод молоко, то за поворотом росли сучковатые сосны и кусты «готовика» (жимолости) с темно-синими ягодами. Эта дорога вела вверх на пригорок, в деревню Малоновленское. Дорога была очень пыльной, но шлепать по ней босиком было очень приятно. Вовка в этой деревне бывал редко, там были высокие качели с длинными веревками, качаться на которых он боялся.

А вот красные ягоды, которыми были усыпаны некоторые кусты у дороги, есть было нельзя. Вовку об этом предупредила Ленка: это «волчьи ягоды», и если их съесть, то можно заболеть.

На пригорке у реки, слева от завода, росла земляника, и можно было попытаться там найти красные ягодки. Там же были две неглубокие ямы, заросшие крапивой.

Если пойти по дороге налево, в сторону деревни Бряча, и свернуть в лес, то можно было выйти к двум большим заросшим котлованам с обвалившимися песчаными краями. Там росли кусты малины, брусника и грибы – красные мухоморы. Второй котлован был еще глубже. Но ходить туда Вовка боялся, так как говорили, будто там закопана мертвая лошадь. Возможно, эти котлованы были вырыты тогда, когда брали песок для строительства завода. По краю этой дороги было много шиповника, недалеко протекал лесной ручей с кустами черной смородины.

За заводским складом, вдоль берега реки, начинался глубокий ров. Это был отводной канал от плотины мельницы, которая была когда-то на реке Вологде. От этой мельницы на самом берегу реки, перед омутом, были видны толстые деревянные сваи, на которых лежали почерневшие от времени толстые бревна. Поэтому на берег реки можно было выйти только возле старого заброшенного колодца, где был источник очень чистой и холодной воды, стекавшей в

реку. По этому пути дальше можно было дойти до деревни Бряча и посмотреть заброшенный дом. Бабушка говорила, что это был «хутор», но туда ребята заходили редко.

Лес в Порозове начинался буквально в 50 шагах от дома, он был почему-то отделен от него небольшой канавкой. За нею начинался лес. Поначалу не только заходить, но и подходить к лесу Вовка боялся, потому что, по рассказам бабушки, в нем водились разные дикие звери, даже волки. На самой опушке леса прямо перед домом росла высоченная, старая, в некоторых местах ободранная, елка. Она была раза в два выше всех остальных деревьев на опушке. На ней, ближе к вершине, был закреплен скворечник. Весной, выходя на крыльцо, бабушка смотрела на елку и говорила:

– Вон, смотри, Вовка, скворцы уж прилетели!

Весной опушка леса покрывалась белыми душистыми цветами черемухи. Вдоль опушки шла дорога,а рядом с дорогой – тропка. Недалеко от крыльца и леса дедушка построил загородку, куда летом собирал траву, накошенную на лугу и полянках в лесу. Получался большой стог сена для козы, которая тоже жила в подполье.

Приезд родителей

Однажды Вовка прогуливался в поисках своих друзей и размышлял о том, куда бы ему пойти: то ли на завод, то ли пойти на речку. За этими раздумьями он и оказался у проходной завода. Там на скамейке, вместе с другими женщинами, сидела и тороватилась Вовкина знакомая Нюрка. Завидев Вовку, она позвала его:

– Ты знаешь, что к тебе мать приезжает? – спросила она.

– Мать? – удивился Вовка. – А какая?

– Эх ты, разве тебе бабушка не говорила? – удивилась Нюрка. И, повернувшись к другим женщинам, сказала: Мне об этом Ефалья говорила. Мать у него живет в Архангельске – врачиха, студенточка. Такая, говорят, фифа, в туфельках ходит, каблуки вот такие, козьи ножки в чулках!

Все сидевшие на скамейке засмеялись, глядя на Вовку, а он насупился и пошел домой.

Придя домой, он спросил у бабушки, которая в это время занималась стряпней на кухне:

– Баба, а кто к нам приезжает?

– Откуда ты узнал?

– А мне Нюрка сказала...

– Вот ведь какие сплетницы, – покачала головой бабушка. – К тебе едут мать и отец, они живут в Архангельске.

– Баба, а зачем они к нам едут, я не хочу...

– Вот глупый, они же твои мать и отец. И фамилия у тебя, не такая как у нас, а отцовская – Пащенко!

Это было еще одно потрясающее известие. Какая же это у него такая фамилия и родители. Зачем они? Всю неделю Вовка ходил мрачный, задумчивый, не играл даже с Ленкой. Какие еще родители, над которыми бабы в деревне смеются, теперь будут и над ним смеяться.

Прошла неделя. И вот однажды бабушка вдруг стала одевать Вовку во все новое. Как он ни сопротивлялся, на него надели новую, чистую рубаху, новые штанишки с двумя проймами. Бабушка все поглядывала в оконо, и вот после обеда вскочила со стула:

– Вовка, беги, едут!

Но Вовка даже с места не двинулся. Тогда бабушка схватила его за руку, потащила во двор, вывела за калитку.

В это время по дороге в тарантасе, который везла лошадь, подъезжали двое. Тарантас выглядел как-то совершено нелепо: с высоко поднятым сидением на рессорах. Все деревенские высыпали смотреть на приезжих. На верху на сидении впереди сидел мужик в старом картузе, а в самом тарантасе сзади сидела совсем молодая женщина, на голове ее была надета маленькая черная шляпка с белой сеткой, спускавшейся на лоб. Волосы ее сзади были забраны в клубок. Была она одета в черный костюм, а в руках держала маленькую сумочку. Поглазеть на приехавших сбежалась едва ли не вся деревня.

Вовка все время вырывался из рук бабушки. Он плакал, не в силах стерпеть такого позора. Как же теперь будут смеяться над ним в деревне. Наконец он вырвался из рук, схватил камень и что есть силы швырнул им в тарантас. Камень шлепнулся недалеко от дороги.

– Ты что делаешь, мазурик?! – замахала на него руками бабушка. Но Вовка бросился бежать, куда глаза глядят. Сначала он спрятался

в кустах в лесу. А потом, когда стемнело, пробрался вверх на чердак дома, затаился между бочками с солеными грибами и долго сидел там и плакал. Вовка решил, что больше не вернется домой.

– Пусть они там веселятся, пусть. А я уйду, буду жить у Ленки. Не нужно мне никакой матери.

Но Вовку быстро нашли взрослые девчонки и стали уговаривать его успокоиться и сойти вниз:

– Тебе подарки привезли и конфеты, иди скорее.

Но Вовка все плакал и плакал, однако, заметив, что никто и не думает над ним смеяться, понемногу успокоился. Тут наверх пришла бабушка, взяла на руки и унесла в дом. Там уже стоял на столе горячий самовар, было тепло.

Молодая женщина, которая приехала на тарантасе, уже была без шляпки, так не понравившейся Вовке, и сидела с распущенной косой. Она подошла к Вовке потрепала его по головке:

– Разве можно так встречать свою мать, а? Совсем ты у меня тут одичал!

– Да ладно, – говорила бабушка, – ничего, он привыкнет.

Вовке дали конфет, напоили чаем и унесли спать. В постели он быстро согрелся, но от всего пережитого долго не мог уснуть, все прислушивался к разговорам за столом в соседней комнате. Потом они смолкли, и Вовка тоже уснул.

На следующий день начались примерка городских обновок. И как Вовка ни сопротивлялся, пришлось ему примерить все рубашки, штанишки, сандалики, носочки, привезенные матерью в большом чемодане. Вовку поворачивали со всех сторон. Брючки оказались великоваты, но бабушка сказала, что нужно застрочить немножко, и будет все как раз. Потом Вовке дали леденцового петушка на палочке, и он, прихватив резиновую козу, хотел было уже пойти на улицу, но бабушка, отобрав игрушку, сказала, чтобы он ничего не брал с собой – не ровен час, ребята отберут. Пришлось идти на улицу без игрушек и после того, как сладкий петушок был полностью слизан с палочки.

Не успел Вовка спуститься с крыльца и завернуть за угол дома, как его тут же окружили деревенские мальчишки и девчонки:

– Ну, Вовка, рассказывай, что тебе привезли из города-то?

Вовка, ощутив себя в центре всеобщего внимания и видя горящие от любопытства глаза ребят, стал рассказывать об игрушках и об обновках.

– А бабушке-то что привезли?

– Бабушке привезли платок, а деду – рубаху...

Потом Вовку, окруженного ребятами, позвали на речку. Но играть в камушки, бросать «есть блины на воде» ему в этот раз не захотелось, и он пошел домой еще раз посмотреть новые резиновые игрушки и что делается в доме. А там в это время шла генеральная уборка. Надежда, так называла бабушка приехавшую женщину, спрятав куда-то свою городскую шляпку и туфли на высоком каблуке, босиком, повязавшись платком, мыла полы, меняла скатерть и занавески. А бабушка, которую приехавшая женщина называла мамой, хлопотала у печки с ухватом, месила тесто, варила в горшке суп.

Из разговоров Вовка понял, что через несколько дней к ним приедут еще гости: Петро, Капитон и еще кто-то. К вечеру большую комнату было не узнать. Новые чистые половики лежали вокруг стола, покрытого новой скатертью, крашеный пол блестел, как зеркало. Все Вовкины игрушки были перенесены под кровать бабушки в маленькую комнатку. На кухне со шкафов была убраны все банки и кулечки, куда-то исчез дедушкин верстак, небольшой кухонный стол у окна был накрыт скатертью, а на ней, накрытые полотенцем, благоухали свежеиспеченные пироги.

К вечеру Надежда отправилась купаться в реке, у бани. Вместе с ней пошла и бабушка с Вовкой. Шли все босиком по заросшей мягкой травой тропке. Вовка бежал впереди вприпрыжку, а за ним шли бабушка и Надежда.

Около бани Надежда, раздевшись, зашла в воду, и мыла себе голову, терла тело намыленной мочалкой, а потом поплыла. Вовка и бабушка сидели на берегу и смотрели. В этом месте у берега никто никогда не купался, место было глубокое и заросшее травой. Надежда немножко проплыла на боку и «по-собачьи», смотрела на берег и улыбалась. Потом она вышла на берег, вытерлась полотенцем, набросила на себя халат, и все они вернулись домой, пить чай с малиновым вареньем.

За чаем Надежда рассказывала о Вологде, о поездке в деревню на лошади, об Архангельске и еще о каких-то неизвестных Вовке людях. Вовка сидел и молча слушал все это, пока не стал клевать носом. Тогда бабушка отнесла его в кроватку.

На следующий день, с утра, бабушка опять стала печь на широких противнях рогульки с картофельным пюре, пирог с ягодами и рыбой. Вовка слонялся по кухне, чувствуя себя лишним.

– Ты иди, побегай с ребятами на улице, – говорила бабушка Вовке, – или иди к дедушке на завод, только не мешай.

Но никуда идти Вовке не хотелось.

Новые гости появились только вечером, когда вернулся с завода дедушка. Дверь в кухню неожиданно распахнулась, и вошли два больших человека.

– Ну, Иван Никандрович, встречай гостей! – сказал полный, молодой мужчина с толстыми руками. – Здравствуйте. Здравствуйте.

Все поднялись из-за стола навстречу гостям, стали здороваться. Молодой мужчина поцеловал Надежду. Капитон, высокий и полный мужчина в пиджаке, улыбаясь, обнимал дедушку и бабушку. Провожавший их возчик внес большие чемоданы. Снова началась суета. В большой комнате сразу стало тесно. А Вовка стоял в дверях спальни и наблюдал за всей этой суматохой.

Вдруг молодой мужчина в синем пиджаке, белой рубашке и при галстуке спросил:

– Ну, а где тут Вовка?

Потом он взял Вовку на руки и высоко поднял вверх, словно рассматривая его со всех сторон:

– Ух, какой большой вырос. Молодец. Как, слушается тут старших?

Затем он поставил Вовку обратно на пол, залез рукой в карман и вытащил оттуда маленький якорек:

– На, вот тебе.

Якорек, обвитый цепочкой, отливал золотом. Вовка такого и представить себе не мог.

– Подожди, давай, мы его тебе на рубашку прикрепим, – сказал молодой мужчина и приколол якорек на Вовкину рубашку.

– Ты что ж спасибо не сказал? – пожурила Вовку бабушка. – Это ведь твой отец. Скажи спасибо.

Смущенный Вовка, исподлобья глянул на отца и пробормотал:

– Спасибо...

Потом все опять принялись за разговоры, сели пить чай. На столе были разложены пироги, картошка, бабушка достала из бочки в кладовке рыжики. Тем временем на столе появилась бутылочка вина, все наливали себе в стаканы, пили за встречу. Было шумно, весело. Вовке налили чаю, дали кусок пирога, и он сидел за столом, разглядывая свою новую игрушку и приехавших гостей.

Бабушка с Надеждой суетились, ставя на стол еду и унося на кухню пустые тарелки. Анна Степановна раскраснелась и все время улыбалась. Дедушка сидел как всегда молча, лишь иногда задавая вопросы. Перед ним стоял выпитый наполовину стакан белого вина. Молодой мужчина, которого Вовка должен был звать «папой», сидел с Надеждой и оживленно разговаривал о работе. Большой, высокий и крупный Капитон сидел по другую сторону от Надежды и ел рыжики с картошкой, распрашивая бабушку про грибы и пироги. Через некоторое время Вовку унесли спать, а застолье продолжалось.

На следующее утро все пошли купаться в реке у бани, потом завтракали. Дедушка ушел на завод. Вовка все время слонялся из комнаты в комнату, наблюдая всю эту сутолоку. Потом Капитон и Вовкин отец распаковали свои чемоданы, и Вовка получил целую кучу подарков. Тут были и кубики, и конь с нарисованной сбруей и красным седлом на колесиках, и книжки с картинками, и мячик, и юла, которая вертелась, если нажимали на ее ручку. Но больше всего Вовке понравились две кружки с нарисованными якорями и корабликами. У них было вогнутое блестящее дно. Вовке сразу захотелось попить из них воды. И чай он теперь будет пить только из этих кружек. Увидев интерес Вовки к красивым кружкам, его отец сказал, что они сделаны из американских банок из-под пива, к которым рабочие на заводе приварили ручки и подарили ему.

Когда Вовка рассматривал все это нежданно свалившееся на него богатство, в комнату вошел приехавший молодой мужчина – его папа.

– Ну как, нравится? – спросил он Вовку. – Нравится? Я тебе привезу еще много таких игрушек, если ты будешь меня любить и слушаться. Хорошо?

Но Вовка не ответил.

– А скажи, кто из ребят тебя бьет здесь в деревне? Мы сейчас пойдем с тобой и зададим ему взбучку.

Вовка молча посмотрел на мужчину. Он не знал, что ответить.

В деревне его никто не обижал, но если этот мужчина и в самом деле кого-то набьет, то потом и Вовке не сдобровать. И Вовка ответил: «Никто меня не обижает».

– Да ты не бойся, скажи, мы его сейчас... – не унимался мужчина. – Ну ладно ничего, если кто обидит, ты скажи.

И он уже как-то сердито посмотрел на Вовку: «Ну ладно, а теперь пойдем со мной за водой на колодец, знаешь, где?»

– Знаю.

Вовка собрался, и они с ведрами пошли к старому колодцу с ключевой водой. Бабушке приехавшие гости объяснили, что пить воду они будут только из этого колодца с ключевой водой.

Женщины дали им два пустых ведра. Всю дорогу Вовка рассказывал, чем он здесь занимается, с кем дружит, как купается и бегает за ягодами, какие тут есть ягоды и где растут. Приехавший папа начинал ему нравиться. Незаметно они подошли к старому колодцу, над которым была сделана крышка из старых досок.

Петро (так звали отца Вовки) открыл крышку и, осторожно наклонившись, набрал одно ведро воды, а потом другое. Вода была холодная, чистая и отливала голубизной. Потом он взял в руки ведра, и они пошли обратно. Вовка оживился, почувствовал себя свободнее, ухватившись за ручку ведра, попытался помочь Петру нести ведра, но только расплескал воду.

Петру это не понравилось, и он как-то тихо и спокойно сказал: «Вовка, отстань, иди спокойно и не тронь ведра». Но Вовка не слушался, и вода опять расплескалась на землю и на брюки молодого мужчины. Так, в конце концов, они и дошли до дома. Ведра с водой были внесены на высокое крыльцо и поставлены в сенях.

– Ну как? – спросила бабушка.

– Вовка у вас совсем избаловался, распущенный и непослушный. Воду мне мешал нести, – сказал Петро.

Потом был обед. По настоянию Надежды его решили устроить под открытым небом, в лесочке, недалеко от старого заброшенного работниками завода холодильника. Среди молодых осин в высокой

траве постелили покрывало с кровати, перенесли туда самовар, пироги, картошку и грибы. Вовке было непонятно, зачем нужно обедать в лесу, когда это можно сделать и дома.

Петро тоже говорил, что незачем ерундой заниматься, можно и дома всем посидеть. Но Надежду поддержал Капитон, и все пошли в лес. Вовку же накормили дома и оправили гулять с ребятами. Однако после всего случившегося Вовке было неинтересно играть с ребятами в песочек и печь пироги из глины. Поэтому он остался дома разбирать новые игрушки.

После обеда все вернулись в дом. Женщины и Капитон стали заниматься уборкой посуды и еды, оставшейся после обеда, а Петро улегся на дедушкиной кровати с газетой в руках.

Вовка незамедлительно этим воспользовался и, совсем уж осмелев, тоже оказался на этой кровати. «Давай, Вовка, поспим?» – предложил Петро. Но лежать Вовке скоро надоело, и он принялся ползать по большому человеку – по груди и ногам Петра. Все было настолько большим, что согнутые в коленках ноги представлялись ему большой горкой, и Вовка, вскарабкавшись на живот, пытался забраться на самый верх согнутых в коленях ног, чтобы съехать с них, как с горки. Возня эта Петру совсем надоела, и он как-то тихо и спокойно сказал:

– Вовка, перестань.

Вовка было затих, но потом опять взялся за свое.

– Вовка, перестань, – повторил Петро.

Вовка полез с его колен вниз и надавил Петру на живот.

– Ах ты, совсем тут распустился! Ты что это отца не слушаешься?! Я тебя сейчас научу слушаться! – вдруг громко сказал Петро.

Неожиданно «лежащая гора», на которой катался Вовка, поднялась. Петро, уложив Вовку сильными руками прямо на постель животом вниз, спустив с него штаны, стал его бить неизвестно откуда появившимся ремнем прямо по спине. Вовка пытался вывернуться, напрягая все свои силы, крутился, стараясь вырваться и укусил его за руку.

– Ах ты, мерзавец! – взревел молодой мужчина. – Ах ты, мерзавец какой, – он схватил его за ноги, поднял вверх, а потом загнул их так, что голова оказалась между ног, и принялся еще сильнее полосовать ремнем.

Вовка попытался напрячь все свои силенки, но громадный мужчина так вдавил ноги, что все лицо Вовки вдруг налилось кровью, и он, поняв безнадежность своего положения, затих, обессиленный и униженный. А его все били и били.

«Я тебе покажу, мерзавец, распустился тут. Отца не слушаешь, ты у меня будешь знать, запомнишь, как нужно вести себя». И продолжал бить и бить, а Вовка только кряхтел и старался хоть как-то сделать вдох.

Наконец, не выдержав всего этого истязания, вошла бабушка: «Да хватит же, Петро, ребенок же».

– Отстаньте, сами распустили парня! Ну ничего, я ему покажу! – ответил Петро. Но бить он Вовку перестал. А тот перевернулся на живот и плакал от обиды, бессилия и унижения. От слез и возбуждения у него появилась икота. Тогда бабушка взяла его на руки, умыла и положила на свою кровать:

– Не плачь. Слушаться надо. Ведь это твой отец.

Постепенно икота прошла. А Вовка лежал на бабушкиной кровати, уткнувшись в подушку, и плакал.

За короткое время пребывания гостей к Петру он больше не подходил и не играл с ним. Мать Надежда помогала по хозяйству бабушке. Через неделю все гости как-то быстро собрались и уехали. Постепенно жизнь Вовки опять наладилась и пошла, как обычно.

На реке

Река около Порозова была хорошо знакома ребятам и Вовке. Летом она была во многих местах мелководная, и можно было вброд перейти с берега на берег, в этих местах мужики переезжали на лошадях с телегами. Для них были спуски к реке. Переезд через реку из Порозова в деревню Заломаиха был почти рядом с заводом, а потом дорога шла через березовую рощу прямо в деревню. Переезд к школе и магазину на другом берегу при низкой воде шел мимо казеинки, переехать на другую сторону или перейти вброд можно было также за старым колодцем, где был родник воды.

Для того чтобы можно было перебраться с берега на берег, летом возводились лавы. Обычно это были связанные между собой пло-

ты с перилами с одной стороны. В других случаях реку переходили по двум доскам, установленным на кольях, через островок в самом узком месте реки. В дно реки вбивали крест-накрест колья, на них настилали доски, и между кольями делали веревочные перила.

В лесу летом было много комаров и мух – не поиграешь! Поэтому чаще всего ребята проводили время у реки. В жаркие дни их самым любимым местом были «пески» – небольшая песчаная коса у противоположного берега реки, образовавшаяся после мельничной запруды и омута.

Все начиналось с того, что Ленка или Вовка предлагали: «Идем на песок». Для того, чтобы попасть туда, нужно было сбежать вниз к реке мимо казеина, перейти по лавам на противоположный берег и на дорогу вдоль реки, пробежать по ней метров пятьдесят, спуститься с берега вниз к реке и перепрыгнуть оттуда на эту полоску песка. Тут можно было сбросить с себя одежду и прыгнуть в воду.

После купания ребята ложились плашмя на теплый песок, грелись и рассматривали разноцветные песчинки. В песке можно было найти «жернова» – остатки каких-то существ. Ленка говорила, что если плюнуть на песок и потом его зарыть, то от этого могут появиться новые «жернова».

На реке можно было ловить стрекоз: маленьких, темно-синих, и крупных, с зеленоватой большой головой, которые садились на тростник. В прибрежной канавке, где вода была теплее, водились пиявки и странные, извивающиеся существа, длинные и тонкие, как волосы. Пиявок и «волоса» ребята боялись, так как они могли, по рассказам всезнающей Ленки, присасываться к ногам и даже впиваться в тело. Поэтому «волос» они вылавливали палками и выбрасывали на берег.

У реки рос тростник. Особенно много его было к концу лета, когда река мелела и сплошь зарастала тростником, за исключением лишь тех мест, где были омуты. На песчаной косе Ленка учила Вовку делать из тростника «уточек». Для этого нужно было вырвать тростник, свернуть его, а потом самый конец снова пихнуть в серединку. Впрочем, нежные белые стебли тростника можно было еще и есть. Вовка не раз их пробовал…

Большие ребята тоже частенько приходили купаться на пески.

Но у них было свое место, на другом краю песчаной косы, ближе к омуту. Там было глубоко, и они с разбегу ныряли в воду, а потом плыли саженками на середину реки. Малыши, которые плавать не умели, купались на мелководье, ближе к островку, где песок был более крупный.

Но и тут Вовку подстерегали опасности. Рядом с песчаной косой дальше по течению начинался островок, заросший ивами. Тут русло реки становилось уже, а скорость течения и глубина – увеличивались. Однажды, купаясь, ребята стали соревноваться, кто зайдет в воду дальше всех. Вовка решил показать ребятам, какой он смелый, и зашел в воду: сначала по грудь, потом по шейку, а потом, уже едва касаясь дна, на цыпочках, почти до подбородка… И тут он вдруг почувствовал, что течение сносит его к быстрой и глубокой протоке, где шумела вода…

Так продолжалось какое-то мгновение, он даже хотел кричать, хотя никто из ребят не умел плавать. Испытывая ужас, он начал инстинктивно загребать руками к берегу и через некоторое время почувствовал, что потихоньку на мизинцах может выбираться к берегу. Выйдя из воды, дрожа от страха, он лег на теплый песок, с ужасом думая о той опасности, которую ему удалось избежать. Ему опять повезло.

С тех пор он больше на глубину не заходил. Плавать «по-собачьи» он научился уже лет с пяти, в том месте реки, где были лавы. Сначала, держась за плот, научился держаться на воде, а потом, отталкиваясь от дна и колотя по воде ногами, стал подплывать к плоту, с каждым разом отступая от него все дальше и дальше.

Любопытство все время влекло Вовку туда, где он еще не побывал, ему хотелось посмотреть то, что еще не видел. Иногда он залезал на чердак и даже на крышу дома, куда забирались только большие ребята. Оттуда были хорошо видны поля и дома на другом берегу реки. Там находилась деревня Заломаиха, где жили бабушкины знакомые.

На противоположном берегу, ближе к реке, около рощи, раскинулось поле, засеянное горохом. Оно охранялось, но взрослые ребята переплывали реку и воровали горох, вырывая растения прямо из земли «титинами», переправляли их на свой берег и там ощипывали.

Остатки мелких стручков гороха на этих «титинах» иногда доставались и ребятам помладше.

Война

Когда началась война, Вовке было три с половиной года. Он хорошо запомнил этот летний день, 22 июня: вдруг открылась дверь, и неожиданно, задолго до обеда, вошел дед.

– Мать, война началась, немцы напали, бомбили города: Одессу, Минск, – сказал он.

– Что же теперь будет?! – с тревогой спросила бабушка.

Все последующие дни в Порозове обсуждали новости, связанные с войной. О новостях рассказывал дед:

– В конторе собрание было, всех мобилизуют, на военное положение переходят.

В то время все взрослые ходили озабоченные, и ребята на улице были предоставлены сами себе, не совсем понимая еще, что произошло. Ясно было лишь одно – нагрянула беда, да такая, какой еще не было.

Вовка, лежа в своей кроватке, пытался представить себе, что такое война. И ему приснился сон: на полянке в лесу люди в красивой форме, похожей на старинную гусарскую, выстроились в ряд друг против друга и стреляют. Кто-то падал, кто-то кричал «ура». Вовка видел, что стреляют и в него, что он умирает, но как-то не на самом деле, а понарошку. Он лежал и в то же время наблюдал за всем происходящим.

На следующий день Вовка долго раздумывал над своим сном. И не было понятно, где же это сейчас стреляют и куда идут на войну мужики из соседних деревень.

Через несколько дней дед принес откуда-то большой ободранный ящик с лампами внутри. Поставил его в углу на свой стол, просверлил в стенке отверстие – заземление, вывел антенну. Радио в деревне не было, и старый приемник мог пригодиться для того, чтобы узнавать вести с фронта. Дед долго возился с этим старым приемником, с какими-то проводами и батареями. Время от времени он работал,

но старые лампы часто перегорали. Потом этот радиоприемник дед снова куда-то унес.

Над столом у него появилась большая карта, где он красными флажками отмечал линию фронта по сводкам из газет. Эти флажки, как видел Вовка, передвигались все ближе и ближе к большой звезде, которой была обозначена Москва.

Однажды летом дедушка прибежал домой около 12 часов и показал бабушке из окна куда-то вверх:

– Смотри, мать, там самолет кружит – наверное, немецкий разведчик.

Вовка и бабушка вышли за калитку и стали смотреть вверх. Через некоторое время Вовка заметил маленькую точку-самолет. Как ястреб, он высоко кружил в небе над самим заводом.

– Идите в дом, – сказал дед. – Он, может, бомбы бросать будет.

А сам взял свое охотничье ружье и вышел на улицу.

– Спускаться близко ему не дадим, не то бомбить начнет.

Вовка очень испугался за дедушку, но самолет спускаться не стал, а, покружив немного, полетел куда-то дальше. Вернулся и дед.

После этого Вовка стал относиться к своему деду с еще большим уважением, чем прежде. А бабушка рассказала, что дед в гражданскую войну был на фронте и тоже воевал с немцами, что был он механиком в мастерских, а потом и в действующую армии его взяли. В мастерских он чинил ружья и пулеметы и был награжден Георгиевским крестом. Она показала Вовке фотографию, где дедушка, совсем молодой, стоял в военной форме с Георгиевским крестом на груди.

Ближе к зиме, после очередной перестановки флажков, дед стал очень озабочен. Пришедшему из конторы знакомому он показывал на карте, как немцы хотят взять Москву «в клещи».

– Если они так пойдут, то скоро и до Вологды дойдут. Нам тоже нужно будет уходить с завода, получен план взорвать котлы. Пойдем в партизаны, а бабку и Вовку я в Высоково отвезу.

В связи с войной возникли большие трудности с поставками хлеба для рабочих завода в магазин: выдавали только муку. Несколько месяцев бабушка, до того не работающая, пекла из этой муки хлеб для местного магазина, так как у нас была единственная в деревне большая русская печка. Бабушка, замесив тесто, помещала его

в железные формы и через некоторое время помещала их большой лопатой в протопленную печь. Полученные таким образом несколько буханок хлеба она относила в мешке в магазин для продажи по карточкам.

Следующей весной были раскопаны новые грядки у старой ивы на берегу реки, где посадили картошку. Вскопали грядку и у бани, и за заводом, тоже под картошку. Все лето бабушка занималась этими грядками.

Очень тяжелыми были первая и вторая военные зимы: стояли холода, а дров не хватало. Для экономии дров в кухне дед установил металлическую печь-времянку, трубу от нее он вывел в русскую печь. Когда эту печку начинали топить, она раскалялась в некоторых местах докрасна. Зато в кухне было тепло.

По рассказам бабушки, в деревнях начался голод. У завода иногда стали появляться нищие, просившие милостыню. Бабушка выносила им к крыльцу вареную картошку. Однажды в дом кто-то принес черного цвета лепешку. Все собрались на нее посмотреть. Лепешка был темная, бабушка объяснила соседке, что она испечена из картофельной кожуры вперемешку с корой. Соседка с ужасом смотрела на эту лепешку, явно не понимая, как ее можно есть. К счастью, рабочие на заводе получали пайки и потому не голодали.

В хозяйстве не хватало мыла. Однажды летом бабушка у кого-то узнала рецепт изготовления мыла. Для этого было решено использовать старую свиную кожу, золу. Мыло бабушка варила на берегу реки в большом котле. В результате получилась черная слизистая масса, которая потом застыла и использовалась, как мыло.

Во время войны работы у деда прибавилось, завод принял повышенные обязательства. Нужно было организовать ледник для хранения продукции. С реки привезли большую гору льда во двор завода, которую закрыли опилками и сеном. Летом ее разрывали, и куски льда переносили в складское помещение – холодильник. Дед предложил также устроить большой ледник прямо на заводе, в свободном помещении склада. Для этого зимой открыли заднюю большую дверь и заливали туда воду, которая замерзала. Иногда дверь оставалась открытой, и ребята забирались туда, чтобы покататься на льду.

Завод перешел на выпуск шоколадного масла для фронта, которое, как объяснил дед, было очень калорийным. Шоколадное масло имело необычный, темно-коричневый цвет и было сладким и вкусным. Кусочком этого масла Вовку угостила Юлька, когда он в очередной раз побывал на заводе. Вовке оно очень понравилось.

В конце войны в Порозове стали приходить тревожные письма из Архангельска, где жила Вовкина мать. Бабушка была очень расстроена этими письмами. А Вовка не мог взять в толк, что там, в Архангельске, происходило. В ту пору его мать работала уже врачом. Кажется, кто-то ей угрожал. Вечером бабушка заставила Вовку молиться за маму. Вовка молитвы не знал и все слова повторял за бабушкой. Анна Степановна сказала, что теперь нужно каждый день молиться за маму. Позже Вовка узнал, что его родители разошлись, и его отец Петро уехал жить в освобожденный от немцев Измаил. А маме пришлось выселиться из казенной квартиры и перейти жить к сестре, тете Шуре.

Поход Вовки на посиделки

Однажды зимой, на втором году войны, бабушка, посоветовавшись с дедушкой, пустила в дом за плату двух девушек-практикантток, работавших на заводе, которые жили в соседних, но дальних деревнях. Одну из них, круглолицую и полную, звали Юлькой, а другую – Веркой. Спали они на полу в большой комнате. У молодых девушек были свои интересы и занятия. К Вовке они относились хорошо, иногда даже играли с ним. Вовке тоже было интересно узнать, чем занимаются девушки.

По вечерам, когда на стол ставили зажженную керосиновую лампу, девушки садились гадать на картах. Они верили, что по картам можно предсказать судьбу человека и его будущее. Вовке запомнилась история, которую они рассказывали шепотом о том, как некая барышня ждала с фронта любимого. Однажды приснился ей страшный сон, в котором этот парень пришел к ней и попрощался с ней. А через несколько дней девушка получила весть о его гибели.

Юлька с Веркой читали вслух старинные дедушкины журналы. Вовка тоже слушал их рассказы. Вовке особенно нравилась Юлька,

которой было лет 18–20. У Юльки была длинная коса. Она часто играла с Вовкой, читала ему книжки, приглашала в молочный цех и угощала сливками. Лежа у себя в кроватке, Вовка время от времени думал о Юльке, и она казалась ему очень доброй, ласковой, хорошей. Беспокоило его только то, что Юлька, по рассказам бабушки, вместе с другими девчатами ходит на посиделки в соседнюю деревню Черный порог. За Юлькой, по рассказам бабушки, там ухаживал какой-то одноногий гармонист, работающий сапожником. Вовке это почему-то очень не нравилось.

Посиделки представлялись Вовке местом, где гуляют под гармошку, пляшут, а ребята еще и дерутся. Старшие ребята говорили, что дерутся на посиделках ножами и ремнями. Вовка сам видел, как Борька, собираясь на гулянку, выточил себе длинную, тонкую пику и точил нож-финку с наборной ручкой.

И вот однажды зимой, когда Юлька вместе со своей подругой в очередной раз собирались на посиделки, Вовка вцепился ей в подол и стал просить, чтобы она туда не ходила. А поскольку Юлька все равно стала собираться, то Вовка решил, что он тоже тогда пойдет с ней. Удержать Вовку не могли никакие силы. Когда Юлька уходила, бабушка обманом закрыла его в спальне. И отперла лишь, когда Юлька ушла. Вовка, однако, все равно решил идти за ней. Он надел свою шубку, шапку, но нигде не мог найти свои валенки. Их тоже бабушка спрятала – «без валенок никуда не уйдет».

Но Вовку и это не удержало. И вот он, под смех взрослых, надел огромные дедушкины валенки и, как на ходулях, вышел на крыльцо.

– А, пусть идет! – махнул рукой дедушка, – далеко не уйдет.

Но и тут он ошибся – Вовка вышел из дому: было холодно и темно. При другой обстановке он в такое время не вышел бы даже на крыльцо, но теперь обида, что его так обманули, смех взрослых, бегство Юльки – все не давало думать об опасности. Не замечая ничего вокруг, Вовка хотел только одного – быстрей догнать ушедших без него на посиделку девчат.

Может быть, то была детская ревность, может быть, результат недостатка материнской любви, непонимание обстановки сложного мира взрослых. Взрослые расценивали поступок Вовки, как каприз, упрямство и глупость, за которые следовало его наказать и проучить.

Вовка, ковыляя в старых, больших дедовских валенках, при свете луны прошел мимо будки завода, спустился на лед реки и, спотыкаясь, вышел на другой берег. Но Юльки нигде не было видно. Вовка прошел еще дальше, за школу, и увидел большую дорогу, о существовании которой и не подозревал. Она разветвлялась в разные стороны. Куда же идти дальше? Вовка остановился, огляделся, прислушался. Было тихо, темнели кусты, и полная луна едва освещала дорогу и все вокруг. Даже огней деревни уже было не видно. Было тихо, он был совсем один… Вовка понял наконец, что дорогу в деревню на гулянку ему не найти, и вдруг испугался, что может совсем заблудиться.

Постояв еще немного, он пошел обратно. Дорога была пустынной. Тут Вовке вспомнились бабушкины рассказы про волков да про чертей, которые подстерегают людей в безлюдных местах. Забыв обо всем, оглядываясь по сторонам, он пошел обратно. Было холодно. Когда наконец он вышел к реке, обрадовался: здесь уже все было знакомо. Поднявшись на берег, увидел, что свет горит только у бабушки в комнате. Еще пройти мимо леса, за домом, и все. Вовка благополучно добрался до крыльца. Весь замерший, уставший и перепуганный вошел на кухню.

– Вернулся, гуляка, – встретила его бабушка, – давай, раздевайся.

Вовка молча снял огромные валенки, свою старенькую заячью шубку и, не раздеваясь, залез на печку. Здесь было тепло и уютно. Там он и заснул… Утром, когда Вовка проснулся, Юлька и ее подруга уже были дома.

Больше Вовка на посиделки уже не ходил.

Новогодняя елка

Инициатором первой в жизни Вовки новогодней елки была бабушка. Под Новый год она сказала деду:

– Отец, давай поставим Вовке елку.

Дед взял топор и, когда стемнело, чтоб никто не видел, отправился в лес.

Вовка не мог понять, зачем в Новый год нужно ставить в доме елку. Пусть себе растет в лесу… Однако бабушка сказала, что в Новый год Дед Мороз приносит детям подарки и кладет их под елку.

– Может, Вовка, он тебе подарок принесет, – сказала она.

Елку поставили в углу большой комнаты, но так, чтобы ее не было видно в окно. Было время, об этом помнила бабушка, когда новогодние елки были запрещены, они считались пережитком прошлого. Хотя потом это отменили, но осторожность не помешает, посчитала бабушка.

Елка была большая, почти до самого потолка, и очень пушистая. Елку украшали все вместе. Игрушек было немного: фантики от конфет, бумажный Дед Мороз и мишка, которых посадили под елку. В подарках от родителей оказалось несколько стеклянных шариков и стеклянных бус. Юлька с Веркой вырезали из бумаги несколько снежинок. Самый загадочный для Вовки подарок прислали из Вологды от Балашовых. Это был грецкий орех, окрашенный чем-то в серебристый цвет, который после Нового года нужно было разбить и съесть. Таких крупных орехов Вовка еще никогда в жизни не видел. Орех повесили на самый верх елки, и Вовка ждал, когда же наконец можно будет увидеть и попробовать его содержимое.

Из осторожности друзей Вовки, даже Ленку, на елку не приглашали.

Новогодние подарки от Деда Мороза в виде старых фантиков от конфет Вовку не удивили, но он никак не мог дождаться, когда же наконец будет расколот орех, висящий на верхушке елки. И вот Новый год прошел, дедушка расколол орех… и внутри него оказались лишь засохшие, твердые корочки. Таким вот разочарованием завершилась первая в Вовкиной жизни новогодняя елка. Дед Мороз в тот год, видимо, забыл о Вовке.

Подарки из Америки

В конце войны на Новый год к Вовкиной подружке Ленке, точнее, не к ней, а к ее младшей сестренке Таньке, приехал отец. Как Вовка узнал из разговоров бабушки, он был моряк, ходил за границу и приехал из Америки. Америка – это очень далеко. Когда Вовка, очень стесняясь, зашел в очередной раз в гости к Ленке, то квартиру соседей не узнал: везде, даже на полу, стояли открытые чемоданы

с платьями, туфлями, сапожками на каблуках. Танька была в прозрачном розовом платьице с кружевами, в беленьких трусиках, на кровати было необыкновенное розовое шелковистое блестящее покрывало. На столе были разложены журналы, где были нарисованы полуобнаженные женщины в разных платьях.

Все это выглядело необыкновенно красиво, но особенно Вовке понравились большие-пребольшие стеклянные разноцветные шары, которые лежали в большой цветной коробке. Как объяснила Ленка, это были елочные игрушки. Вовке даже дали осторожно один из них потрогать. Таких больших и красивых шаров он никогда не видел и даже представить себе не мог, что игрушки могут быть такими красивыми.

Танькиного отца звали Гарик, он сидел за столом в черных брюках с ремнем, на бляхе которого был выбит якорь, и курил сигареты. У него был расплющенный нос, вперед выступала большая нижняя челюсть. На руках у него были нарисованы синие якоря и какие-то женщины. Гарик показывал Ленкиному брату Вовке и Юрке заграничную финку – большой, блестящий нож с наборной ручкой. У Гарика был и фотоаппарат, которым он фотографировал Ленку и Таньку.

Однажды Вовкина бабушка, зайдя в гости к Гарику, чтобы посмотреть на заграничные подарки, попросила его сфотографировать и Вовку. Вовка снял шапку и прямо в своей ободранной заячьей шубке сел на лавку к стенке. Он уже не боялся фотоаппарата. Кому-то показалось, что просто так сидеть неинтересно, и Вовке дали в руки пустой футляр от фотоаппарата. Так его, немного смущенного, и сфотографировали. Это была уже вторая в его жизни фотография. В ту пору Вовке было уже года четыре.

Однажды, зайдя в очередной раз в гости к Ленке, Вовка увидел, как старшие ребята Вовка и Юрка сидят за столом, с большим интересом рассматривают какие-то открытки и хохочут. Он тоже подошел к столу, и ему показали несколько из них. На одной была изображена стоящая на палубе парусного корабля женщина в длинном белом платье и большой шляпе с перьями. Она смотрела куда-то вдаль. А сзади к ней подходил матрос с трубкой во рту и расстегнутыми штанами. Ребята смеялись, а Вовка никак не мог понять, зачем этот матрос идет к женщине в таком виде... Теперь можно считать,

что это были самые первые порнографические открытки, прибывшие в Порозово из далекой Америки.

Надо сказать, что вопрос «откуда берутся дети» у Вовки уже в то время возникал, но по реакции взрослых он понял, что спрашивать их об этом почему-то нельзя. Однако у детей, слушавших оживленные разговоры взрослых об ухаживаниях, свадьбах и женитьбах, эта тема тоже вызывала интерес, возможно, еще и потому, что она явно имела отношение к вопросу о появлении после свадьбы на свет детей.

Ленка обо всем этом знала куда больше, чем Вовка. Мать или кто-то другой объяснили ей, как после женитьбы у взрослых появляются дети: вначале ребенок растет у мамы в животике, а затем выходит на свет откуда-то из-под мышки. Ленка даже показала Вовке, откуда они появляются, подняв левую руку. Вовка долго думал, как могут оттуда появляться маленькие дети, но в целом его любопытство было удовлетворено, ходя в деталях разобраться было трудно. Не проясняли проблему и более конкретные и циничные объяснения Юрки о том, что делают мама и папа, когда ложатся спать и у них еще нет маленьких ребят.

Дети, смеясь над взрослыми, пересказывали друг другу то, о чем говорят взрослые до и после свадьбы. Получалось, что для того, чтобы жениться, в деревнях парни и девки устраивают гулянки, где все пляшут, поют, танцуют, и парни ухаживают за девками. Однако про себя Вовка знал, что привезли его из Архангельска, и это пока его вполне устраивало..

Поход за яйцами чаек

Во время войны все взрослые и дети ходили в лес за ягодами, грибами, ловили рыбу. Однажды ребята во главе с Борькой, а также Вовка и Юрка отправились вверх по течению реки за яйцами чаек. В поход они взяли также Вовку с Ленкой и Танькой. Сначала шли по дороге, которая вела в Малоновленское, а потом по берегу реки, пока не добрались до крутого ее поворота, где никаких деревень уже не было. Берег полого спускался к реке и местами зарос кустарником.

При появлении ватаги ребят в воздух над рекой с громкими пронзительными криками поднялись потревоженные чайки. Но ребята, не обращая на них внимания, разбежались по берегу в поисках гнезд. Они были спрятаны в разных местах: прямо в траве, на земле, около камней. В некоторых из них лежали большие, голубоватые в крапинку яйца. Ребята их собирали в сумки.

Вовке тоже досталось одно яйцо. Когда они к вечеру вернулись домой, Вовка отдал яйцо бабушке. Она его сварила, но яйцо оказалось невкусным, имело непривычный запах. Вовка есть его не стал. Бабушка его понюхала и сказала, что оно, видимо, уже насиженное. Как видно, они со сбором яиц опоздали и зря разорили гнезда чаек.

Возвращаясь однажды весной из такого же дальнего похода вдоль реки, старшие ребята решили сократить путь и обратно пошли по берегу. Недалеко от дома они оказались перед ручьем, который весной превратился в бурный поток воды, стремительно стекающий в реку. Через этот ручей было проложено бревно. Постояв некоторое время в раздумье, взрослые ребята один за другим, подзадоривая друг друга, перебежали по бревну через ручей, а Вовка, Ленка и Танька остались, боясь не только ступить на бревно, но даже подойти поближе к этому бурному потоку, хотя с другой стороны ребята протягивали им руки.

В конце концов Борька Зятюшков, старший из всех участников похода, решил перетащить малышей на руках. Для этого нужно было сделать два-три шага по бревну. Сначала он взял на руки Таньку и перенес на другую сторону. Потом очередь дошла до Ленки, а напоследок, подхватив под мышки, он перетащил на другой берег и Вовку. Особого страха Вовка тогда не испытал, но сейчас, вспоминая этот бурный весенний поток воды, несущийся с берега в реку, он думает, что и тогда ему опять повезло…

Вовкина рыбалка

Вовка рос самостоятельным деревенским парнем, старался добиваться всего самостоятельно. Маленькие ребята в деревне во многом подражали старшим и стремились подсматривать, чем они занима-

ются. Старшие ребята, которые учились уже в школе, часто любили посмеяться над младшими, похвастаться своим превосходством…

Старшие ребята ходили на рыбалку с большими удилищами. Естественно, скоро и Вовке захотелось порыбачить и, как всегда, пришлось обращаться к дедушке… Общими усилиями дедушки и самого Вовки была сделана первая удочка. Бабушка пожертвовала нитками с катушки, поплавок сделали из пробки, проблему с крючком решил дедушка, загнув булавку, червей накопали в огороде.

Первая рыбалка состоялась в присутствии бабушки, которая пошла к бане на реку полоскать белье. Улова не было, зато клевало. Поймать рыбу тогда не удалось, что объяснялось хитростью рыб, которые стаскивали всех червяков, насаженных на крючок.

Потом Вовка не раз самостоятельно ходил на рыбалку, выискивая места, где было видно, что там плавает рыба.

Удивительно, что рыба клевала на его самодельную удочку. Сначала он выловил небольшую уклейку, стоя на лавах. А потом прошел по берегу к нависшему над водой ивовому кусту. Держась за него, Вовка спустился к реке и увидел в воде несколько сорожек с черными спинками. Он осторожно закинул свою удочку и увидел, как одна из сорожек подплыла к его самодельному крючку. Поплавок пошел ко дну, Вовка с силой дернул удочку вверх, и сорожка, сверкая серебристой чешуей, вылетела из реки у пала на дорогу. Вовка бросил свою удочку и стал ловить трепыхавшуюся в траве сорожку. Домой к бабушке с первой своей удачной рыбалки он вернулся торжественно, с тремя небольшими рыбками, болтавшимися на ивовом прутике, точь-в-точь, как у старших ребят. Бабушка сварила ему в эмалированной кружке уху из этих рыбок. Вовка уху попробовал, но она ему не понравилась: пахло от нее травой и тиной.

Потом он, набравшись рыбацкого опыта, ловил рыбу и около бани, и около завода, и с лав в омуте. Он скоро понял несовершенство крючка из булавки, с которого рыба часто срывалась прямо в воду, достать настоящий крючок с бородкой в ту пору в деревне было невозможно. Первые успехи на рыбалке запомнились ему на всю жизнь.

Незнакомые рыбаки

Время шло. Вовка видел, как флажки на карте у деда стали передвигаться в обратном направлении. Настроение у всех стало лучше, но трудности оставались. Дед, приходя с работы, рассказывал новости, об освобождении крупных городов.

В деревне все чаще стали откуда-то появляться незнакомые люди в военной форме. Однажды приехавшие на машине военные стали в омуте глушить рыбу. Все ребята узнали об этом и собрались посмотреть. Однако на берег никого не пустили и попросили отойти подальше. Все видели, как один из приезжих чиркнул спичкой, поджег шнур и бросил в омут что-то тяжелое. Все спрятались, а через некоторое время раздался страшный грохот, вверх взлетел столб воды, вода в омуте забурлила. А на поверхности воды появилась оглушенная рыба.

Приехавшие военные стали собирать рыбу с лодки сачком. Ребята тоже побежали к реке и стали искать рыбу у берега. Вовка вышел на берег и заметил в тростнике большого язя. Вытащил его и, довольный, понес бабушке. Но по дороге его встретил Юрка Пусторамов, который нес домой выловленных сорожек и мелких окуней. Увидев Вовкину добычу, он тут же предложил ему обмен, объяснив, что, чем больше в ухе рыбы, тем она лучше, и бабушка его похвалит. Вовке меняться не хотелось, но опасаясь, что большие ребята все равно у него язя отнимут, согласился. А когда рассказал об этом бабушке, понял, что Юрка опять обманул его.

После такой небывалой рыбалки в омуте долгое время рыба на удочку не клевала, вода казалась мертвой, не было видно даже, как плескается мелкая рыбешка.

Первый ножичек

У старших ребят Вовка научился не только ловить рыбу. Както раз он увидел, как они делают свистки из ивы. Для этого нужно было срезать небольшую веточку, обстучать кору, сделать надрезы, а потом крепко зажать ее в кулак и стянуть кору. Затем нужно было

срезать край у палочки, сделать углубление и снова натянуть кору обратно. Дунешь – и свисток засвистит. А если вставить туда маленькую горошину, то звук будет еще лучше. Детально изучив процесс изготовления ивовых свистков, Вовка вскоре мог делать их сам, не хуже, чем старшие ребята.

А еще они делали красивые трости. Для этого нужно было закоптить палку, а потом вырезать на ней ножиком узор в виде квадратиков или спирали. Правда, для этого был нужен ножичек, которого у Вовки не было. И он стал упрашивать деда сделать ему ножичек. Упрашивал долго, чуть ли не каждый день.

Что ножичек нужен, никто не сомневался, но это и опасно. Поэтому дед по совету бабушки решил первый ножичек сделать внуку, но без острого конца… Найти пилку и наточить один край Ивану Никандровичу было нетрудно, а ручку он сделал из оплетки какого-то старого кабеля и все это залил оловом с помощью паяльника. Однако этот ножичек был не такой как у ребят, и Вовка опять начал клянчить у дедушки сделать ему настоящий ножик. Ножики – это была какая-то страсть. Им можно сделать все: и построгать палку, и вырезать свисток из ивы, и удочку сделать. Без ножика же ничего сделать было нельзя.

Дед уже сделал Вовке не один ножик, но все без острого заточенного окончания, что Вовке как раз и не нравилось. Наконец в очередной раз дед сделал Вовке ножик из обломка толстой пилки. Он вставил выточенное лезвие в медную трубку и тут же заточил его на наждаке. Конец ножа тоже получился острым. На этот раз нож получился на славу, с блестящей ручкой, острым лезвием. Вовка даже сам его наточил. После этого он тут же побежал во двор пробовать, острый ли получился нож. Довольный, он показал новый ножичек бабушке. Бабушка дает наказ: «Смотри, не наткнись, бегаешь сломя голову».

Вовка был очень рад ножичку, он показал его всем ребятам, включая Ленку. А ложась спать, ложил его на небольшой выступ на переборке у кровати как любимую игрушку.

С этим новым ножичком у Вовки однако случались и большие проблемы. Для того чтобы строгать, ножичек должен быть острым. Вовка непрерывно его точил, а после каждый раз проверял его остроту. И вот однажды, проверяя остроту ножичка и проходя в большой

комнате мимо нового матраца, выставленного у стенки, он не удержался и осторожно провел ножом по туго натянутому матрацу с постели бабушки… Неожиданно для него, там, где он провел ножичком, полотно вдруг разошлось, и показались пружины. Катастрофу скрыть никак не удалось. За такое озорство Вовке опять пришлось поплатиться и постоять в углу, а матрац пришлось зашивать. С ножичками и самому Вовке не всегда везло, количество порезов и шрамов на пальцах левой и правой руки сосчитать было трудно.

Лук и стрелы

Однажды Вовка в летнее время спустился с крыльца и повернул направо к соседнему подъезду и увидел, как на лугу большие ребята, собравшись вместе, что-то оживленно обсуждали. Несмело подойдя поближе, он увидел, как Вовка Зятюшков с ребятами стреляют из лука. Стрела, выпущенная из лука, летела вверх, а потом стремительно падала вниз, и ребята соревновались, у кого стрела летит выше. Потом стали стрелять в цель. На конце стрелы был одет закрученный железный наконечник, и стрела, пущенная в стенку амбара, вонзалась глубоко в дерево. Вова ходил за ребятами, глядя на эти стрельбы.

Естественно, когда дед вернулся с работы, Вовка тут же стал простить его сделать ему тоже лук, как у ребят. Пришлось деду с Вовкой пойти на опушку леса, срезать там ветку вереска и сделать лук. Получился хоть и не такой, как у ребят, но все же настоящий лук. Опасаясь, как бы внук не наделал беды, дед выстругал стрелу с тупым концом. Первой целью для освоения лука была избрана дверь из комнаты на кухню. Вовка ее закрыл и стрелял, пока не стало получаться. Скоро в комнату вошла бабушка и увидела, что на дверях во многих местах появились вмятины, и выставила Вовку с луком и стрелами во двор. Там он, вооруженный своим луком, пошел сразу же к ребятам, которые соревновались в стрельбе.

– Ну-ка, покажи свой лук, – заметив Вовку, сказал Юрка. – Ну и лук, дай стрельнуть.

Юрка взял лук, вложил стрелу, натянул и выстрелил. Стрела, пролетев недалеко, упала на землю.

– Слабый у тебя лук. Ну-ка, дай еще стрельнуть.

Юрка взял другую стрелу. Натянул посильней… и тут лук треснул.

– Ну и лук у тебя! – усмехнулся Юрка, бросил его под ноги Вовке и побежал к ребятам.

Вечером Вовка снова сам пошел в лес для поиска более толстой ветки вереска для лука. Недалеко от дома нашел подходящей толщины ветку вереска и долго ее срезал своим самодельным ножом. Дома вырезал зарубины для натягивания тетивы. На этот раз лук получился почти такой же тугой, как у больших ребят. Стрелы Вовка тоже сделал сам, приделав к ним острые железные наконечники из консервной банки. Теперь при стрельбе в цель они оставляли глубокие вмятины, почти так, как у старших ребят. Но к тому времени, когда Вовка сделал этот лук, ребята нашли себе новые забавы, и больше никто Вовкиным луком не интересовался. Так что и у него скоро пропал интерес к стрельбе из лука.

Другим, не менее страстным, увлечением у Вовки, которое он перенял у старших ребят, была рогатка. Настоящую рогатку Вовка впервые увидел, когда зашел опять к Ленке. Вовка, ее старший брат, сидел за столом у печки и что-то старательно привязывал к хорошо выстроганной рогатульке, вырезанной из черемухи. К концам рогатки привязывались две длинные тягучие резинки, а прикреплялись они другими концами к кожаному небольшому лоскутку. Рогатку Вовка Зятюшков испытывал во дворе. Вложил в кожаную вставку осколок от битого горшка, натянул резину и выстрелил в куст на опушке. Черепок со свистом полетел в стоящий на опушке куст. Скоро вышел со своей рогаткой и Юрка. Стреляли по воробьям, по трубе, по крыше… Через день Вовка тоже сделал себе рогатку. Хотя она во многом уступала тем рогаткам, что были у старших ребят, но тоже неплохо стреляла. Теперь нужно было добыть черепки от старых горшков, разбить их на мелкие кусочки. Особенно интересно было стрелять из рогатки на реке, где было много мелких камушков. С рогаткой Вова не расставался целую неделю.

Точно так же, вслед за старшими ребятами, Вовка освоил и другие древние «военные» орудия. Оказывается, если в ремень или высохшую ивовую ленту коры вложить камень, раскрутить ее и отпу-

стить один ее конец во время броска, то камень со свистом можно забросить на противоположную сторону реки. Устройство это называется праща.

Точно так же, если насадить на длинный прут или палку маленькую картошину, то можно забросить ее гораздо дальше, чем просто рукой. Затем Вовкой была освоена и стрельба горохом из длинных трубок, сделанных из длинных полых стеблей лопуха.

Правда, при изготовлении всех этих видов оружия, не обходилось без проблем. Например, для рогатки как нельзя лучше подошли шарики от подшипников, которые Вовка нашел у деда. Они летели лучше любых камней вдаль и оставляли большие вмятины на стенке. Бабушка только охала:

– Ну и варзун ты, Вовка. Смотри, вот придет дедушка с завода, он тебе задаст!

Но дедушка, увидев пропажу шариков, несильно ругал Вовку. Только спрятал оставшиеся шарикоподшипники подальше.

Зимние забавы

Зимой в Порозове ребята постарше катались на лыжах и санках с горки, на коньках по льду реки. Малыши катались на маленьких санках с берега по дороге, которая шла к реке около сушилки. Дорога была плохая, и санки катились плохо. У Вовки тоже были санки, «чунки», но кататься на них он не любил.

Однажды, в конце осени, когда стали замерзать лужи, бабушка вдруг вспомнила, как она когда-то каталась в деревне Высоково на прудах на деревянных коньках с железными полозьями.

– Отец, нужно бы и Вовку научить кататься на коньках, – сказала она деду.

После этого разговора дед долго рылся у себя в кладовке в ящиках. А потом принес на кухню странную железку с загнутыми, как у саней, носками.

– Вот тебе, Вовка, коньки-«снегурки».

– Давай, я научу тебя, как нужно их привязывать к валенкам.

Он привязал к железке две веревки, одну накинул на Вовкин ва-

ленок сзади, а другую – на носок, и затянул их с помощью палки. Теперь конек держался на валенке так крепко, что на нем можно было кататься. Конек у деда нашелся только один.

На первой замерзшей луже у крыльца Вовка научился кататься на своем коньке. Потом он на нем катался по дороге к заводу, а когда река покрылась темным блестящим льдом, то и на реке.

Старшие ребята-школьники по замерзшей реке катались на коньках с тонкими лезвиями, прикрученными к валенкам, как у Вовки. Речной лед в некоторых местах был совсем прозрачный и даже потрескивал. Иногда на льду виднелись звездчатые трещины. Это большие ребята, ударяя кувалдами-ступами, глушили щурят, которых якобы можно увидеть подо льдом. Правда, сам Вовка никаких щурят там никогда не видел. Иногда старшие ребята из школы затевали на льду игры, гоняя палками по льду замерзшую глыбу конского навоза, отнимали ее друг у друга и забивали в «ворота». Во время такой суматохи на льду маленькие старались не появляться.

Если с коньками у Вовки Батыгина все складывалось успешно, то с лыжами вышел конфуз.

В ту пору ему уже исполнилось года четыре, а то и все пять. И он с завистью смотрел на старших ребят, которые катались на лыжах прямо с речного берега. Придя однажды домой, он, как всегда, стал клянчить у дедушки лыжи. Но, в отличие от коньков, лыж в доме не нашлось. Тогда дед решил сделать их сам, причем даже с загнутыми носками. Для этого он выстрогал из березы две тонкие доски, распарил их в горячей воде и попытался загнуть их концы в машинном отделении завода, вставив их между прутьями железной лестницы. Но, из этого ничего не получилось. Тогда он просто выстрогал из толстого бруса две длинные досочки с поднятым слегка острым носком, затем прикрепил ремень посредине, сделал стамеской желобок, покрасил сверху лыжи красной краской и намазал полозья свечкой. Получились маленькие лыжи, чуть больше роста самого Вовки. К ним дедушка сделал и лыжные палки.

И вот, когда образовался снежный наст, погода наладилась, и ребята стали кататься на лыжах с берега реки у завода, Вовка с бабушкой пошел на пригорок – опробовать свои новые лыжи. Кататься

на них оказалось не очень простым делом: ремни были слабыми и лыжи все время перепутывались в разные стороны, кроме того, они скользили вперед и назад. Пока Вовка шел на лыжах к горке, он несколько раз упал. Бабушка решила, что внуку нужно попробовать скатиться на лыжах прямо с горки, где были все ребята. Когда он с бабушкой на новых лыжах оказался на горке, его окружили ребята. Вовка, волнуясь, стоял на пригорке на лыжне, но лыжи никак не ехали вниз, и тогда бабушка чуть толкнула его вперед, лыжи поехали, но Вовка не удержался и упал на спину, лыжи слетели с валенок и самостоятельно поехали с горки в разные стороны, а он остался лежать на снегу. Все ребята и взрослые засмеялись, а Вовка заплакал, встал, бросил все и пошел домой…

Вскоре возвратилась бабушка и стала ругать Вовку за то, что он бросил свои лыжи. Когда Вовка успокоился, он пошел на горку за лыжами. Но там уже никого не было – ни ребят, ни его лыж.

На следующий день Вовка снова отправился искать свои лыжи, обошел весь берег, но так их и не нашел.

– У тебя были лыжи, сам ты их бросил, вот теперь сам и ищи их, – сказала Вовке бабушка.

Через несколько дней однако лыжи и палки нашлись. Бабушка вытащила их из-за бочки в сенях и отдала Вовке.

– На, держи свои лыжи, ребята принесли.

Больше Вовка свои лыжи не бросал. Он быстро научился самостоятельно кататься, ремни на лыжах подтянул так, что они крепко держались на валенках. Катался на своих лыжах Вовка и по снегу, и по насту, и с горки, и даже прыгал с трамплина. Этих лыж ему хватило на две зимы, и несколько раз он отважился даже на них скатиться с самого высокого лыжного спуска в Порозове – с берега реки Масляной от «Нардома», где в конце спуска был построен ребятами-школьниками из снега большой трамплин. До трамплина, правда, он тогда в первый раз не доехал, но потом к весне постепенно освоил и эту горку.

На лыжах Вовка без устали целыми днями катался с горок, и приходил домой весь в снегу. У него была небольшая шубка, сшитая из старой заячьей куртки, подшитые дедом серые валенки, шапка и рукавички, связанные бабушкой.

Запомнился случай в одну из зим. Вовка лихо катался с горки на другом берегу и увидел, что на крыльцо завода вышел его дед и смотрит, как внук катается с берега. Вовка лихо съезжает вниз, дед уже его не видит… Но вот он подпрыгивает на трамплине, и дед опять видит его.

Однако и здесь были свои опасности, они подстерегали Вовку в самых неожиданных местах. Однажды Вовка на лыжах решает проложить лыжню по руслу реки прямо к заводу, там почему-то никто не катался, снег в русле реки лежал не ровно, а какими-то буграми с ямами. Скатившись так с сугроба в одну из ям и выбравшись из нее, Вовка обернулся и увидел, что лыжня в низу намокла, там была вода, он ткнул туда палкой, и палка погрузилась в воду реки. В этом месте оказалась промоина с тонким льдом, занесенная снегом, образовалась она, возможно, за счет стока теплой воды с завода, и Вовка чуть в нее не провалился…

Вокруг никого не было, и Вовка на лыжах, уже осторожно обходя каждую лунку, стал выбираться на берег. Ему опять повезло.

Весна

Большие события в жизни деревни Порозово были связаны с наступлением весны. Начинало пригревать солнышко, на крышах появлялись сосульки, на угорах – проталинки, лужи, ручейки, и становилось как-то веселее. Взрослые становились добрее. Прилетали птицы. За рекой в роще раздавалось почти непрерывное карканье ворон. Хотя на лыжах и на коньках теперь кататься было нельзя, но настроение было радостное – весеннее.

Весной Вовке на ноги вместо валенок-«катаников» надевали маленькие сапожки. Но если в них пойти по насту, то можно было провалиться прямо в воду. Так бывало не раз: за голенища попадала вода, и бабушка ругала Вовку, что он опять промочил ноги.

По двору от дома бежали ручьи: сначала к заводу, а потом вниз и прямо в реку. В это время самым интересным занятием у Вовки было выкапывание в снегу новых ручейков.

Раньше всего земля из-под снега появлялась на берегу реки, на

высоких пригорках. Там, на первых проталинах, ребята собирались, чтобы посмотреть на реку перед ледоходом.

Ледоход был самым главным событием весны. Начинался он, как правило, неожиданно. Раздавался грохот, лед начинал ломаться, крошиться, вода быстро прибывала. В это время все ребята, да и взрослые выходили на берег смотреть на ледоход. Вовке подходить в это время к реке категорически запрещалось, но он, разумеется, тоже ходил смотреть – вместе со всеми. Льдины дыбились, вставали поперек, врезались в берег. Образовывались самые настоящие айсберги. Заторы и нагромождения льда были постоянные.

Порой за один день вода подступала к самой высокой точке берега, заливая даже бабушкины грядки у бани. Льдины были толстые, холодные, зеленовато-голубые, прозрачные. Самым большим желанием Вовки в такое время было подойти поближе к воде и взять в руки осколки этого льда. Особенно много льда скапливалось в узкой горловине берега, который переходил в омут.

Количество льда на реке прибывало и за счет льда, который выносило из реки Масляной. Вода в ней в это время тоже выходила из берегов и затапливала всю низину берега до рощи. Здесь, при слиянии двух рек, образовывались самые большие ледяные заторы, которые держались иногда по несколько суток. На льдинах виднелись земля, конский навоз, доски и даже небольшие будки, смытые с берега.

В это время большие деревенские парни старались баграми заготовить себе дрова на зиму, таскали бревна, вылавливая их со льдин. Все были заняты. Иногда появлялись рыбаки в больших сапогах с переметом – сеткой на длинном шесте. Ловили таким образом рыбу с самого берега, и ребята ходили за такими рыбаками всей гурьбой.

После ледохода начинался молевой сплав древесины. Это тоже было захватывающее зрелище. По реке сплошным потоком несло бревна. А за ними по реке плыл большой плот со сплавщиками, где стоял небольшой домик или будка. Мужики и бабы с баграми стаскивали бревна с берегов в воду, разбирали завалы. На берегу они разжигали большой костер для приготовления еды и обогрева, просушки одежды. В это время ребята деревни также выходили на берег реки.

Однажды такой плот остановился около бани, недалеко от завода, и стоял там несколько дней. Все эти дни Вовка с ребятами вертелся у этого плота, наблюдая, как сплавщики готовят себе обед в большом закопченном котле, подвешенном на палку за длинную ручку из проволоки. По плоту ходили женщины в фуфайках, заходили в домик, подходили к костру. К плоту была привязана лодка, но сплавщики и без нее, по бревнам, опираясь на багор, ловко перебегали к самому затору на отмели и растаскивали бревна.

Когда лесосплав почти прошел, и вода в реке немного спала, Вовка Зятюшков и Юрка тоже стали бегать по бревнам, перескакивая с одного на другое, как заправские сплавщики. А добежав почти до середины реки, поворачивали обратно. Конечно, не всегда им это хорошо удавалось. Однажды, перепрыгивая с бревна на бревно, Юрка задержался на одном из них, и оно стало погружаться в воду, он перескочил на соседнее бревно, но и оно стало тонуть. Выбрался Юрка из воды уже на четвереньках, хорошо, что берег был недалеко. Все ребята над ним смеялись.

После лесосплава много бревен оставалось на берегу и в реке – только их верхушки высовывались из воды, а потом они совсем опускались под воду. Но для отлова топляков нужно было получать разрешение.

Однажды, ближе к лету, дедушка с Вовкой ездили по реке за этими топляками. Вовка сидел и держал весла, а дед с кормы длинным багром прощупывал дно реки. Когда он находил бревно, то поднимал его вверх, привязывал и тащил к берегу. Так он навылавливал из реки целый штабель утонувших бревен. После их просушки дед с бабушкой пилили бревна на мелкие чурки, которые складывали около дома. Этим они обеспечивали себя дровами на зиму. Вовка тоже принимал в этом участие: то бревно подержит в козлах, чтобы не вертелось, то подержится за ручку пилы, когда бабушка уходит.

К лету вода в реке убывала, летом она совсем мелела и зарастала тростником и травой, появлялись маленькие островки, и только в омуте на месте бывшей мельницы было глубоко.

Покатались на лодке

Помогая деду, Вовка научился кататься на лодке и грести веслами. И вот однажды весной, когда вода в реке еще не спала и потоком текла через узкую горловину в омут, Вовка и Ленка увидели лодку, стоящую у берега, и решили на ней покататься. Забрались внутрь, взяли весла и отчалили. Орудуя веслами, Вовка выгреб на середину реки и тут вдруг заметил, что бурным течением лодку несет на самую быстрину, к омуту.

Испугавшись, Вовка изо всех сил стал грести обратно к берегу. Ленка с ужасом держалась за край лодки, поглядывая по сторонам. С берега их заметили. Сбежался народ, но никто не мог помочь, так как другой лодки рядом не было. Напрягая все свои силы, Вовка усиленно загребал веслами, но неуклюжая лодка вертелась из стороны в сторону и очень медленно приближалась к берегу. С большим трудом удалось тогда Вовке вывести лодку с быстрины, несшей лодку в омут, и пристать к берегу.

Потом взрослые ребята переправили лодку опять обратно поближе к заводу. В памяти запечатлелся страх и ужас от возможности быть унесенным в лодке в бурно мчащийся поток воды во время весеннего водоразлива реки.

В дальнейшем Вовке не раз приходилось уже по более спокойной реке ездить самостоятельно на лодке, орудуя длинными веслами, вставленными в уключины, и помогать деду вылавливать на дрова топляки после весеннего молевого сплава.

Весной старшие ребята часто жгли костры на берегу реки и на поляне в лесу. Вовке запомнился огромный костер, который они разожгли в лесу на большой поляне, недалеко от опушки леса. Костер был так велик, что пламя его поднималось над лесом и искры в ночном небе сыпались, как звезды. Казалось, еще немного – и от этого костра вспыхнет и загорится весь лес. Малыши держались от этого костра подальше, поближе к дому. Они наблюдали, как ребята разгребают угли, пекут картошку, прыгают через костер. Кажется, еще немного и загорится весь лес, освещаемый красным пламенем костра.

Сокровища в кладовке

Когда Вовке пошел уж 5-й год, то больше всего его стало привлекать большое хозяйство дедушки: напильники, шайбы, гайки в кладовке и на заводе. В кладовке, где находились бочонки с соленой капустой, грибами, а также ведра, лопаты и вилы, Вовка однажды обнаружил три больших ящика, доверху набитых всякими железками: были тут и ключи, и какие-то гайки, болты, подшипники, шурупы разных размеров, гвозди, пружины разных размеров, патроны, обломки напильников, слитки олова, свинцовые грузила, старые паяльники и т.д. Все эти сокровища дед, видимо, не хотел выбрасывать в надежде, что может быть что и пригодится. Все это Вовка неоднократно пересмотрел и перебрал.

Большой интерес у него вызвал найденный там старинный пистолет с курками и большим дулом, но с обломанной круглой деревянной ручкой. Пистолет был странной формы, открывался и стрелял, видимо, патронами, как ружье. Большой курок оттягивался, и если нажать на спуск, то он щелкал по бойку. Вовка перерыл весь ящик в поисках патронов к нему, но не нашел. Дед объяснил Вовке, что к пистолету нужны специальные маленькие патроны, что теперь таких уже нет. Вовка долго крутил и разглядывал этот необыкновенный пистолет, с трудом поднимал его на вытянутой руке и прицеливался. Все эти ящики были перебраны не один раз.

Нравилось ему наблюдать и за работой деда, когда он на заводе одевал очки, включал станок на верстаке и начинал что-то вытачивать, точить стамеску, пилу или топор: искры летели во все стороны. В это время Вовка стоял обычно в стороне, наблюдая как это все происходит, а иногда даже старался в этом принять хоть какое-то участие. Дед показал ему, как искры можно высекать из камня – кремня, который можно найти на берегу реки. Если сильно по этому камню ударить обломком пилы, то тоже появляются искры, а если искры попадут на сухой трут, то можно раздуть огонь и разжечь костер.

Дедушкин верстак

Рабочий дедушкин верстак на кухне – это длинный прочный стол, заваленный всяким инструментом: напильниками, отвертками, ста-

месками. Около самого окна к верстаку были прикручены маленькие тисочки, которые он частенько то закручивал, то раскручивал почти до предела.

У деда были еще маленькие ручные тисочки, молоточки, маленький железный рубанок, пилки, паяльники различных размеров. Вовке эти паяльники чем-то напоминали маленькие топорики с длинной тонкой проволочной ручкой, загнутой на самом конце. Они были покрыты разноцветной окалиной, дед разогревал их в топке, и когда паял, то шел дым и распространялся запах канифоли. Тут же была протрава, желтая в небольшой скляночке, которой он предварительно смазывал места для пайки.

Это любопытство к инструментам однажды привело к тому, что Вовка потрогал рукой один из раскаленных паяльников, висевших в кочегарке завода на стенке, что надолго оставило заметный след на его правой руке.

Запомнилось Вовке и то, как однажды дед долго ремонтировал чье-то охотничье ружье, вытачивая боек к двустволке. В другой раз он делал пружину к ружью. Женщины несли ему швейные машины, где ломались челнок, шпульки, колесики.

Однажды Вовка как-то нечаянно зацепил скатерть на столе. Вместе со скатертью со стола свалился на пол и бабушкин самовар. В результате поломались все деревянные ручки на конфорке и крышке. После того, как Вовке в очередной раз попало «за озорство», деду пришлось восстанавливать разбитые деревянные ручки на крышке самовара. Для этого ремонта очень удачно подошли деревянные кругляшки от конторских счетов. Для этого он сверлом увеличил в них дырку и обточил со всех сторон. К моей радости, самовар был восстановлен в прежнем виде.

Однажды дед пришел с завода очень огорченный и показал разломавшийся маленький металлический рубанок, у которого сломалась верхняя планка. С рубанком ему пришлось повозиться долго. Он сделал новую наставку к планке и приклепал ее заклепками к старой. Рубанок опять стал строгать. Этот маленький рубанок помог и Вовке научиться строгать доски.

Также среди инструментов деда на кухне была дрель с большим колесом. Дед часто ей пользовался. Он упирался в верхнюю ручку

своим колючим подбородком и крутил ручку дрели, сверло погружалось в доску. Вовке этот инструмент тоже очень нравился. Он обычно нажимал на эту верхнюю ручку своей грудью, одной рукой держал дрель, а другой крутил колесо. У Вовки в этот период жизни сверление отверстий в доске, строгание рубанком и распиловка ножовкой были самыми любимыми занятиями на верстаке деда.

Завод (машинное отделение)

Завод в Порозове стоял на самом берегу реки. В нем было несколько цехов, самым важным из которых, по представлениям Вовки, было машинное отделение, где работал и был главным его дедушка. Поэтому Вовка чувствовал себя в машинном отделении, как дома. На завод он пробирался через дырку в заборе с реки, сдвинув в сторону прогнившую доску. Дверь в машинное отделение всегда была открыта, так как там было жарко.

Вовка в коротких штанишках поднимался по крутым ступенькам на крыльцо. Почти сразу у входа, слева, были печи паровых котлов, куда молодые парни бросали березовые дрова, поленницы которых занимали весь двор позади завода. Вовка старался быстро обойти это жаркое место и держался поближе к противоположной стенке. Дальше – справа, у стены, возвышался большой котел с толстыми стенками, весь в заклепках, а спереди в нем была большая темная дыра, куда Вовка боялся даже заглядывать. Над ней сверкал большой медный кран, из которого, если его открыть, текла горячая вода. Обойдя и это опасное место, Вовка оказывался перед самой паровой машиной.

Работа завода вызывала у Вовки большой интерес, так что уже в 5–6 лет он знал всю технологию изготовления масла.

Много о работе завода узнавал он и от своего деда. Однажды дед пригласил внука пойти с ним в небольшой сарай на территории завода. Дверь его всегда была закрыта на большой замок, так что Вовка оказался здесь впервые. Внутри сарая, посредине, виднелась большая деревянная крышка. Когда дедушка снял ее, Вовка увидел глубокий бетонный колодец. Совершенно гладкие белые стены уходили

вниз и терялись в темноте, только в самом низу, на головокружительной глубине, поблескивала вода. Вовка еще раз посмотрел вниз и ему стало страшно от увиденной бездонной глубины обрывистых стен. А дедушка привычно заглядывал вниз, перегибаясь через край, смотрел вниз. Вовка был даже рад, когда дедушка опять закрыл этот бездонный колодец, и они вышли из сарая.

– А что это за колодец? – спросил Вовка деда.

– Да, это у нас отстойник, сюда собирается чистая вода из реки, и дальше она закачивается в котлы, но засорился он что-то, нужно опять чистить.

Паровая машина в машинном отделении стояла на каменном постаменте. Каждое утро ее запускал сам дед вместе с помощником. Для этого нужно было сначала немножко раскрутить тяжелое блестящее колесо-маховик, которое было раза в два выше Вовки. Спицы маховика были выкрашены в красный цвет, а поверхность самого колеса была блестящей. Колесо крутил кто-то из помощников дедушки, работавших в цехе, а дед в это время стоял с другой стороны машины и, передвигая рычаг, подавал пар из котлов на машину.

Вот он двигает ручку, пар врывается в машину, и начинают двигаться взад и вперед рычаги-шатуны. Огромная штанга ходит взад и вперед, раскручивая коленчатый вал, который, как огромный молот, то идет вверх, то опускается вниз, и все колеса начинают крутиться. Все части машины начинают двигаться в едином ритме: шипит пар, вращаются колеса, крутятся ремни, которые бегут вверх под самый потолок и там, на платформе, вращают колесо динамо-машины, которая вырабатывает ток. Туда, под самый потолок ведет металлическая лестница. Вовке было удивительно наблюдать работу этой паровой машины.

Рабочий верстак деда в машинном отделении находился под металлической лестницей, которая вела наверх, к замурованным кирпичами котлам. Здесь у него стояли большие тиски, где можно зажимать целую трубу, лежали напильники и пилы. Для Вовки особый интерес представлял закуток за верстаком, где всегда можно было найти какую-нибудь занятную железку или гайки.

В машинном отделении стены были выкрашены в темно-синий цвет, одно большое окно слабо освещало большое помещение, туск-

ло горели лампочки. Дедушка ходил в сером замасленном комбинезоне и старых ботинках. В машинном отделении работали только мужчины. Все они носили темные замасленные комбинезоны, и все знали Вовку.

Из машинного отделения в другие цеха молочного завода вела маленькая дверца. Однажды, когда Вовка пришел в цех к дедушке, молодая розовощекая Юлька в чистом белом халате и белой косынке взяла его за руку и, несмотря на его сопротивление, повела в молочный цех. Здесь, за стенкой, все было белым, чистым, блестящим. У одной из стенок гудели сепараторы, выше находились металлические емкости для молока. Недалеко от них по холодной панели стекали сливки. Юлька взяла цилиндрический маленький ковшичек (пробник) на длинной ручке, подставила его под стекающие холодные густые сливки и дала Вовке попробовать. Он отпил немного, но они имели какой-то приторный вкус, так что допить сливки он отказался.

В цехе, где работала Юлька, были только женщины в белых халатах. Там горели яркие электрические лампочки, стены были выкрашены в белый цвет, а некоторые облицованы белыми плитками. Когда дедушке нужно было идти в эти цеха завода, он тоже надевал белый халат.

Также случайно Вовка оказался и в большом цехе, где стояли две маслобойные бочки: одна большая, а другая поменьше. Здесь из сливок получали масло.

Большая бочка с закрытым люком медленно крутилась, и через маленькое круглое оконце в ней было видно, как переливаются внутри сливки, крутятся лопатки. Когда бочка останавливалась, женщины открывали люк, большим деревянным треугольным совком извлекали масло и укладывали его в ящики, которые внутри были обложены хрустящим пергаментом. Наполненные ящики переносили в холодильное отделение.

В деревянной пристройке к заводу из творога делали сыр. Большие мешки под прессом лежали на полках, и из них выжимали сыворотку. Потом их переправляли в так называемую «казеинку». Там содержимое мешков рассыпали на противни и сушили. «Казеинка» находилась недалеко от реки. Женщины перемешивали высушенный

казеин и загружали его в мешки. Продукцию завода увозили на полуторках в Вологду.

Завод был обнесен высоким забором. В его воротах дежурил сторож с одноствольной берданкой и старой овчаркой по кличке Дорка. Возчики на телегах с бидонами молока подъезжали к широкому каменному крыльцу, где бидоны выгружали, затаскивая их внутрь в холодильное отделение.

На завод периодически приезжали машины, полуторки. На них грузили ящики с маслом, после чего они уезжали. Пока машины стояли около ворот завода, ребята рассматривали их со всех сторон. А те, кто был постарше, даже вставали на резиновые колеса и заглядывали в кузов. В шоферской кабине были видны руль и потертое черное сиденье. Шофер в сапогах садился в кабину, хлопал дверцей со стеклами и, покрутив какой-то рычажок, заводил машину. Иногда она буксовала, глохла, и тогда шофер, ругаясь, доставал заводную ручку и, перешагнув ногой через длинный металлический буфер, начинал дергать эту ручку до тех пор, пока мотор не заработает. Когда машина трогалась с места, ребята бежали за ней, стараясь сзади ухватиться за борт и немножко прокатиться. После машины в воздухе оставался запах, который Вовке очень нравился. Бабушка объясняла, что эти машины едут в Вологду. Иногда она передавала шоферу гостинец в город и просила зайти к Балашовым.

Дед был очень знающим механиком. Хотя, по рассказам бабушки, специально этому нигде не учился и окончил всего три класса школы. На заводе к концу войны он решил сделать сам лесопилку во дворе, чтобы пилить дрова, которыми отапливался завод и топились котлы завода. Для этого он достал где-то круглую пилу, электромотор, сделал станок и все необходимые приспособления. Очень скоро у этого станка накопилась большая куча свежих мягких желтых опилок. Лесопилка на заводе к концу войны тоже заработала.

Электричество

По вечерам бабушка зажигала керосиновую лампу, надевала на нее пузатое стекло – и в комнате становилось светло. Если вывер-

нуть колесиком фитиль побольше, то лампа начинает гореть ярче, а если еще больше, то из стекла, как из трубы, начинает валить густой черный дым. Но вот однажды, в конце войны, в нашей комнате тоже ослепительно ярко вспыхнула электрическая лампочка, осветив сразу все, даже самые дальние, углы комнаты. Сначала было даже как-то непривычно быть в комнате при таком свете.

Электричество в наш дом тоже провел дедушка. Этому предшествовала большая работа. Были привезены, обтесаны и вкопаны в землю два столба от завода к дому, потом в них были ввернуты белые изоляторы на крючках, а когда столбы были уже установлены, дед вместе с рабочими натянул два провода от завода к нашему дому, и вот когда эти провода через отверстия в стенке над окном были проведены в наш дом и посреди комнаты была подвешена лампочка, то и у нас вспыхнул электрический свет. Потом свет появился и в соседних квартирах нашего большого дома.

Но часто на заводе электричество отключалось, и тогда бабушкина лампа с ручкой снова появлялась на столе и по стенам бегали неясные загадочные тени, а в дальних углах пряталась темнота.

Нужно, правда, сказать, что без участия Вовки в этом процессе тоже не обошлось. Когда дедушка тесал ближний столб для проводки электричества, Вовка усиленно ему помогал, сидя на этом столбе и поддерживая его равновесие. Когда дед переходил тесать следующий участок бревна, Вовка отодвигался. Но вот что-то пошло не так, может дедушка шагнул вперед слишком далеко, то ли Вовка не успел пересесть, как вдруг при очередном взмахе топора Вовка почувствовал удар в лицо и потекла кровь. Дед бросил топор, подхватил Вовку на руки и побежал домой. К счастью, рассеченной топором оказалась только бровь над левым глазом. Вовке опять повезло.

Белый хлеб

Время летело, война подходила к концу. Вовке к тому времени исполнилось уже почти 5 лет. Летом 1944 года к бабушке зашел солдат с фронта, оказавшийся дома на побывке после ранения. Видимо, это был кто-то из ее дальней родни. Вовка крутился рядом, рассматри-

вая пилотку, свернутую шинель, ремни. По исхудавшему лицу солдата Вовка понял, что война тяжелая и трудная. Гость рассказывал о фронте, о том, как они воевали, беседовал с бабушкой о знакомых из Высокова. Бабушка угощала его картошкой и грибами, а тот достал из сумки хлеб, только не черный, а какой-то серый на вид, и разложил на столе.

Увидев этот хлеб, бабушка попросила солдата:

– Да ты угости Вовку белым-то хлебом, ведь парень не знает, что такое белый-то хлеб.

Вовка и в самом деле не знал, что кроме черного хлеба есть еще и белый. Неужели такое бывает?

Солдат дал ему небольшой белый кусочек хлеба. Однако этот хлеб показался Вовке не таким вкусным, как тот, что пекла бабушка. Он все же откусил еще разок, пожевал, проглотил и протянул хлеб бабушке обратно.

– Вот дурной, белый хлеб не ест, – удивилась бабушка. А потом обратилась к гостю:

– Ничего, ужо потом съест, спасибо тебе.

Признаки конца войны в Порозове проявлялись все чаще. У Юрки однажды на голове появилась пилотка со звездой, которую он достал где-то у знакомых ребят. Потом от старших ребят Вовка не раз слышал какие-то иностранные слова: «Хеднель хох», «Аин, цвай, драй». Юрка объяснил Вовке, что это немецкие слова и обозначают, что Гитлеру капут.

Но в общем, Вовка в Порозове оказался далек от того, что происходило в стране на самом деле в годы его детства, когда была война. Вовке повезло.

Новые знания

Познания Вовки об окружающем мире расширялись не только в результате его каждодневной исследовательской деятельности. Также он черпал знания из рассказов взрослых, к которым чутко прислушивался. Бывало, сидят все за столом, обедают, и кто-то из взрослых что-то рассказывает. Вовка иной раз начинает что-то спрашивать, но бабушка, которая сидит рядом, говорит:

– А ты, Вовка, молчи да слушай, что старшие-то говорят.

В конце концов, Вовка внял советам бабушки: сидел, слушал. Вот дедушка рассказывает о том, как он был на ферме, кого встретил, с кем говорил. Ферма Вовке представляется круглой, похожей на сковородку. Что же это за ферма такая? Судя по рассказу дедушки, это большая деревня. Иногда в разговорах упоминалось Несвойское, туда дедушка ходил на завод, и у бабушки там тоже были знакомые. Вот так они и сидят: дедушка рассказывает, бабушка слушает и задает вопросы, а Вовка только слушает и молчит.

В другой раз говорили о станции Лумба и железной дороге, по которой ездят на паровозах. Вовку рассказ о железной дороге настолько поразил, что он дня три пытался представить себе эту железную дорогу, по которой можно ездить на поезде. Она в его воображении выглядела ровной блестящей дорогой, целиком сделанной из железа.

– Вот чудеса! – думал Вовка. – Откуда же столько железа берется, что из него дорогу можно сделать?

В дедушкином доме детских книжек почти не было. На полке у дедушки были старые толстые книги, которые Вовке не давали, и еще дореволюционные журналы под названием «Нива». На их серых обложках были нарисованы женщины, держащие в руках цветы, восходящее солнце, а посредине, в рамке – буквы. Бабушка в руки Вовке эти журналы не давала, но картинки в книгах показывала. Однажды в присутствии какого-то гостя Вовке даже был устроен экзамен. Открыв толстую книжку, бабушка показывала Вовке картинки и спрашивала, кто на них нарисован. А там были рассказы о писателях, художниках, полководцах и их портреты. Некоторых из них, например, Пушкина, Некрасова, Суворова, Вовка назвал правильно, а других не смог.

– Вот ведь, – сокрушалась бабушка перед гостем, – уже забыл, а раньше всех-всех называл.

Вовку это очень огорчило. Долго он потом об этом раздумывал, но никак не мог вспомнить, чтобы прежде бабушка показывала ему эту толстую книгу. Возможно, бабушка просто решила похвастать перед гостем, какой у нее способный внук...

Из картинок, которые показывала Вовке бабушка, он запомнил ту, где было изображено отступление французов из России во вре-

мя войны 1812 года. Оборванные, закутанные в лохмотья, сгибаясь под тяжестью своих винтовок, а то и опираясь на них, они бредут сквозь стужу, ветер и снег на родину... Была еще картина «Грачи прилетели», которая почему-то вызывала у Вовки тоску. Из этой толстой книжки бабушка иногда читала Вовке и стихотворения.

Одно из них начиналось так:

«Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз...»

Там были еще другие строки:

«Откуда дровишки? – Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу
(В лесу раздавался топор дровосека)».

Это стихотворение Некрасова бабушке очень нравилось, она даже просила Вовку рассказывать его наизусть. Очень нравилось ей и другое стихотворение Некрасова – «Школьник», где упоминался Ломоносов:

«...Скоро ты узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик».

– Вот, учись, Вовка, слушай, что старшие-то говорят, и выучишься, как Ломоносов, ты же у нас тоже из Архангельска, – говорила она внуку.

В книжке была и картинка, на которой юный Ломоносов в крестьянской шапке и тулупе, с книжкой под мышкой идет по дороге из Архангельска в Москву. Чем велик был Ломоносов, Вовке в ту пору еще не объяснили, но бабушка о Ломоносове говорила с большим уважением, понижая голос, и он понимал, что это был очень ученый человек.

Иногда в зимнюю непогоду бабушка рассказывала Вовке страшные сказки: «Жили-были дедушка и бабушка, и была у них внучка. Вот пошел дед в лес, увидел медведя и отрубил ему лапу. Убежал медведь в лес, сделал себе ногу деревянную, липовую и ночью пришел в деревню просить у деда отдать ему его настоящую ногу. Стучит в дверь и говорит: «Скрипит, скрипит нога липовая, отдай, дед,

мою лапу, а то я весь дом твой переломаю». Как раз то место, где медведь приходил к деду и говорил, что у него нога скрипит-скрипит липовая, было очень страшным, и Вовка прижимался к бабушке, тревожно прислушиваясь к шуму ветра в печной трубе.

Вовка верил, что в лесу водятся лешие, а в реке – водяные. Бабушка рассказывала, как одного ее знакомого из соседней деревни ночью, когда он с праздника возвращался домой, лешие затащили в реку и утопили.

Такие же страшные истории Вовка слышал и от Ленки. Оказывается, водяные могли запросто затащить человека в реку и утопить в ней, особенно, если он будет их ругать. Вовке, конечно, рассказывали и добрые сказки: про курочку, что снесла золотое яичко, а оно упало и разбилось, про репку, которую тянули дед и баба, внучка и Жучка, но вытащить ее удалось лишь тогда, когда им на помощь пришла мышка. Но больше никаких книжек для детей в деревне не было.

В этом ничего удивительного не было, так как бабушка училась еще меньше, чем дедушка, она окончила два класса и с трудом читала по слогам. Дедушка же читал свободно и выписывал газету «Красный Север». По этой газете и Вовку стали учить читать.

Дед тоже принимал участие в пополнении знаний Вовки. Однажды он прочел стихотворение, из которого Вовка запомнил только одну строчку: «Загудели, заиграли провода, мы такого не слыхали никогда». Услышав эти строки, Вовка на следующий же день решил проверить, правда ли, что провода гудят. Проходя мимо телефонного столба за конторой, он подошел к нему и приложил ухо. И в самом деле, он услышал какой-то шум – «загудели, заиграли провода». Но почему же они гудят?

Этим открытием Вовка поделился с Ленкой. И когда она прижала ухо к столбу, то тоже услышала гул. Да, провода на самом деле и гудели, и играли. И еще одна строчка из другого стихотворения, которое читал Вовке дедушка, запомнилась ему на всю жизнь: «Вдали за рекою потух огонек». Вовка долго думал над этой строкой. И представилась ему речка, домик в деревне Заломаихе, темная-темная ночь. И вот последний огонек в окошке гаснет, и становится очень печально и грустно на душе.

Иногда Вовке разрешали смотреть дедушкины книжки, которые стояли в углу возле двери, на полке. Вовке доставляло большое удовольствие рассматривать там картинки. Особенно интересна была одна книжка в красном потрепанном переплете. На нем была нарисована машина с зубчатыми колесами и цилиндрами. Около нее стоял человек. Вовка спросил у деда, что это за машина.

Повернувшись на кровати и оторвавшись от газеты, дед ответил:

– Это, Вовка, такая машина. Она называется дизель.

В книжке было еще много таких машин и схем. Вовке очень нравилось рассматривать картинки с машинами.

И еще в доме была медицинская книжка. Бабушка доставала ее, когда Вовка болел, и по ней определяла, чем он болен, и чем его нужно лечить. Если есть сыпь, значит, корь или скарлатина, а нет, тогда это, может, желтуха. Особенно любили тайком смотреть эту книжку молодые девушки-практикантки, которые жили у них на квартире. В этой книжке тоже были картинки, но Вовке их не показывали, и книжку от него прятали.

Писать и считать Вовку не учили. Бабушка соседке объяснила:

– В школе будет учить, вот все там и узнает, а так ему потом учиться будет неинтересно.

С карандашом и бумагой Вовка познакомился, когда ему исполнилось три или четыре года. Карандаши бабушка взяла у деда на полке. Они были простые и так называемые химические, которые, если смочить грифель водой или слюной, оставляли следы, как от чернильной ручки.

Бабушка показала Вовке, как нужно держать карандаш в руке, подстелила лист газеты, чтобы было, на чем рисовать. Сначала было трудно держать карандаш, нажимать им на бумагу, да еще и водить по ней грифелем. Все движения приходилось продумывать. Легко было только чиркать карандашом из стороны в сторону и рисовать кругленькие закорючки.

После того, как в руки Вовке попал карандаш, он долго не хотел его отдавать обратно. Но просто чиркать карандашом по газете ему тоже скоро надоело. И вот он ходил по комнате с карандашом в руках и думал, где бы еще порисовать. Подошел к обоям у двери, чуть-чуть почиркал по ним карандашом – вроде неплохо получилось.

Оказалось, что карандаш писал и на белом косяке двери в маленькой комнатке, где стояла кровать. Но особенно эффектными получились рисунки карандашом на внутренней белой стенке шкафа, который висел на стенке и где хранились чашечки, разные коробочки и чай. Каждая черточка на ней была хорошо видна. И вот Вовка принялся украшать ее закорючками, кружочками. Через некоторое время упорных Вовкиных стараний вся дверца шкафа была разрисована. Бабушка увидела росписи внука и только ахнула:

– Опять наварзал!

После этого Вовке долго не давали карандашей. А шкаф так и остался с закорючками, так как карандаш, которым его расписал Вовка, был химический, что нарисовано таким карандашом, смыть невозможно. Потом Вовка видел этот шкаф у Балашовых в Вологде.

Рисовал Вовка не на бумаге, а на старых дедушкиных газетах «Красный Север», потому что ни альбомов для рисования, ни белой бумаги, которые сейчас можно купить, в деревне не было. Первоначально не получались прямые и кривые линии. Каждое движение руки требовало размышлений.

Большой прогресс в рисовании у Вовки наметился после того, как дедушка научил его рисовать человечка.

– Смотри, Вовка, вот как нас раньше учили: вот точка, рядом еще точка, запятая, минус и получилось что? Рожица кривая. Палка, палка, огуречик – вот и вышел человечек.

По этой схеме Вовка и начал рисовать где попало человечков, похожих на снежную бабу. Но самое главное – он понял, как можно просто нарисовать глаз, нос, рот, обвести все это кружочками и, действительно, получались человечки. Оставалось лишь пририсовать им ручки и ножки. Также он учился рисовать домик и деревья.

Закончилось детство

К 5–6 годам Вовка вырос, стал совершенно самостоятельным. Не было в окрестностях деревни места, где бы он не побывал, все было обследовано, изучено. Вовка уже научился немножко плавать, проплывая метра три до лав. Он умел ловить рыбу и сам ее жарил на

горячих трубах котлов машинного отделения. Взрослые уже как-то успокоились, война заканчивалась.

А однажды бабушка пришла домой и объявила, что соседка Ефалья уезжает в деревню Кринки. Когда Вовка услышал эту новость, он первым делом спросил:

– А Ленка тоже уезжает?

– Да, уезжает и она.

Название деревни, куда уезжала Ленка, Вовке сразу не понравилось. И что там хорошего?

Когда Вовка встретил Ленку во дворе, та была оживлена и озабочена. Как видно, готовилась к отъезду.

– Ну, что, уезжаешь?

– Да, мы едем к брату, будем там жить, – ответила Ленка. – Уезжаем в это воскресенье. Нам дадут лошадь, и мы на подводе поедем все вместе.

– Лена, я, когда вырасту большой, приеду к тебе в гости. Ладно? – спросил Вовка.

Ленка задумалась, но ничего не ответила, и тогда он пригласил Ленку искупаться напоследок на песках. Но на реке было холодно, небо затянули тучи, купаться расхотелось, и они вернулись домой.

Зятюшковы уехали, как и говорила Ленка, в воскресенье, после обеда. Подвода, доверху нагруженная тюками с пожитками, медленно двинулась в сторону Малоновленского. Лошадью правил незнакомый возчик. Рядом с ним сидела Ефалья в черной, толстой шали. А сзади в небольшом углублении пристроились Ленка и Танька.

Все вышли их провожать, и Вовка тоже. Ему было грустно.

– Вон, смотри, – показала рукой бабушка, – невеста-то твоя уезжает.

Взрослые с улыбкой поглядели на Вовку, и он сразу застеснялся и побежал домой, не дожидаясь, когда повозка скроется за лесом.

После отъезда Ленки в деревне Вовке стало как-то неуютно, неинтересно и скучно. Он часто думал о ней и деревне Кринки, далеко ли она от Порозова. Бабушка сказала, что это очень далеко. И это тоже ему очень не понравилось.

Вовка обещал Ленке, что он приедет, когда вырастет большим, но случилось так, что больше он ее никогда не видел. Однако часто вспоминал ее и потом, когда уже вырос. Он бы и в самом деле при-

ехал, хотя бы увидеть, знакомое лицо, черные глаза, большую длинную ее челку-«пчелку», спускающуюся почти до глаз. Вовке было очень невесело оставаться одному в деревне.

Прошло лето, наступила осень. Ребята пошли в школу. Тут бабушка стала говорить Вовке, что через год он тоже должен будет идти в школу.

– Вот, смотри, через год и тебе нужно будет учиться.

Вовка с трудом представлял, как он пойдет в школу, и почему-то очень этого боялся.

Бабушка, разложив на столе газету, стала показывать Вовке буквы и учить его читать. Вовка уже знал некоторые буквы. Вот буква «к», она как будто с двумя рогами у козы, потом «р». Буква «а» похожа на домик, буква «с» – как бабушкин серп. Надутая буква «в» – он и ее хорошо запомнил – «ветер», и потом опять «р».

– Ну, а теперь скажи, что получается? – спрашивала бабушка.

А Вовка уже и так давно знал, что получалось. Получилось: «Красный Север» – название газеты, которую выписывал дедушка.

Более же мелкие заголовки Вовка читать не умел: бабушка говорила, что этому его в школе научат.

– Нынче все грамотные, – говорила Вовке бабушка. – Грамота нужна теперь везде.

Вовка слушал и боялся, сумеет ли он освоить всю эту грамоту?

Тем временем наступила зима… Вовка все еще катался на маленьких красных лыжах из березы. Правда, красная краска уже стала не такой яркой, как была вначале, но на белом скрипучем снегу они все еще хорошо были видны.

Сначала он катался по занесенному снегом лесу, рассматривая засохшие травинки, которые торчали из-под снега. Но по лесу на лыжах ездить было неудобно, и Вовка пошел на берег реки. Та горка, с которой он когда-то начинал кататься, казалась ему теперь маленькой, ездить с нее было не интересно. Другое дело – крутой и обрывистый противоположный берег.

Вовка покатался на всех горках, даже с самой высокой, с трамплином. А потом, счастливый и проголодавшийся, пошел домой. Оставил в сенях свои лыжи, стряхнул снег веником, стоявшим в углу, открыл тяжелую дверь, и тут его встретила вся заплаканная бабушка.

– Эх, Вовка, что мы теперь делать-то будем? Прогулял ты своего дедушку... Умер наш дедушка-то.

Произнеся эти слова, она ушла в комнату. Вовка, уже понимая, что произошло, разделся, осторожно прошел в первую комнату и, как-то боясь, заглянул в соседнюю комнату, где накрытый белой простыней на своей кровати лежал дедушка, а рядом, стоя на коленях, плакала и плакала бабушка. Вовка постоял-постоял и вышел на кухню. «Как же это он прогулял дедушку, почему же он виноватым стал, он же не знал, что умер дедушка».

В дом стали заходить соседи. Бабушка, вся в слезах, с полотенцем в руках, встречала всех. Люди заходили в спальню, смотрели на дедушку, закрытого белой простыней, и уходили. К вечеру из Несвойского приехала врач в белом халате. Ее провели в спальню. Она осмотрела тело дедушки и выдала бумажку – справку о смерти. За этими печальными хлопотами до Вовки никому не было дела, а он с тревогой прислушивался к разговорам взрослых, пытаясь понять, что же произошло и что теперь будет.

По рассказам бабушки, дедушка, как обычно, пришел с завода на обед, поел и прилег отдохнуть.

– Только я вышла на кухню, – говорила бабушка, – слышу какой-то храп. Прибежала сразу, смотрю, а он уже не дышит.

Скоропостижно умер, говорили соседки.

Дедушку перенесли в большую комнату. Бабушка всю ночь читала над ним молитвы. Вовке тоже всю ту ночь не спалось.

На следующий день пришли соседки и стали его «обряжать». Дедушку обмыли, одели. Заказали гроб у столяра.

Народ все приходил и приходил. Никого из них Вовка не знал. Приехали из Вологды дядя Капа и Густя. Из Архангельска приехали Надежда и Александра. Маленькая квартирка от большого количества людей стала совсем тесной, дверь не закрывалась – все ходили и выходили, все было открыто.

На следующий день дедушку все стали готовить к похоронам, привезли цветы. Уложили. Все родственники собрались. Бабушка плакала, плакали многие женщины, но особенно убивалась бабушка. Вовку кто-то подтолкнул вперед к изголовью. Вовка до этого боялся смотреть на деда, но тут взглянул. Знакомое лицо дедушки стало

каким-то чужим, холодным. На правой половине расползлось темно-красное пятно. Вовка от взрослых слышал, что по заключению врача дедушка умер от тромба, который закупорил у него сосуд, и смерть наступила сразу. Не мучился – говорили взрослые.

Откуда-то появился фотограф. И плакать стали меньше, засуетились. Фотограф стал снимать умершего дедушку с разных сторон: то отходя, по приближаясь. Потом Вовка видел эти темные фотографии, и они были какие-то похоронные. Днем подъехали лошади, дедушку в гробу стали выносить во двор, вывели бабушку. «На кого ты нас оставил…» – тихо шептала бабушка. Вовке и от этого тоже стало как-то тревожно: что теперь будет?

На улице было морозно. Вовка тоже оделся, но ему сказали, что на похороны его не возьмут и велели сидеть у соседей. У дома стояли лошади и жевали сено. Наконец длинный обоз тронулся и поехал в лес по дороге к Бряче.

Гроб с дедушкой и закутанную в пальто и шаль бабушку везли на первой лошади. За ними вытянулись другие лошади, и сани-розвальни, на которых сидели люди. Поехали. Такого длинного каравана Вовка никогда не видел.

Вдруг, когда лошади проезжали мимо завода, взревел гудок, который дедушка часто включал сам. Гудок гудел и гудел все время долго-долго, пока последняя подвода не скрылась за лесом. Завод тоже прощался со своим мастером.

«Ребята в деревне поехали на похороны на лыжах», – сказала какая-то женщина. Вовка тоже спешно, не раздумывая, натянул свои красные лыжи и побежал по лыжне, которую оставили ребята.

Подводы уже скрылись, и Вовка торопился. Рябят на лыжах тоже нигде не было видно. Пройдя лес и оказавшись у хутора, Вовка на дороге увидел подводы, удалявшиеся дальше в лес. Вовку заметили и стали звать. Но он еще долго бежал на лыжах, пока совсем не обессилел. Его подобрали какие-то люди на самой последней подводе вместе с лыжами, втащили на сани и, дрожащего от холода, накрыли тяжелым тулупом. Когда лошади приехали на кладбище, Вовку завели в какой-то маленький домик и посадили на печку, где он отогрелся и как-то забылся. Потом, когда поехали обратно, его забрали и к вечеру все вернулись в Порозово.

На поминки все собрались в конторе. За столами было много народу, на столе стояли кружки, бутылки, какие-то кушанья. Вовку позвала к себе Юлька и усадила рядом. Произносили тосты, ели. Говорили о том, какой был Иван Никандрович мастер, все его знали, все он умел. Говорил какой-то мужчина, коренастый. Все пили. Тостов было много и после каждого пили какую-то мутную жидкость из кружек. После очередного тоста Юлька тоже подвинула Вовке свою кружку.

«Пей, Вовка, за дедушку». Вовка осторожно отпил глоток. Жидкость была с каким-то незнакомым запахом, но была сладкой. После каждого очередного тоста Вовка отпивал немножко. И скоро ему показалось, что он совсем большой, как все остальные и пил уже не по одному глотку.

Когда уже все стали расходиться, Вовка почувствовал себя плохо. Закружилась и заболела голова. Бабушка, которая уже перестала плакать, взяла Вовку за руку и повела домой.

«Эх ты, Вовка, напился» А у Вовки все кружилось перед глазами и как-то сильно ломило виски, сильно болела вся голова. Такой боли не было даже во время болезни. По дороге Вовку стало тошнить и вырвало. Дома опять стало тошнить и вырвало в таз. Бабушка испугалась, дала ему выпить воды, но его всякий раз тошнило и рвало. Потом его стало знобить, и он попросился на печку. На теплой печке стало немножко легче и уже поздно ночью он уснул.

Что же теперь делать?

После смерти дедушки Вовка с бабушкой остались одни. На завод Вовка больше не ходил – ведь там больше не было дедушки. Он чувствовал себя лишним, никому не нужным, – даже с ребятами играть перестал. Бабушка тоже изменилась: стала замкнутой, много молилась по вечерам. Дом опустел. По разговорам бабушки с соседками Вовка понял, что директор завода потребовал, чтобы она освободила заводскую квартиру, поскольку она нужна новым работникам завода. Пришлось бабушке писать письмо Мохову в Кубенское. Он разрешил ей остаться в заводской квартире до осени.

Бабушка стала раздавать мебель из квартиры: стулья, шкаф, какие-то отрезы, кожаное пальто дедушки. Все это уже было не нужно. Ружье дедушки подарила Мохову. Она сказала, что на следующую зиму, наверное, поедет в Архангельск. На переезд и питание бабушка получила деньги из Архангельска и прятала их, чтобы Вовка не видел. Вовка ни с кем уже не дружил и чувствовал себя каким-то лишним, никому не нужным. Помогать бабушке часто приезжал Капитон из Вологды.

Но была еще весна, весна 1945 года, были ручьи и талый снег, и была Победа в войне 9 мая. Руководство завода Победу праздновали в конторе, на углу конторы висел красный флаг, но бабушку на праздник никто не приглашал. Постепенно на улице стало тепло, и ребята стали выходить на улицу.

В начале лета

В конце мая в соседнем доме у Лидки появилось сразу несколько маленьких котят, которых девочки утром вынесли погулять на улице. Все ребята, конечно, тоже прибежали их посмотреть. Вовка среди них был уже самый большой. Котята были мягкие, пушистые и очень юркие. Девочки посадили их на лестницу, приставленную к крыше над входом в контору, и котята быстро по ней забрались на верх, а один из них оказался даже на крыше пристройки к дому и никак не мог найти путь обратно, мяукал и бегал по крыше.

Вовка, как старший, решил помочь девочкам снять котенка и полез по лестнице вверх, перебрался на крышу пристройки и стал подбираться к котенку, пытаясь его поймать, но тот попадаться в руки не собирался и бегал по самому краю. Казалось, вот-вот котенок упадет, и Вовка спустился еще ближе к краю. Все ребята ждали внизу. Лидка взяла метлу и тоже пыталась согнать котенка с крыши. Вовка подобрался к самому краю крыши и потянулся, было, его схватить, но вдруг...

В следующее мгновение Вовка с котенком уже оказались на земле. Котенок побежал в сторону, задрав хвост, а Вовка лежал на земле, опираясь на свои руки. Он стал подниматься, но вдруг почувствовал,

что руки у него стали какие-то не свои. Вовка, не понимая, что произошло, посмотрел на них и увидел, что они стали какие-то кривые у ладоней. Тут он понял, что случилось что-то неладное, испугался и заплакал.

Бабушка, которая в это время подходила с ведрами воды к крыльцу своего дома, поставила их и побежала к Вовке, подняла его с земли и понесла в дом. Здесь Вовка почувствовал боль, руками стало трудно двигать, и он никак не мог понять, как он упал с крыши и упал прямо на руки. Зачем это Лидка махала метлой. Это из-за нее он, наверное, и упал с крыши.

О случившемся сразу узнали все в деревне. Бабушке как-то помогли сообщить об этом по телефону в Вологду. О том, что Вовка упал с крыши и сломал обе руки, сообщили и его матери в Архангельск. Она в это время работала врачом в санавиации и смогла связаться с врачами санавиации в Вологде. Их она и попросила вывезти Вовку в Вологду на самолете.

Пока шли эти хлопоты, Вовка сидел в комнате, где его кусали мухи, но отогнать их руками он не мог. Тогда бабушка посадила его в темные сени за занавеску, где было прохладно и не было мух.

Через некоторое время в Порозове каким-то образом из Вологды появился дядя Капа. Стало известно, что за Вовкой прилетит санитарный самолет и увезет его в больницу в Вологду. Все стали ждать.

Так Вовка и сидел в сенях несколько часов, спасаясь от мух, пока не услышал гул самолета. Самолет несколько раз пролетел над заводом, а потом повернул за лес и сел на поле около Малоновленского.

Все, кто был в деревне, ребята и взрослые, побежали туда. Вовке даже показалось, что все ушли и о нем забыли. Тогда и он, держа свои руки на весу, сам пошел по тропке вдоль леса к самолету. На середине пути его встретил дядя Капа в белой рубашке, взял его на руки и понес к самолету. Самолет стоял за лесом на поле около деревни, он был большой двукрылый, а кругом была толпа взрослых и ребят, собравшихся из соседних деревень.

Дядя Капа протиснулся к самолету и протянул Вовку летчикам:

– Ну, до свидания, Вовка, – сказал дядя Капа, – встретим тебя в Вологде в больнице.

Вовку положили в самолете на носилки, а носилки поместили в самую заднюю кабину и закрыли прозрачным колпаком. Один из

мужчин, видимо, санитар, сел в кабину впереди него. Он спросил Вовку: «Не боишься лететь-то?» Вовка ответил, что нет.

Летчик включил газ, закрутился пропеллер, мотор заревел, все, кто были рядом, отошли от самолета, замахали руками. Самолет, подпрыгивая, покатился по полю, потом раза два сильно его тряхнуло, и вдруг Вовка почувствовал и увидел, что они уже поднимаются над лесом и над знакомым полем и заводом. Вовка не испугался, не заплакал, а все время поднимался на локти и смотрел вниз, рассматривая маленькие домики, леса, поля. Самолет набрал высоту, летел ровно, и Вовка совсем успокоился. Все было настолько удивительно, что Вовка забыл и о боли.

Через несколько минут самолет уже стал снижаться и вскоре приземлился на большом поле. Летчики вынесли Вовку из кабины, привели к будке на краю аэродрома, посадили на скамейку и сказали, что бы ждал машину скорой помощи... Потом летчик, выходя из будки, спросил Вовку: «Ну что, герой, летчиком будешь?» Вовка сконфуженно улыбался. Ждать скорой пришлось долго. Когда появилась машина, его положили опять на носилки и повезли в больницу.

После приемного покоя и осмотра врача, его поместили на койку в палату, сделали рентген. Был диагностирован «двухсторонний перелом дистальных отделов лучевой и локтевой костей вблизи лучезапястного сустава обеих рук». Молодой хирург в операционной после укола сопоставил сломанные кости. Вовка запомнил сильную боль, после чего ему наложили гипс на обе руки так, что руки почти до самого плеча оказались в гипсе. С такими загипсованными руками он и ходил в палате и по коридору. Его навещали тетя Густя и дядя Капа, потом приходила и бабушка. В больнице Вовка пробыл полмесяца. Потом этот гипс сняли и сделали новый, поменьше, и выписали из больницы.

Первый раз в городе

После выписки Вовка впервые оказался в городе Вологде, в квартире дяди Капы в деревянном двухэтажном доме номер 14 на Подлесной улице. Он был на той самой улице, где была та самая по-

жарная каланча, о которой говорила ему бабушка. У дяди Капы, о котором столько рассказывала ему бабушка, была большая квартира из трех комнат на втором этаже. Он тут познакомился с родственницей дедушки – Августой Николаевной (тетей Густей). В облегченном гипсе на обеих руках Вовка уже свободно мог выходить во двор и даже в город.

У дяди Капы была большая семья. Все трое детей уже учились в школе. Красивая серьезная Римма оканчивала 10-й класс, другая дочь, помладше, Неля была в седьмом, а курчавый Владимир с рыжей шевелюрой учился в 4-м классе шестой школы и изучал английский язык. Все к деревенскому Вовке отнеслись хорошо, но порой подшучивали над его наивностью. Так, например, однажды Вовка Балашов с ребятами пошел смотреть футбол на стадион. Как туда пройти без билета? Вовка Балашов сказал, что они пройдут туда «по заборной книжке» и предложил взять Вовку. Вовка пошел, «заборная книжка» оказалась дыркой в заборе, через которую они и пролезли. Сидя на трибуне, Вовка никак не мог понять смысла этой игры и беготни взрослых ребят по большому полю.

Шефство над ним в первый же день взяла Неля. Она сказала, что Вовку нужно прежде всего угостить мороженым и сводить в кино.

Что такое кино Вовка уже вроде знал. Один раз в школу в Порозове приезжал киномеханик с киноустановкой и показывал кино под названием «Арсен». Тогда все деревенские ребята собрались в самой большой комнате школы и смотрели это кино. А вот что такое мороженое, он не знал. Ему представлялось это чем-то похожим на мороженое мясо, как у бабушки в кладовке.

Когда он с Нелей шел по улице, то с любопытством разглядывал большой город, большие двухэтажные деревянные дома с балконами, резными наличниками окон, белокаменные церкви на берегу, горбатый каменный мост через широкую реку Вологду. На противоположной стороне реки стояли высоченная башня и большой собор.

За мороженым он и Неля пошли на базар, где было много народу и где Вовка боялся отстать от Нели. У ларька, где продавали мороженое, была очередь. Когда подошли к ларьку, тетенька в белом фартуке протянула Вовке круглое в вафлях белое мороженое. Вовка лизнул его и почувствовал приятный сладкий вкус. Мороженым,

оказывается, называется замороженное молоко с сахаром, которое находилось между круглыми вафлями, оно ему очень понравилось.

Потом с Нелей они пошли по площади и вниз по широкой улице в кинотеатр «Искра». Неля объясняла Вовке, куда они идут, какие магазины и улицы проходят. Все ему казалось очень большим и красивым. В кассе кинотеатра Неля купила два билета, их с этими билетами пропустили внутрь здания, по широкой лестнице они поднялись на второй этаж, где на стенах висели большие картины в золоченых рамах, где было нарисовано море, огромные волны и люди, спасающиеся на плоту. Все эти картины Айвазовского он видел впервые.

Когда подошло время, открылись двери в соседний зал, где было много рядов стульев и совсем голые стены. Они сели на свои места, но Вовка никак не мог понять, куда нужно смотреть, и крутил головой по сторонам. Когда почти все стулья в зале были заняты зрителями и закрылись двери, вдруг погас свет и засветился огромный экран, где сначала показывали новости, как работали сварщики на каком-то заводе, а потом показали стройку домов. Затем начался фильм о войне, летчиках, и все было так необычно, что Вовка забыл обо всем на свете.

В Вологде он жил два месяца, подружился с ребятами. Всем ребятам во дворе было интересно смотреть его забинтованные руки в гипсе. Когда гипс сняли, он вместе с приехавшей из деревни бабушкой на поезде поехали в Архангельск. Железная дорога тоже оказалась совсем не такой, как он себе ее представлял. Паровоз тянул за собой много вагонов, они ехали и ехали больше суток, останавливаясь на станциях. В вагоне было много народу, он лежал на второй полке и очень боялся с нее упасть. Все было для Вовки впервые, первый раз в жизни.

В Архангельске

В Архангельск они приехали днем. Поезд остановился, все стали выходить на деревянный перрон, потом поднялись по лестнице и пошли к причалу парохода. Широкая река Двина, пароходы – все это Вовка видел впервые. Они с бабушкой вместе с другими пасса-

жирами перешли на палубу парохода, который перевез их к городскому причалу. В толпе людей они вышли на берег и направились к остановке трамвая. Так Вовка с бабушкой приехал в город, где он родился.

На трамвае они поехали к тете Шуре (Злобиной Александре Ивановне) – старшей дочери бабушки. Она жила вместе с родственниками мужа недалеко от улицы Вологодской в деревянном двухэтажном двухподъездном доме, расположенном на набережной. Таких типовых домов, выстроившихся в ряд, рядом с хлебозаводом было шесть. Тетя Шура жила во втором флигеле на втором этаже на Набережной им. И.В. Сталина, 118. Дома плотным кольцом окружали сараи и поленницы дров. Вовкина мать после развода с мужем жила в комнате вместе с тетей Шурой и ее глухонемым сыном Валерой, на год младше Вовки.

Сразу после прибытия Вовку, чтобы не мешал старшим, отправили погулять во двор с девушкой, которая пришла в гости к Нине Степановне, – ее подопечная Нина Брянцева.

Вместе с молоденькой и быстрой девушкой Ниной Брянцевой Вовка вышел во двор и подошел к песочнице, в которой незнакомые ему ребята строили домики. Нина показала ребятам Вовку, сказала, что он приехал из Вологды. Ребята с интересом спросили, как его зовут, к кому приехал. Удивились, как он говорит про Вологду и «окает». Вовка тоже удивился: выходит, он говорит даже как-то не так, как принято в этом Архангельске.

Нина во дворе показала ему качели-«гиганты», на которых можно было кружиться, ухватившись за веревку, и, разгоняясь, кататься. После этого она предложила Вовке вместе с ребятами пойти по деревянным мосткам на набережную к реке. Но оказалось, весь берег Северной Двины завален большими штабелями леса так, что к воде невозможно было подойти. Здесь Нина посадила Вовку на оставленную кем-то у штабеля дров двухколесную тачку и повезла его по каменной дороге вниз, к хлебозаводу. Ребята бежали за ними. Тачку так трясло, что Вовка еле держался на ней и очень обрадовался, когда Нина остановила ее и они пошли обратно домой.

Комната, где поселился Вовка, была чуть больше остальных. Посредине стоял стол, над которым висела электрическая лампочка под

большим желтым матерчатым абажуром. У стен стояли две кровати, диван, шкаф для посуды, большое окно закрывали шторы. Небольшая печка находилась возле двери. Все было совсем не так, как в Порозове и Вологде: все жили в одной комнате. В квартире была общая кухня с плитой. Своего места у Вовки не было.

В других двух комнатах поменьше жила семья мужа Александры Ивановны – Володи, который погиб в последние месяцы войны в Польше. Мать Володи Пустохина Лидия Александровна и ее дочь Нина Степановна жили с маленьким сыном Димкой. С прибытием Вовки с бабушкой количество жильцов в квартире увеличилось до восьми человек.

Мать Вовки, Надежда Ивановна, в те послевоенные годы работала хирургом в первой городской больнице. Работа практически не была регламентирована, к больному ее могли вызвать в любое время суток, не говоря уже о ночных дежурствах. Подрабатывала она и на скорой медицинской помощи (в санавиации), поэтому ее могли по срочному вызову отправить лететь в район. Тетя Шура работала патологоанатомом в той же больнице.

После приезда Вовку стали готовить к школе, зимой ему исполнялось восемь лет. Бабушка некоторое время жила в Архангельске, но потом уехала к себе в деревню.

Вовке в Архангельске не понравилось. Архангельск сразу же показался ему холодным, неуютным и суровым городом. Ему не нравился маленький заболоченный двор, где можно было ходить только по деревянной мостовой, у домов и заборов там росла трава с колючками, прилипавшими к штанам и рубашке, на улице было много комаров. За высоким забором, рядом с его новым домом, находился хлебозавод, из труб которого несло дымом. У высокого забора хлебозавода были видны кочки и вода.

В городе Архангельске в то время были в основном деревянные однотипные дома вдоль реки, часто барачного типа. Только некоторые особняки в бывшей «немецкой слободе» отличались какой-то непривычной архитектурой. Не было видно и церковных зданий, которые так украшали берега реки Вологды. Главными улицами в городе Архангельске были проспект Павлина Виноградова, который

шел параллельно набережной, и пересекавшая его в центре улица Поморская, в конце которой у реки был городской базар. По проспекту П. Виноградова ходили трамваи, по булыжной мостовой иногда проезжали машины. Пешеходные тротуары были деревянными. Хоронили жителей северного города на Вологодском кладбище, которое, однако, было совсем не похоже на старинное с мраморными памятниками кладбище в Заречье в городе Вологде.

Самой оживленной магистралью для транспорта в Архангельске в то время была река Северная Двина, там непрерывно курсировали маленькие и большие, даже «океанские суда». Буксиры тащили деревянные баржи, по реке сплавляли большие плоты леса, которые надолго задерживались у берегов, привязанные к сваям. Каждое предприятие – хлебозавод, винзавод, судостроительный завод, яхт-клуб, мореходка – имели свои причалы. Многочисленные пристани были и в центре города. На берегах реки в городе складировались штабеля леса.

Везде были видны следы войны: на набережной, недалеко от яхт-клуба, стояли два деревянных маяка, в высоких берегах реки долго сохранялись построенные в войну бомбоубежища. Деревья во дворах домов были вырублены для безопасности, тушения пожаров, так как на город при бомбежке немцы сбрасывали «зажигалки». Их нужно было сбрасывать с крыш. Глубокий окоп для зениток был вырыт недалеко от улицы Поморской, сохранялись развалины разрушенных при бомбежках домов. По улицам города иногда проходили небольшими колоннами военнопленные – немцы. Они строили однотипные двухэтажные деревянные дома на окраинах города. Вовке запомнились они на стройке арки у стадиона «Динамо». Запомнился ему маленький буксир «Арик», принадлежащий хлебозаводу, который таскал баржи хлебозавода и однажды затонул у пристани после урагана.

В послевоенное время в городе Архангельске жилось очень трудно: продукты, хлеб распределялись по карточкам, однако, чтобы «отоварить» карточки в магазине нужно было отстоять огромные очереди. Одноэтажный магазин № 55, который находился напротив больницы имени Н.А. Семашко, в то время был главным продовольственным пунктом снабжения того района города, где жил Вовка. Очереди в этот магазин за хлебом и продуктами тянулись до сосед-

ней улицы Вологодской. Люди стояли в несколько рядов. Необходимо было не раз – вечером и рано утром – пересчитываться: кто за кем стоит. Выручала бабушка. Вовке тоже приходилось присоединяться к ней, когда очередь подходила к магазину. В четыре руки по карточкам давали всего в два раза больше.

Воду на общую кухню приносили в ведрах из соседних домов – 4-го флигеля или учительского дома. Вокруг домов стояли сараи, в которых хранились дрова. Дрова тоже нужно было «доставать» – выписывать, покупать, ждать, когда привезут, и самим их распиливать и колоть. Помогал Лаврик, взрослый парень из соседнего дома.

Ребят во дворах было много. Среди них Вовка был младшим, его сверстники – Стаська, Нодька, Алька, Борька, Колька, Вовка – жили в соседних домах. К Вовке все относились хорошо.

Школьные годы

Мать Вовке к школе купила «дермантиновый» портфель с кармашками, букварь, тетради, ручку с перьями, чернильницу-непроливайку, карандаши. Мужская 23-я школа находилась на набережной, недалеко от 1-й горбольницы, где работала его мать. Первого сентября Вовка вместе с матерью по берегу реки пошел в школу.

После войны в школах сохранялось раздельное обучение мальчиков и девочек. В первом «Б» классе на втором этаже школы ребят ждала учительница Евгения Константиновна, молодая женщина приветливо всех встречала. Она предложила Вовке выбрать любую парту и место. Сесть на первую парту Вовка отказался и попросился сесть на вторую на средней колонке. Рядом с ним посадили маленького горбатого мальчика в поношенной старой куртке, сшитой из гимнастерки. На задних партах разместились ребята постарше.

В Вовкином первом послевоенном классе оказались ребята разного возраста: и 7–8 лет, и те, которые в войну не учились – 10–12 лет. Был в классе даже «сын полка», по фамилии Потемкин, одетый в военную форму. Он сел тоже на предпоследнюю парту. Всего в классе оказалось 45 учеников. Это было уже в мирное время после Победы.

Начались уроки. Вовке не терпелось показать, что он уже знает все буквы и умеет считать до 10. Однако оказалось, что в классе некоторые большие ребята уже могли и читать, и писать, и считать.

Когда после школы дома Вовка первый раз, сидя за столом под желтым абажуром, выполнил в тетради домашнее задание по математике на сложение, и в тетрадь заглянула тетя Шура, то обнаружила, что он забыл написать в примерах ответы и вообще не понял домашнее задание. Пришлось ей объяснять Вовке, как нужно складывать цифры и оформлять домашнее задание. Возможно, учительница не предполагала, что первоклассники этого могут не знать. На первых же уроках выяснилось, что бабушкиной подготовки к школе было недостаточно. Учиться в школе Вовке в таком разновозрастном классе оказалось трудно. Хорошо, что опять бабушка помогла и научила его считать на пальцах.

В послевоенной школе в Архангельске, где собрались разного возраста «дети войны», царила криминальная обстановка, классы были переполнены, появились группировки малолетних уголовников. У младших ребят старшие отбирали завтраки. Нередко в школу ученики приходили с ножами: играли в «землю», «жестку». В школьном дворе самыми распространенными играми были игры на деньги – в «пристенок» и в «битку». Играющие в «битку» ставили деньги на «кон» и метали с расстояния «битку». У кого битка оказывалась ближе всего к стопке денег, тот и начинал игру. Требовалось с помощью битки перевернуть лежащие на земле деньги.

Драки случались и на переменах, но чаще всего у школы после занятий: «один на один» или групповая разборка. Дерущихся плотным кольцом окружали зеваки. Братья Бойцуны терроризировали учеников начальных классов. Снежко, по кличке «Египет», с подельниками демонстрировал свое боксерское мастерство на подростках постарше, но послабее. Били и руками, и ногами, профессионально – по почкам и голове. Хвастались числом «проломленных» голов учеников привилегированной 6-й школы, которые пытались проникнуть в школу на вечер. Однажды и Вовка стал жертвой этих «разборок» и после этого даже попал в больницу. Милиция к этому в то время относилась достаточно лояльно, поскольку были проблемы и посерьезнее. Жили по понятиям: «зуб за зуб, не наших – бей». Если

кто-то из ребят во время перемены подходил и требовал: «отколи», то это означало, что ему нужно поделиться частью своего завтрака, а если нет, то могут быть проблемы.

Поскольку многие ученики недоедали, в младших классах школьникам выдавали в конце урока по ложечке сахарного песка. Нужно было свернуть маленький кулечек из газетной бумаги, куда учительница ложечкой насыпала сахарный песок. Его нужно было тут же высыпать себе прямо в рот. На праздники, например, к Новому году, можно было за деньги получить кулек конфет-подушечек (их выдавали в буфете под лестницей по списку), но старшие школьники стояли у выхода из школы и отбирали у малышей кулечки с конфетами. В школе были распространены кожные и глазные заболевания, вшей находили в волосах и на одежде. Время от времени в класс приходили женщины-медики в белых халатах и осматривали учащихся, выявляя заболевания.

Обедать после школы Вовка иногда ходил в больницу к матери в хирургическое отделение, где она кормила его супом, хлебом, оставляя от своего больничного обеда. Дома Вовке приходилось есть и тюленину с противным запахом рыбьего жира, сушеную, размоченную и потом жареную картошку, приготовленную на примусе. В относительной доступности была соленая треска, которую продавали на улице Поморской, на базаре.

Соседи по квартире

Несколько лучше с питанием было у соседей по квартире, где жил дошкольник Димка – сын Нины Степановны, которая работала инспектором в отделе МВД по детским колониям. У Димки было много игрушек: кубиков, машинок, пушек, стрелявших палочками. Димке все эти игрушки уже надоели, но Вовка видел все это впервые и часто просился у «бабуси» (бабушки Димки) поиграть в кубики. Большим удовольствием для него было строительство из кубиков домов и крепостей. Нина Степановна эти кубики с картинками привозила из детских колоний, куда она ездила в командировки и где эти игрушки делали заключенные подростки. Из них можно было

сложить картинки или использовать для постройки дома, башни и пострелять в них из пушек.

Случались и проблемы. Однажды на Новый год на работе Нине Степановне в качестве подарка выдали конфеты и сладкие треугольные вафли со звездой. Когда Вовка пришел из школы, Дима решил похвастаться новогодним подарком и вытащил сладости из шкафа, где они были спрятаны «бабусей». Рассматривая вафли, Вовка и Димка решили отломить небольшой кусочек с краю и попробовать. Может никто ничего не заметит... Отломили кусочек, потом другой: форма вафли осталась прежней, но вот размер вафли несколько уменьшился... Эти изменения, однако, заметила Димкина бабушка, и разразился скандал. Вовку, как старшего, обвинили в воровстве и плохом влиянии на маленького Димку. После этого Вовку долго к Димке не пускали.

В другой раз, придя домой после школы, Вовка обнаружил на столе на общей кухне сковородку с картошкой и котлетами из тюленины. Он подумал, что это оставлено и ему. Но оказалось, что эту еду тетя Шура приготовила для себя и своего глухонемого сына Валеры. Вовке опять попало, на кухне разразился скандал, сковородка с оставшейся котлетой и картошкой полетела на пол.

В переполненной жильцами квартире еду готовили на общей кухне, где была дровяная плита. А для быстрого приготовления и разогрева пищи использовали примусы, а потом и керогазы, для которых нужно было покупать керосин в керосиновой лавке на проспекте Ломоносова. Обязанностью Вовки было приносить дрова из сарая, ходить за водой и керосином. Больше всего в первые годы учебы Вовку выручала бабушка, которая быстро освоилась с городской жизнью и взяла на себя большую часть забот по хозяйству.

Нужно сказать, что все тогда так жили. Например, в одном классе с Вовкой в 23-й школе в то время учился известный теперь в городе руководитель молодежной студии Виктор Панов, вместе с ним учился и известный хоккеист «Водника» А. Вологжанников.

Суровые послевоенные годы в Архангельске, учеба в школе, неурядицы – все у Вовки вызвало неудовольствие и большое напряжение. По вечерам перед сном, лежа на неудобном жестком диване, он часто вспоминал свою вольную, счастливую жизнь в деревне

Порозово. Вспоминал то, как бегал купаться на «пески», катался на лыжах, ходил на завод к деду, и Ленку, уехавшую в другую деревню. Вспоминал все, каждую мелочь того времени, и лучше, чем тогда в Порозове, в его жизни ничего не было.

Опять в Вологде

Самым хорошим временем в те послевоенные годы были для Вовки каникулы, когда он уезжал в Вологду к дальним родственникам Балашовым (дяде Капе и тетеУсте). Мать отправляла его на поезде одного, накупив несколько рыбин соленой трески, которых в Вологде не было. Проходя пешком с вокзала по каменному мосту, он каждый год сравнивал себя с высотой перил моста и отмечал, как он вырос за год, смотрел какие изменения произошли в городе.

В Вологде и климат, и питание были в то время гораздо лучше, чем в Архангельске. Послевоенная Вологда того времени представлялась небольшим городом, разделенным рекой на две части. Двухэтажный дом Балашовых на Подлесной, 14 был в «Заречье». Достопримечательностью улицы была большая пожарная каланча на перекрестке Подлесной и улицы Чернышевского, о которой Вовке рассказывала еще бабушка. Около каждого дома всегда был земельный участок – огород, «полисад». У жильцов там были свои грядки. У Балашовых также в общем огороде были две большие грядки, где росли помидоры, огурцы, лук, капуста, а в конце огорода – кусты черной смородины. Были грядки и за городом, на свободной месте недалеко от Прилук, где выращивали картошку.

В Вологде жили сверстники и друзья Вовки – ребята с улицы Подлесной: Рудька, Гошка, Левка, Юрка и даже Алька Барклай. Поэтому, по договоренности с Балашовыми, Вовка в третьем классе даже остался учиться в Вологде. Со своим сверстником приятелем Рудькой Казниным он пошел в школу номер 13.

Владимир Балашов (сын дяди Капы) учился в это время в 6-й школе и занимался спортом. Именно он научил Вовку кататься на велосипеде и играть в шахматы, давал авторитетные советы, как держаться в школе. Жизнь в Вологде летом мало отличалась

от жизни в Порозове: целый день ребята бегали на улице, любимым местом их купания была река Вологда у островка, недалеко от Красных казарм и пивзавода. Иногда ребята шли плавать и прыгать с вышки на купалку, которая была рядом с собором. В этой купалке, где иногда проводились соревнования спортсменов по плаванию, Вовка однажды отважился солдатиком прыгнуть с пятиметровой вышки. В то время реку Вологду он переплывал уже совершенно свободно.

После беготни и купания ребята загорали на крышах сараев, а спать тоже собирались все вместе в сарае на полатях, которые сделал дядя Капа.

В Вологде Вовка вместе с ребятами уходил в ночные походы на рыбалку. Рыбу они ловили на реке у Спасо-Прилуцкого монастыря, а на велосипедах с ночевкой ездили на реку Комелу, где вместо рыбы часто за леску дергали речные раки. Какое-то время в Вологде жила и Вовкина бабушка Анна Степановна.

Возвращение в Архангельск из Вологды совпадало с праздником – Днем Военно-воздушных сил. Ребята кто как на выделенных для поездки на аэродром грузовиках добирались до аэродрома за Прилуками, где смотрели прыжки с парашютом, самолеты, выставленные на аэродроме, покупали мороженое. Это был тот самый аэродром, куда его доставили летчики из Порозова. После этого праздника раздольная жизнь Вовки в Вологде заканчивалась и приходилось возвращаться в Архангельск в плацкартном вагоне поезда на второй полке.

В Архангельске Вовку опять ждала мужская 23-я школа им. А.С. Пушкина. Когда он после 3-го класса опять вернулся на учебу в Архангельск, его школу перевели на улицу Шубина в новое здание, где до этого был размещен госпиталь для раненых.

Болезни

После возвращения в Архангельск в четвертом классе Вовка заболел. Сначала все врачи решили, что он простудился, но оказалось, что он где-то заразился и заболел дифтерией. Почему-то тогда никто

из медицинских светил того времени, знакомых его матери, приходивших его осматривать, не смогли отличить это тяжелое заболевание от ангины. Вот и Вовку в течение месяца лечили от ангины, пока не появились грозные признаки осложнения. Однажды Вовка обнаружил, что при глотании воды она у него выливается через нос. Тогда всем стало ясно, чем болеет Вовка, от интоксикации развился паралич мягкого нёба, и мать отвела его в бараки детской инфекционной больницы, которая находилась на той же улице Шубина за высоким забором.

Находясь несколько недель в больнице, он узнал, что внезапно дифтерией заболела и его тетя Шура, врач-патологоанатом. В то время детей, умерших от дифтерии, вскрывали в морге городской больницы, где и работала тетя Шура. Возможно, там она и заразилась. Выздоравливали они уже вместе в палате областной больницы, куда поместили тетю Шуру, а также, по просьбе его матери, и Вовку.

В тот год мать Вовки перешла на работу в больницу имени Н.А. Семашко, а потом стала ассистентом кафедры общей хирургии, которую возглавлял известный в городе хирург, профессор Г.А. Орлов. Это подразумевало занятия научной работой, написание кандидатской диссертации. Матери приходилось утверждать себя на новом престижном месте работы.

В это время Вовка стал часто бывать на втором этаже хирургического отделения больницы имени Н.А. Семашко, где тогда находилась кафедра общей хирургии. Часто во время дежурства матери он приходил мыться в больничной ванне, так как бань в Архангельске в то время не хватало и в общественных банях на улице Логинова были многочасовые очереди.

Так, в медицинской среде воспитывался Вовка в начальные школьные годы: то бывал на работе матери в больнице им. Н.А. Семашко, то на работе у тети Шуры в патологоанатомическом отделении первой горбольницы смотрел в микроскопы. Жизнь в те послевоенные годы дома и в школе порой походила на борьбу за выживание.

Для укрепления здоровья по собственной инициативе Вовка записался в школьный акробатический кружок и даже в составе группы выступал на сцене на школьном вечере, делая ласточку на плече старшего товарища. В спорте, по совету Владимира Балашова, он

видел тогда путь укрепления своего здоровья. Потом посещал спортивную 15-ю школу на улице Урицкого, занимался легкой атлетикой.

Только благодаря упорству и какой-то природной настойчивости удавалось Вовке преодолевать трудности с арифметикой, чтением и русским языком. После войны выбор детских книг был небольшой. Его первыми книжками в то время были русские народные сказки, повести Гайдара. Иногда вслух ему читала книжки тетя Шура. Не один раз с первой страницы он начинал самостоятельно читать книжку в толстой обложке «Путешествие Гулливера в страну лилипутов…» Эх, бабушка-бабушка, да откуда, конечно, ей было знать и предвидеть все, что будет в школе, когда она сама училась всего два класса.

Однако бабушка поддерживала Вовку и помогала ему, как могла: «Учись, Вовка, учись. В твои-то годы я не училась, а в школе полы мыла. Вымою, вышаркаю, а школа-то большая, а за все это получала я хлебца да селедки, да не покупного, а сами напекут, да не скажи-ка, спасибо, так веришь ли, Вовка, – глаза ее округлились, покраснели, наполнились слезами, – кусок в горле встает, как вспомню я, как мы жили. Сколько обид, сколько горя я пережила, сколько работала, а кто бы хоть поблагодарил».

Побег на «юг»

От этой безрадостной жизни того послевоенного времени Вовка вместе с приятелями однажды решился убежать из дому. Случилось это поздней осенью в начале октября, когда он учился уже в шестом классе. Вовка, как обычно, сидел за столом под большим желтым абажуром и готовил уроки, собираясь идти в школу (в ту пору он учился во вторую смену). И тут вдруг к нему пришли два его приятеля-одноклассника: Валерка Львов и Женька Бобров.

В школе во время перемен они, спрятавшись на чердачной площадке, уже давно говорили о путешествиях, приключениях, вольной жизни в теплых странах на берегу моря, мечтали о жизни охотников-следопытов в лесной избушке. Конкретных планов не было, но с такой возможностью все были согласны.

Инициатором побега был, безусловно, Валерка, который часто ходил с отцом в лес, знал охотничьи места, а бабушка его жила в Конецгорье. До теплых южных краев решено было добираться пешком, а до весны пожить в лесной избушке.

Бежать Вовке, по правде сказать, даже не хотелось, но в этой ситуации, когда пришли два приятеля и все сговаривались уже давно, отступать было невозможно. Момент был вполне благоприятный еще и потому, что мать Вовки в это время была в Ленинграде на защите своей диссертации. Вопрос о пропитании в дороге как-то не возникал, да и брать было нечего. Расчет был на бабушку в Конецгорье, а потом на избушку в лесу, о которой знал Валерка.

Сначала они втроем на трамвае доехали до второго лесозавода. А оттуда пошли пешком по дороге через всю Уйму вдоль реки и перелеском, прошагав километров 25, дошли до Малых Корел. Было уже темно. Миновав Малые Корелы, задумались. А вот куда идти дальше? Если к бабушке в деревню Конецгорье, которая уже недалеко, то она может выдать их планы. Если в лес, то до избушки ночью, пожалуй, не дойти.

Решили заночевать в стоге сена. Отошли подальше в сторону от от дороги, выбрали стог побольше, вырыли наверху углубление. Вовке по жребию досталась серединка, было тепло, но уснуть долго не получалось – на опушке леса, в ночной темноте слышались какие-то крики, шорохи, то ли волки бегают, то ли собаки, может, сова кричит… Спалось плохо. Утром обнаружилось, что есть совсем нечего. Перезрелыми ягодами шиповника утолить голод не удалось.

Посовещавшись, решили, что время для побега выбрано не совсем удачное, нужно перенести его на лето, а сейчас нужно побыстрей вернуться обратно. Авось, никто не заметит, что их не было в школе. От Малых Корел они опять пешком направились в город. Во второй половине дня добрались до Архангельска и разошлись по домам.

А там оказалось, что их уже разыскивает милиция. Исчезновение из одного класса сразу троих ребят показалось в школе очень подозрительным. Всполошились родители. Милиция искала их на вокзале, на пристанях. К каждому домой приходил милиционер. Когда на следующий день пришли в школу, то всех вызывали к директору

школы, беседовали с родителями. Их не ругали, но безуспешно пытались выяснить причину. Мать, вернувшись из Ленинграда, тоже была удивлена и даже купила тогда Вовке лыжные ботинки. В этих ботиках и шароварах он не только катался на лыжах, но и на зависть многим ребятам, ходил в школу. Спортом заниматься в то время было престижно, и этим он занимался с удовольствием.

Опять заболел

Однако, видимо, после стресса, вызванного побегом из дому, Вовка опять заболел, что-то случилось с почками и у него в моче обнаружили кровь... И опять врачи никак не могли установить диагноз. Лечить его стали от самого опасного и распространенного в то время заболевания в Архангельске – туберкулеза. Он подолгу лежал на диагностике и лечении в хирургическом отделении в больнице им. Н.А. Семашко на втором этаже. Познакомился с врачами и даже с самим профессором Г.А. Орловым, заведующим кафедрой общей хирургии АГМИ, который подарил ему свой фотоаппарат и научил фотографировать.

Никаких очевидных и конкретных признаков этого заболевания его лечащий врач Калерия Яковлевна Журавлева и проф. Г.А. Орлов обнаружить не могли, но, видимо, было опасение. Все это продолжалось в течение пяти лет, пока он учился в школе… Его отправляли на обследование в Ленинград и Москву. Диагноз не подтверждался, но из боязни худшего, его продолжали интенсивно лечить. Тогда он, видимо, был один из первых пациентов в Архангельске, на котором было испытано лечение таким новым в то время препаратом, как стрептомицин. Лечение дополнялось и другими токсичными препаратами того времени: паском и фтивазидом. Мать денег на лечение и лекарства для единственного сына не жалела и, пока он учился в школе, дважды на свои деньги отравляла его на лечение в санатории Крыма в Симеиз.

Болезнь периодически то проявлялась, то исчезала. Из-за пропусков по болезни его один раз оставили на второй год в 7-м классе, его дважды переводили из класса в класс без экзаменов, его освободили от армии. Несмотря на многократное облучение рентгеном и много-

численные ретроградные урографии почек, болезнь продолжалась. Профессор Г.А. Орлов даже ставил на обсуждение вопрос об удалении одной из почек.

Время исканий и тревог

Между тем для школьника Вовки эти пять лет, когда у него подозревали такую смертельную для того времени болезнь, были годами острых переживаний, периодом исканий, сомнений, раздумий о смысле жизни и смерти.

В то время он, находясь на больничной койке в больнице им. Н.А. Семашко, увлекся чтением книг. Только за полгода с мая 1955 г. в 8-м классе он прочел около 55 книг. Среди них: «Флаги на башнях» Макаренко; «На краю Ойкумены» И. Ефремова, «Война и мир» Толстого; сочинения: Д. Лондона, А.П. Чехова, М. Горького, Э. Хемингуэйя, Марка Твена и др. Особенно ему нравились книги из серии «Жизнь замечательных людей». Он просмотрел все книги, которые были в больничной библиотеке о М.В. Ломоносове, о котором бабушка говорила ему еще в Порозове, об ученых: физиологах И.М. Сеченове и И.П. Павлове, о биологе, основоположнике геронтологии И.И. Мечникове, химике Д.И. Менделееве. Прочел «Дневник» Делакруа, «Дневник» Л. Толстого, «Дневник» великого хирурга Н.И. Пирогова, И.И. Мечникова. Ему нравились книги по научной фантастике Жюль Верна, Э. Синклера, А. Беляева. Его заставила задуматься о причинах старения книга «Шагреневая кожа» Оноре де Бальзака. Прочел он также и «Воспоминания» о К. Марксе, Ф. Энгельсе, В. Ленине. Он познакомился с книгами Ч. Дарвина «Происхождение видов», «Минералогией» Ферсмана. Пытаясь сам разобраться в своей болезни, он прочел учебник «Физиология человека».

В старших классах его любимыми журналами стали «Знание – сила» и «Техника – молодежи». Пытался он читать и более серьезные журналы – «Природа» и даже «Вопросы философии». Кроме медицины, его интересовали загадки Космоса, Вселенной. Регулярно посещал книжный магазин рядом с Поморской улицей. Его героями для подражания стали М.В. Ломоносов, А. Энштейн, Э. Галуа,

которые, несмотря на трудности и даже на пороге смерти, совершили великие открытия.

По примеру великих ученых и писателей он завел свой дневник, где записывал краткое содержание прочитанных книг и свое мнение о прочитанном, а также о своих мыслях и обстоятельствах своей непростой в то время жизни.

О жизни и любви

Прочитав книгу о М.В. Ломоносове, в своем дневнике 1956 года он написал: «Благодаря упорству Ломоносова, была построена небольшая лаборатория, которой он добивался 4 года. У него появился новый друг Рихман. С ним они пробиваются к заветной цели: построению физической лаборатории для изучения атмосферного электричества. От удара молнии погибает его друг Рихман. Несчастья не сломили Ломоносова. В лаборатории он ставит свои научные опыты и доказывает правоту своих рассуждений. Затем он делает свой телескоп и ведет наблюдение звезд и говорит о том, что на планете Венера есть газовая оболочка».

Прочитав книгу Ромена Роллана «Жизнь великих людей», он записал: «Книга очень полезная, я узнал много нового. Жизнь Бетховена – это борьба с внешними невзгодами. Он тяготится своей глухоты, но даже глухой он творит чудеса».

Периодически Вовку выписывали из больницы, и он посещал школу, но из-за болезни он отдалился от ребят. В старших классах его попытки познакомиться с девушками также оставались без внимания. Особенно одиноко Вовке было встречать очередной Новый год. Из дневника 1957 года: «Встреча Нового года прошла для меня очень тоскливо. Все куда-то уходили. Мать уходила в гости к профессору Г.А. Орлову, или даже в ресторан, а меня никто никуда не приглашал».

Наиболее близким его приятелем в старших классах был Адольф Пиир, который взял над ним как бы шефство: вместе ходили в кино, на школьные вечера, прогулки, делали уроки. Эта дружба поддерживала Вовку, а началась она между ними опять же после конфликта на

уроке: «после драки стали приятелями».

В том же году в дневнике он писал: «Сейчас я очень мало думаю о своей болезни. Я к ней привык. Но окончательно смириться со своим положением никак не могу. Я со страхом думаю, что меня может кто-нибудь пожалеть, узнав о моей болезни. Мне будет тогда очень стыдно. Всеми силами я стараюсь не отстать от ребят, но мне это удается все труднее и труднее. Как ни горько, но я вынужден признать, что меня не любят. Все больше и больше приходится ощущать, что ты лишний. Один Адольф относится ко мне еще по-человечески. Он сильный, умный, самостоятельный, с сильной волей, что так не достает мне».

И далее он пишет: «А кроме медицины я буду интересоваться искусством: музыкой, живописью, архитектурой. Вот скоро к нам придет книга «Всеобщая история искусств». Я ее хочу прочитать и тогда буду очень много знать из области искусства». Эта дорогая, выписанная по подписке многотомная энциклопедия, выпрошенная им у матери в 1956 году, до сих пор хранится у него на полке.

В его планах: «Я буду читать книги по астрономии, математике, физике, литературе, философии. Будет у меня большая библиотека и много книг, я буду хорошо знать все исторические события, всех великих ученых и их труды. Но кроме всего этого я буду заниматься физкультурой: утренней гимнастикой, совершать прогулки в парке или по улице. Летом буду заниматься рыбной ловлей, читать книгу в лесу или на берегу реки».

Но уже через несколько дней, 15 апреля 1965 г., он пишет: «Осуществятся ли когда-нибудь мои розовые мечты? Я этого очень хочу и желаю, но этого мало, я отлично знаю, что ничего из этого не осуществится. Это мечта, плод моего воображения. Но еще до всего этого, когда мне будет лет 26–29, я встречу красивую и очень хорошую девушку. Она меня, может быть, будет любить. Потом мы поженимся. И через несколько дней опять запись по этому поводу: «Сегодня около школы я увидел девушку, которая как-то внимательно посмотрела на меня. Когда на меня кто-нибудь смотрит из девочек, мне очень приятно и вместе с этим немножко страшно: у меня такая ужасная фигура, пальто на мне сидит, как на бабушке. Потом у моей кепки сильно торчит козырек, а шарф вылезает

вверх, что очень некрасиво. После этой встречи я почти день вспоминал о ней».

В том же дневнике «Мы с матерью совершенно чужие. У нее свои интересы, у меня – свои. Как-то с самого моего приезда в Архангельск из деревни Порозово в Вологде сложились у нас такие отношения. Ее сестра, тетя Шура, несколько раз читала мои дневники и потом говорила об этом моей матери. Я как будто совсем здесь чужой».

А дальше опять какая-то безысходность: «Если бы я выздоровел, то стал бы врачом. Проучился бы в институте шесть лет и обязательно бы стал заниматься физкультурой. Стал работать и, возможно, стал бы заниматься научной работой… Об этом я и мечтаю… Сама смерть не страшна, но страшно то время, когда ты узнаешь, что умираешь. Хорошо умирать мгновенно». Я боюсь умереть в больнице, здесь есть больной, обреченный на гибель, он уже еле дышит. У него больные почки. И я пришел в ужас, ведь у меня больны тоже почки».

Но, несмотря на болезнь, Вовка ставил перед собой цели: как можно больше знать, лучше запоминать, развивать память, учится рисовать, писать, и главное – учиться думать.

В классе он стал издавать стенгазету. Когда, по совету профессора, мать купила ему фотоаппарат «Зоркий», он стал все фотографировать и в классе. Для этого нужно было научиться проявлять и печатать фотографии. Увидев у двоюродного брата масляные краски, он попробовал рисовать и научился. Для укрепления здоровья обтирался холодной водой, делал утреннюю гимнастику, выпросил у матери купить гантели, катался на лыжах, принимал витамины, по медицинским учебникам и литературе пытался сам разобраться в своих болезнях. Однажды даже сам нашел лекарство, которое ему помогло улучшить свое самочувствие.

Но Порозово он не забывал никогда. Вот его воспоминания о Порозове в дневнике 1956 года: «Наш дом окружал лес, он подходил почти к самому дому. Перед домом текла река, заросшая камышом. На реке был «песок», с которого мы купались. На реке зимой я ничего не боялся, скатывался с любых гор на лыжах. Все меня любили и относились хорошо. На берегу реки стоял завод, где работал мой дед. Какие были красивые места в Порозове. Как было хорошо. Все лучшее у меня в детстве было там».

Поездка в Крым, выбор дальнейшего пути

В конце 10-го класса мать с большим трудом достала ему путевку в Крым. Он пишет: «Обратно возвращаться в Архангельск не хочу. Если бы в самом начале болезни мне уехать из этого города, то я был бы уже здоров. Матушка написала письмо отцу с просьбой оставить меня в Измаиле на лето. Такой перемене я очень бы обрадовался. Хотя ответа еще нет, но я очень надеюсь. В тубсанатории хочу заняться немецким языком. Буду стараться». Одако уже в санатории в Крыму в дневнике 19 июня 1956 он пишет: «От отца приглашения поехать на лето в Измаил я не получил. Он вообще не счел нужным ответить». Отца я не знаю и запомнил лишь за порку, которую он мне устроил в Порозове – приятное воспоминание! На кого же мне надеяться?»

Две поездки на юг в Крым, однако, дали положительный результат. Мать даже обсуждала возможность пожить годик у ее знакомых в Симферополе. По этому же поводу сам он еще несколько раз писал письма к отцу в Измаил, но ответа не получал.

Взгляды на жизнь в то время Вовки сильно изменились, и если в начальных классах он, подражая Владимиру Балашову, мечтал стать спортсменом и даже поступить в институт Лесгафта, то к 9–10-му классу окончательно решил заниматься наукой и медициной.

Начитавшись книг про великих ученых и их открытия в науке, в 9-м классе в своем дневнике он снова пишет: «Врачом я хочу быть потому, что хочу заниматься научной работой. В медицине, по моему мнению, еще много научных проблем, над которыми нужно работать. Поступая в медицинский, я наряду с научной работой хотел бы также заниматься и преподавательской деятельностью в институте. Я хочу стать профессором».

Такие высокие и далекие цели, вероятно, были им поставлены перед собой еще и в результате общения с сотрудниками кафедры общей хирургии АГМИ, которая располагалась в этом отделении на втором этаже больницы им. Н.А. Семашко, и знакомства с профессором Г.А. Орловым, который возглавлял эту кафедру, и где работала его мать. Все сотрудники этой кафедры в определенной степени прилагали усилия для его выздоровления.

Естественно, после всего, что с ним случилось, дальнейший путь Вовки в медицинский институт г. Архангельска был предопределен.

Послевоенная обстановка в Архангельске постепенно тоже улучшалась. Окончив 10-й класс, Вовка через год после самостоятельной подготовки к экзаменам поступил в медицинский институт на лечебный факультет. Там, в АГМИ, где началась его жизнь, там она и продолжилась. В дальнейшем он добился и всего того, о чем мечтал.

После 10-го класса и после успешного поступления в институт ввиду бесполезности диагностических процедур и использования новейших препаратов лечение прекратили и все прошло как бы само. Уже потом, в другое время, при инструментальном осмотре доктора пришли к выводу, что это было, возможно, какое-то хроническое воспаление. Вовке опять повезло.

Когда-то давно, в 1948 году, на юбилейные 10 лет его жизни, его мать (Надежда Ивановна Батыгина) подарила ему очень дорогую по тому времени книжку за 18 рублей издательства «Детгиз», 1946 года издания, М. Ильина и Е. Сегала «Как человек стал великаном», с надписью: «Вове от мамы. Чтоб и ты стал великаном». Книжку эту он очень берег и часто открывал, рассматривая картинки: древние мозаики, скульптуры греческих богов, египетские пирамиды, рисунки воинов со щитами, Александра Македонского. Все в ней предрасполагало к размышлению.

Так случилось, что в 2015 году он вновь обратил внимание на эту книжку, снял ее с полки, опять посмотрел картинки и снова прочел напутствие матери. Вспомнив все, подумав о своей жизни, он взял карандаш и рядом с маминым пожеланием написал: «Спасибо, мама. Великаном не стал, но стал профессором».

Однако вернуться в Порозово, на берег реки Вологды, где в нее впадает река Маслена, он мечтал всегда.

Возвращение в родные края

Желание еще раз побывать в Порозове всегда было Вовкиной мечтой. Казалось, пройтись бы по опушке леса, заросшей черемухами, взглянуть бы на высокую сосну, растущую напротив крыльца,

увидеть завод, его высокую трубу, березовую рощу на противоположном берегу – и вот снова возвратиться в заветное детство, и все вокруг преобразится – станет добрее, лучше, исчезнут болезни.

Первый раз наведаться в Порозово Вовке удалось во время летних каникул, когда он перешел в четвертый класс. Он уже хорошо приспособился к жизни в городе, заметно подрос, не удивляла его уже и железная дорога, по которой он на лето приезжал в Вологду. Поэтому, когда бабушка сказала, что ей нужно сходить в Высоково, посмотреть свой дом, проведать, навестить родню, Вовка сразу же согласился пойти с ней. Ведь дорога в Высоково идет через Порозово.

В один из летних дней они вдвоем с бабушкой, взяв котомку с провизией, сели в старый автобус на вологодской привокзальной площади и поехали в Кубенское. Выехали из города, миновали пригород и старинный Спасо-Прилуцкий монастырь. Асфальтовых дорог в то время еще не было – только грунтовые. Поэтому автобус трясло на каждом ухабе. По пыльной дороге они проехали мимо нескольких деревень, полей. Наконец показалось Кубенское озеро, оно было далеко в стороне от дороги.

До Кубенского из Вологды километров 40, но автобус ехал до туда целых 2 часа. В Кубенском они вместе с бабушкой вышли на остановке и пошли к Моховым, о которых Вовка слышал еще раньше в Порозове. Жили они на втором этаже в большом двухэтажном деревянном доме-конторе. Хозяйка встретила их, как старых знакомых. Вовку вместе с ребятами сразу же отправили гулять, смотреть поселок. А бабушка осталась разговаривать с хозяйкой дома, которую Вовка не успел даже как следует рассмотреть.

Ребята сначала повели Вовку посмотреть озеро. По грязной дороге, вытоптанной коровами, они подошли к нему. Озеро у берегов поросло травой, так, что ловить рыбу с берега было неудобно. Делать тут было нечего, и все вернулись обратно – побегали недалеко от дома среди берез, зашли на огород. Вовке в Кубенском не понравилось – неинтересно.

Через некоторое время всех позвали к столу, потом из конторы пришел сам Мохов. Он сказал, что в Несвойское едет на лошади извозчик, и обещал подвезти их. Быстро поев и поблагодарив хозяев за радушный прием, бабушка с Вовкой спустились по крутой лестнице

во двор. Извозчик на большой четырехколесной телеге уже ждал их у конторы. Хотя дело было к вечеру, решили ехать. Телега катилась медленно, покачиваясь из стороны в сторону. Бабушка о чем-то говорила с извозчиком, вспоминали общих знакомых и рассказывали о своем житье.

Стемнело. Вовка незаметно уснул и проснулся лишь ночью. Телега ехала мимо леса. Лес был темный, вокруг царила тишина, только на огромном, темном небесном куполе горели звезды. Почти, как в известном стихотворении Ломоносова:

«...Открылась бездна, звезд полна.
Звездам числа нет, бездне – дна».

Под утро они приехали в Нисвойское, повозка остановилась у крыльца, и все вошли в дом. Вовку уложили досыпать на стульях у незнакомых ему людей.

Дальше нужно было идти пешком. Проходя какую-то большую деревню, они с бабушкой видели, как мужики строили небольшой дом. При этом в деревне было пусто. Потом по тропе прошли мимо поля, где работали женщины с косами, ставили стога сена. Дорога шла по холмистым полям и перелескам.

Но вот показалась верхушка церкви за холмом, окруженная деревьями. Оказалось, именно здесь, в деревне Ламаниха, был похоронен дедушка. Подошли к церкви. Бабушка обошла ее и у самой стены нашла старый, покосившийся крест. Постояла немного рядом, перекрестилась.

Потом они пошли к сторожке, и бабушка попросила сторожа сделать новый крест на могилу дедушки. Из этой деревни по небольшому мостику они перешли на другой берег реки и вышли уже к знакомой Вовке деревне Заломаиха, где остановились в доме у бабушкиной знакомой. Из этой деревни было видно Порозово, стоявшее на другом берегу реки Вологды. Был виден и завод, и большой дом, где они когда-то жили.

На следующий день Вовка с бабушкой отправились в Порозово. Бабушка зашла к Крыловым, которые еще остались от старых, прежних, жителей. А Вовка вместе с ребятами, которые его узнали, побежал к большой черемухе, что росла недалеко от склада завода. Деревенские ребята забрались на самую верхушку и кидали вниз

ветки со спелыми ягодами. Вовка тоже залез на черемуху, но на самый верх лезть побоялся. Потом он с ребятами сходил на речку и в лес за малиной.

Все было почти так, как и раньше: на крыше большого дома по-прежнему был маленький балкон, вот дедушкина квартира с крылечком. Хотя крыльцо немножко покосилось и ступеньки стали пониже, но Вовка узнавал каждую половицу. Вот и столб, вкопанный дедушкой, вот его сарай. На берегу речки до ручья все оставалось так же, как было. Завод был окружен забором и продолжал работать. Казалось, ничего не изменилось, но все было каким-то обветшалым, и Вовке не очень интересным, по сравнению с жизнью в Вологде.

Побыв немного в Порозове, Вовка с бабушкой пошли дальше. По знакомой дороге, через перелесок, вышли к Малоновленскому. Миновали еще несколько деревень. Деревня Высоково – родина бабушки и дедушки, действительно, стояла на холме и была довольно большой деревней. К сожалению, вблизи не было речки, и только внизу у леса протекал небольшой ручей.

В Высокове у бабушки было много знакомых. Дом, который построил дедушка, стоял на самом краю деревни. Он был большой, длинный, но низкий.

Бабушка показала Вовке место, где когда-то стоял двухэтажный дом, в котором раньше жил дедушка, и одноэтажный маленький домик своих родителей – Шитовых. В Высокове они жили три дня, ходили в лес, в низину, осмотрели дедушкин дом. Он был заперт, его давно никто не открывал.

Они, однако, установили, что какие-то воры все же проникали через крышу внутрь дома и много чего унесли из комнат, но толстую дверь в кладовку взломать не смогли. Когда они после осмотра комнат дома стали собираться обратно, то кое-что забрали с собой.

Вовке, к его большому удовольствию, даже удалось покопаться в кладовке. Всевозможных старых железок здесь оказалось ни чуть не меньше, чем когда-то в Порозове. Обнаружил он здесь, в частности, большие медные монеты с буквами «П. Н.» и с царскими орлами. Некоторые из этих монет Вовка взял с собой. Бабушка рассказала ему, что, когда они тут жили, дедушка нашел целый клад таких медных старинных монет.

Потом так же пешком они с бабушкой возвращались обратно в Вологду, задерживаясь ненадолго в деревнях, где у Анны Степановны были знакомые. Везде бабушку знали и принимали радушно.

Это было первое возвращение Вовки в Порозово, запомнившееся ему бесконечными дорогами. Тогда он впервые увидел деревню Высоково, большой дом под горкой, который построил его дед.

– Эх, не пришлось пожить-то тут самому, – сокрушалась бабушка.

После возвращения бабушка некоторое время жила у Балашовых, работала в артели кружевниц. Снова возвращалась в Высоково, но жить одной в большом доме оказалось ей очень трудно, снова возвратилась в Вологду. В конце концов она продала дом какому-то милиционеру за 5 тысяч рублей, после чего уехала доживать свой век в Архангельск, к дочерям. Она дожила до 84 лет. Но только Вовка был для нее, пожалуй, единственным напоминанием о ее прошлой счастливой жизни в Порозове с «отцом» – моим дедушкой, Батыгиным Иваном Никандровичем.

Пешком из Молочного до Порозова

Второй раз мне удалось побывать в Порозове в 1968 году, когда я после окончания аспирантуры на кафедре общей гигиены АГМИ и после защиты кандидатской диссертации в Ярославле опять оказался в Вологде. Произошло это 15 лет спустя после того, как я покинул родные места.

В то лето мы вместе с матерью, Батыгиной Надеждой Ивановной, приехали в гости к Балашовым. Дядя Капа (Балашов Капитон Васильевич), как руководитель торговли в Вологде, получил для отдыха небольшую летнюю дачу, недалеко от поселка Молочное. То было прекрасное, живописное место на берегу Вологды, заросшее елями. Стояла хорошая погода. Жили мы вместе с Августой Николаевной, племянницей моей матери, а дядя Капа приезжал к нам каждый раз на машине с работы.

На прогулку мы ходили по берегу реки в соседнюю деревню. Говорили, будто здесь была когда-то помещичья усадьба, правда, от нее осталась только березовая аллея. Вдали виднелись холмы, поля.

На самом горизонте маячила какая-то деревенька. Однажды, прогуливаясь с Капитоном Васильевичем, я спросил у него:

– Интересно, а далеко ли отсюда до Порозова?

– Вот смотри, – сказал он, показывая пальцем вдаль. – Видишь, на самом горизонте большой каменный дом? Это больница в Несвойском, от нее километров пять до Порозова. Если идти все по реке, то, пожалуй, можно и дойти.

Я не собирался тогда идти в Порозово. Однако через несколько дней после этого разговора, рано утром, позавтракав, решил испытать свои силы: «Просто пойду по берегу реки, интересно, до куда же я смогу дойти?» В Архангельске мне тоже приходилось ходить по нескольку километров пешком, и ничего. А тут, вроде, недалеко, и даже видно Несвойское.

В тот день после завтрака, никому ничего не сказав, я и пошел в указанном направлении, держа курс на здание на горизонте. Шел по берегу реки по тропке. Было легко, прошел какие-то кусты. Тропка шла все вперед, не терялась, но видимое здание на горизонте приближалось очень медленно. Оно то терялось за холмами, то появлялось вновь.

После нескольких часов ходьбы поворачивать назад стало как-то неудобно, хотелось дойти до этого дома на горизонте.

– Только бы дойти до Несвойского, а там видно будет, – думал я.

До Несвойского я добрался, когда было уже 2 часа дня. Подойдя к высокому зданию больницы, я увидел на противоположном берегу небольшой завод, очень похожий на порозовский… Там же, на взгорье, виднелась церковь, но переходить на ту сторону мне не хотелось.

За забором соседнего дома я увидел женщину в платке и спросил:

– Далеко ли до Брячи и как туда пройти?

– Да будет километров 15, – ответила она, – нужно идти вот по этой дороге, потом перейти бродом на ту сторону, там и Бряча».

«Как 15 километров? – подумал я. – Мне же Капитон Васильевич говорил, что идти нужно всего 5 километров. Может, ошиблась эта женщина?»

Подумав, я все же решил пойти по указанной дороге. Опять шел долго, вышел на берег реки, засучив штанины выше колен, перешел

вброд через реку к деревне Бряча. Поднялся по берегу в деревню, расположенную на берегу. И опять у женщины спросил дорогу на Порозово. Та сказала, что нужно идти вдоль берега и лесом. Я пошел дальше и, выходя из деревни, встретил молодую девушку. Она немножко смутилась, но мы разговорились. Нет, это была не Ленка из моего детства, хотя чудо было возможно.

Выяснилось, что она живет в соседней деревне и идет в Порозово, в магазин. Я стал объяснять ей, что тоже иду из Молочного в Порозово, что когда-то я жил здесь. Девушка с недоверием посмотрела на меня.

– Как из Молочного? Да это отсюда километров 20–25 будет.

И она еще больше забеспокоилась. Я стал называть фамилии живших здесь знакомых, но она никого из них не знала.

Прошли лесом, вышли опять на берег реки. А вот и знакомые, родные места. Вот старый колодец над родником с целебной водой. Родник есть, но деревянных досок уже нет. Трава стала совсем густая, все заросло, но вот та тропка, по которой бегали с Ленкой, осталась, и идет она по краю старого канала. Хотя деревья выросли, но все кажется очень маленьким. Несколько шагов от колодца – вот и Порозово. Все тот же большой дом посредине, перед заводом. Замечаю перемены: магазин, который раньше был на другом берегу, теперь стоит на том пригорке, с которого мы детьми катались на лыжах. Магазин новый, из свежих бревен, маленький.

С девушкой я договорился возвращаться обратно и встретиться здесь у магазина. Девушка зашла в магазин, а я прошел мимо завода к дому – посмотреть хотя бы на окна квартиры, где прошло мое детство. Первое, что я заметил – знакомый забор исчез, теперь дом со всех сторон был окружен частоколом. А раньше здесь были только столбики и прибитые к ним две большие, длинные перекладины, на которые можно было забраться и посидеть…

Новый хозяин со всех сторон огородил дом, вскопал грядки. Я решился зайти на невысокое крыльцо. Согнувшись, робко открыл дверь. Может, там у них собака, а может, не совсем удобно запросто заходить к чужим людям. Сени темные, но я безошибочно нашел дверь в кухню, открыл тяжелую дверь, перешагнул через высокий порог. В квартире хозяйка – молодая женщина, и мужчина, тоже мо-

лодой, сидят за столом у окна. Меня они уже давно заметили и нисколько не удивились. Я поздоровался. Сказал, что когда-то давно мы здесь жили. И попросил извинить меня, что побеспокоил их:

– Хочу посмотреть. Раньше здесь жил механик Батыгин, а я его внук.

Квартира очень маленькая, переборка, отделяющая спальню, исчезла, но комната от этого больше не стала. Как же мы тут все жили? Полатей тоже нет. А куда же делись полати?

– Я их заложил, – объяснил новый хозяин нашей бывшей квартиры. – Сделал лаз на печь из кухни. Так удобнее сушить фуфайку, валенки. Заползать можно теперь с кухни.

Оконца маленькие, но все с теми же порожками, в которых весной скапливалась вода с оттаявших оконных стекол. Вместо дедушкиного верстака в кухне стоит небольшой столик. Все стало совсем другим и чужим. Я поблагодарил хозяина и вместе с ним вышел во двор. И тут заметил, что на опушке леса уже нет и старой большой сосны.

– Спилил я ее на дрова, – объяснил мне молодой хозяин. – Засохла она совсем.

И только черемухи на лесной опушке остались, да дедушкин сарай.

– А вот этот сарай мой дедушка строил, – сказал я, почему-то обрадовавшись этому.

– Никого из старых жителей в деревне нет. Только вот Колосовы из соседнего дома, старик и старуха, они давно здесь живут, – сказал мой сопровождающий.

Я посмотрел на дом Колосовых. Так это же старый сруб склада, переделанный в домик! Заходить к ним не стал, так как времени было уже три часа дня, нужно было возвращаться обратно. Завод за забором рассмотреть тогда мне не удалось, но он работал. Попрощавшись с хозяином квартиры, я пошел обратно.

Зашел в магазин, но девушки, сопровождавшей меня, уже не было. Видимо, она, испугавшись меня – незнакомого человека, поспешила уйти или спряталась. Я успел лишь взглянуть на старую, поредевшую березовую рощу на противоположном берегу и на «пески», где я купался с ребятами. Омут тоже зарос травой и уменьшился в размере.

После этого я пошел знакомой дорогой обратно, мимо заросшего травой родника. Вроде бы, все вокруг было мне знакомо, но стало почему-то не таким, как раньше. Теперь здесь жили чужие люди, со своими, непонятными мне заботами. И я был для них совсем чужим, неизвестно откуда и зачем появившийся.

Я опять прошел через лесок. Вышел к Бряче и перебрался на противоположную сторону к деревне. В горле у меня пересохло, и я решил попросить у кого-нибудь воды напиться. Ведь я с самого утра ничего не пил, а летний день был хоть и облачный, но теплый. Я осторожно вошел на крыльцо одного из домов, постучал. Открыла пожилая женщина. Я попросил воды. Объяснил ей, что раньше мы здесь жили в Порозове. Моего деда звали Иваном Никандровичем Батыгиным. Механиком он был.

– Как, Иван-то Никандрович? Слыхала я про него, слыхала, – сказала женщина. – Хороший мастер был.

– Как?! Вы его знали? – удивился я.

– Нет, только слышала.

– А я его внук.

Женщина с интересом еще раз посмотрела на меня.

– Анна Степановна-то, жена его, говорят, очень убивалась после его смерти, все болела, да болела.

– Она сейчас в Архангельске, жива еще, хотя уже 80 лет.

– А ты-то кем работаешь?

– А я вот медицинский институт окончил, работаю врачом. Очень хотелось мне Порозово посмотреть.

– Конечно, тянет, видно, в родные-то края, – согласилась женщина.

Я очень обрадовался встрече с этой женщиной. Вот ведь, помнят еще моего дедушку Ивана Никандровича.

Выпив целый ковш холодной воды из медного, старого луженого ковшика, я поблагодарил хозяйку и пошел дальше, той же самой дорогой. Нигде больше я не останавливался. Под конец, когда стемнело, идти стало совсем тяжело. Только в десятом часу я вернулся на дачу в Молочное. А там все уже всполошились из-за моего отсутствия: «Да ты бы заночевал там где-нибудь, сообщил бы».

Мне налили окрошки, но аппетита почему-то не было. Когда я стал мыть ноги в холодной воде, то обнаружил, что на ступнях моих

ног во многих местах появились водянистые волдыри. Еще бы! Ведь такого перехода у меня в жизни не бывало. Вероятно, за 12 часов я прошел километров 50–60, и все время пешком, без воды и без еды.

От избытка впечатлений спал я в ту ночь плохо. В себя приходил еще дня три – четыре. Было жаль, конечно, что не удалось ничего посмотреть. И что не взял я тогда с собой даже фотоаппарата, ведь можно было бы сфотографировать. Но ведь надо же – дошел-таки я пешком до Порозова.

Однако возвращения к детским годам опять не получилось, и было даже некоторое разочарование, но воспоминание от этого пешего перехода очень запомнилось.

В Порозове через 20 лет

В Порозове мне удалось побывать еще раз, и тоже пешком, только в 1974 году, спустя 20 лет после моего отъезда оттуда. Тогда я уже заведовал Проблемной лабораторией по изучению акклиматизации человека на Крайнем Севере при Архангельском медицинском институте. Было лето, и я приехал в отпуск в Вологду к Капитону Васильевичу Балашову и Августе Николаевне Балашовой (Батыгиной), дочери сестры братьев Батыгиных.

Вологда в то время была для меня как бы вторым домом, где я постоянно бывал на летних каникулах, когда учился в школе. Мечта побывать в Порозове и сфотографировать родные места зародилась у меня давно. Но в одиночку добираться до Порозова, как шесть лет назад, я больше не решился. Поэтому уговорил совершить это путешествие в прошлое Капитона Васильевича, того самого, который когда-то нес меня (Вовку) на руках к самолету. Он к этому времени был уже на пенсии и стал заядлым грибником. Дядя Капа к этому времени постарел и пополнел, но, как и раньше, оставался доброжелательным и все понимающим. Он, видимо, тоже хотел побывать в Порозове.

И вот в один из пасмурных летних дней, ближе к осени, одевшись потеплее и взяв с собой полиэтиленовую накидку и большой рюкзак, мы пошли на привокзальную площадь города Вологды, на автобус-

ную остановку. Ближайший к Порозову автобусный маршрут проходил по дороге на Антоново. Без особых проблем купили билеты за 1 рубль и поехали.

Ехали долго, теперь уже не по грунтовой, а по асфальтированной дороге. Автобусы на Антоново шли не через Кубенское, а через Молочное. Машин до Молочного было много, но потом, когда мы свернули влево на дорогу с гравийным покрытием, их стало мало. Я все время смотрел по сторонам, стараясь рассмотреть знакомые места. Все те же холмы, перепаханные и засеянные овсом, рожью, льном, окруженные лесами. Деревеньки на холмах, утопающие в зелени высоких деревьев. Сельские грунтовые дороги... От автобуса на гравийной дороге поднималось облако пыли.

Деревня Антоново, где остановился автобус, производила впечатление вполне цивилизованного населенного пункта. Остановка была оборудована навесом от дождя, висело расписание движения автобусов. Рядом находилось здание с кассой, где продавали билеты. А дальше шли покосившиеся деревенские домики из белесых от времени и дождей бревен, окруженные заборами, кустами, деревьями. Крыши некоторых домов совсем обветшали. На старом амбаре висела большая кованая ручка. Кошка вышла из подворотни, посмотрела на нас и равнодушно улеглась на крыльце у дома. Мы с дядей Капой вышли из автобуса и стали раздумывать, куда идти дальше. Подошли к первому попавшемуся дому и спросили у женщины, занятой огородом, куда и какой дорогой идти в Малоновленское. Женщина взглянула на нас и показала на дорогу, идущую за деревней.

Грунтовая дорога выходила из деревни и спускалась вниз, к широкому полю. Мы шли медленно, обходя лужи и грязь на дороге. По краям дороги росли ромашки. Во ржи было много голубых васильков. Я сорвал несколько цветков. Прохожих на дороге не было, так что мы не знали, в правильном ли направлении идем, а спросить было некого.

Миновав небольшой лесок, мы оказались на какой-то колхозной дороге, сплошь разъезженной машинами. Приходилось только удивляться, как по такой грязи могли ездить машины. Казалось, тут мог увязнуть и трактор. По этой дороге мы сошли к небольшому ручью и, перебравшись через него, стали опять мимо леса

подниматься вверх. Зарядил дождь. Мы спрятались под березами и укрылись пленкой. Мелкий дождь шел долго. Когда он кончился, мы пошли дальше.

На высоком холме у дороги мы увидели одинокий, покосившийся дом, обсаженный высокими старыми деревьями. Сзади дом весь зарос крапивой. Были видны вскопанные грядки картошки. Но никого у дома мы не нашли. Возможно, раньше здесь была деревня, так как налево и направо виднелись руины домов. Место было очень живописное, и я сфотографировал его. Заснял и дорогу, и этот старый дом, заросший кустами и деревьями.

А дальше дорога опять пошла вниз, где раскинулось широкое поле. Мы спустились по ней, перебрались через небольшой ручей, и когда прошли поле, показалась деревня Малоновленское. На ее окраине мы увидели большой коровник вполне современного вида. Затем шел длинный ряд домов вдоль дороги. Но от прежней, знакомой мне деревни не осталось ничего: ни качелей, ни большого луга в центре.

Прошли Малоновленское, опять спустились вниз через перелесок. А вот и Порозово! Из-за леса показалась старая заводская труба. Вот и луг, с которого взлетел самолет, что увез меня в Вологду. Но дорога была уже другая: разъезженная тракторами и машинами. А вот эти придорожные кусты, кажется, были здесь и раньше.

Мы спустились к перелеску. А где же старые коренастые сосны, где кусты «готовика», шишки на сухом белом мху? Их не было и в помине. Видимо, все это мешало ездить машинам. Везде было полно грязи, дорога часто делилась на две (объезды), и обе были почти непроходимы. Часть леса была вырублена под корень. Но дорога шла, как и раньше, к заводу.

Мы миновали лес и вышли к нашему дому. Все изменилось. Даже березовая роща на том берегу реки стала совсем прозрачной.

Я огляделся по сторонам, узнавая и не узнавая родные места. Рядом с заводской конторой появился новый дом. А за нашим большим казенным домом теснились тоже новые дома, обнесенные заборами, с высокими телевизионными антеннами на крышах. Цивилизация пришла и сюда. А большой старый дом, где я жил с дедушкой и бабушкой, стоит, как стоял. Вот только на крыше у него уже нет балкона... Около

самого завода, рядом с магазином, почти на самом берегу реки, тоже появился новый дом. Все изменилось еще сильнее, чем тогда, когда я был здесь в прошлый раз. Растет дачный поселок – подумал я.

По дороге мы прошли мимо завода и спустились к реке, решив немного отдохнуть и перекусить. Погода была такая же пасмурная, на небе висели серые, тяжелые тучи. Дядя Капа достал из целлофанового мешочка копченую треску, а я с фотоаппаратом стал фотографировать все, что попадалось мне на глаза.

Берег сильно изменился и весь зарос травой. Старый омут стал каким-то маленьким, и песчаная коса – наши «пески» у левого берега, где мы купались с Ленкой и ребятами, тоже уменьшилась и заросла травой.

А где же сваи от плотины и мельницы, по которым мы лазили и где удили рыбу? Парень в старых сапогах, стоявший на берегу с удочкой, сказал мне, что во время ледохода их вывернуло и унесло водой. Берег в этом месте стал другим: створ в омут стал шире, берег – более пологим.

Не стало и песчаной осыпи с берега, все заросло травой и жгучей крапивой. Исчезли и заросли ивы на берегу: то ли их унесло ледоходом, то ли люди повырубали. А речка тоже совсем заросла тростником.

Правда, все так же громко и хрипло каркают вороны, и красная крыша магазина сельпо видна, и куст ивы на том берегу, где я впервые в жизни выловил двух сорожек. Все изменилось, изменилось…

Сфотографировал я песчаную косу, омут, паренька с удочкой и дядю Капу на берегу. Потом я пошел к заводу, чтобы заснять его со стороны реки. Перебрался вброд на противоположную сторону, сфотографировал завод, крыльцо перед машинным отделением, стоящую на берегу будку для водозабора. Там где-то было и место, где я чуть не провалился зимой в полынью.

Фотографирую все, что попадается на глаза. Потом поднимаюсь к забору и заглядываю во двор завода. Там все еще стоит небольшая деревянная пристройка, из которой раньше торчала труба, откуда вытекала пахта от лежащего на полках в мешках творога, которую мы не раз пробовали на вкус. Двор перед машинным отделением завален углем: теперь печи машинного отделения топят углем, а не

дровами. Знакомая дверь в машинное отделение открыта, как и во времена моего детства, но зайти туда не решаюсь. Вдруг появится какая-нибудь собака, потомок старой Дорки. Собаки здесь на каждом шагу: вытягивают нос, принюхиваются с любопытством.

Собираемся идти обратно. Дядя Капа, осмотревшись вокруг, сказал, что пойдет в лесок искать грибы и будет ждать меня в Малоновленском у магазина. Я же пошел опять посмотреть квартиру, где мы жили. Около дома оказался только хозяин. Мы поздоровались. Он меня, кажется, даже узнал. Осматривать квартиру я не стал. Около входа в дом появилась большая цистерна, видимо, для воды. Так удобнее.

Потом я зашел за дом, туда, где раньше жила Ленка. Появились какие-то ребятишки. Вышла и пожилая, седая женщина. Я предложил им сфотографироваться, они согласились. Потом, обойдя дом, я сфотографировал его еще раз, целиком. Заводик был еле виден из-за забора.

Раньше между домом и заводом находился небольшой холмик, с которого мы катались на санках. Узнав, что Земля – круглая, я считал, что именно здесь она и закругляется. Холмика этого уже не было, в земле виднелись глубокие следы от колес и тракторных гусениц. Выйдя на дорогу, я опять сфотографировал завод и дом, где я когда-то жил. Но теперь все это казалось мне совсем чужим...

Да, сильно изменились мои родные места... Исчезла банька на берегу реки, где были бабушкины грядки. Луг, который тянулся от дома до реки. В летнюю пору он покрывался зеленой травой и белыми ромашками. Теперь он был завален заводским хламом: какими-то большими трубами, зубчатыми колесами, цистернами – свалка, да и только! Как будто старый завод перенес сложную операцию: вынули из него внутренности и разбросали на берегу.

Женщина, которая вышла из крайнего дома, объяснила мне, что завод ремонтировали, и теперь его топят углем и мазутом.

– Труба прогорела от этого, ее поставили прямо на крышу завода. Копоти и дыму от нее, когда ветер... – жаловалась женщина, – дышать стало нечем.

Немного поговорив с ней, я пошел дальше. Никто меня не провожал, лишь две неизвестно откуда взявшиеся собаки-дворняги, мол-

ча, с любопытством, смотрели меня. Заходя за лес, я еще раз сфотографировал завод. Как думал – напоследок.

Все стало не таким, как было когда-то, как сохранилось в моей памяти. Дядя Капа ждал меня у магазина, разговаривая с каким-то старичком, опиравшимся на палку. Оказывается, он из Порозова, пришел за покупками в магазин. Выяснили, что он знал моего деда, Ивана Никандровича Батыгина, работал у него на заводе. А сейчас на пенсии и живет со своей женой-старухой в Порозове. Я его тоже сфотографировал. Узнал, что старую сушилку у берега реки директор завода переделал под свой дом. Живет теперь там. Что ж, хорошо сделал: место-то хорошее. Оказалось, что этот старичок и меня помнил: знал, что я улетел на самолете потом в город.

Мы простились с этим старичком, как со старым знакомым, и пошли обратно. Дядя Капа устал, грибов не нашел, и, вероятно, впечатления от увиденного у него тоже были невеселые. Что ж, все течет и изменяется, и невозможно дважды войти в одну и ту же реку. Это знали еще древние философы.

В Антонове мы дождались автобуса и без особых приключений доехали до Вологды. Через неделю на самолете я улетел в Архангельск.

Как великую драгоценность, проявил я привезенную из Вологды фотопленку, отпечатал десятка два фотографий родных мест. Одна из них и теперь висит у меня над письменным столом. На ней – омут, небольшая, заросшая кустами песчаная коса у противоположного берега. Там, где были огромные сваи плотины, угадывается островок и стоит мальчик с удочкой.

Еще фотография: остатки старой березовой рощи, завод за забором. С некоторых из них я маслом нарисовал картины, стараясь изобразить на них все, как было раньше. Особенно удалась небольшая картинка с изображением высокого крутого берега – устья реки Масляной, где я когда-то катался на сделанных дедушкой красных лыжках, и остатки старого барского сада на противоположном берегу.

А для дяди Капы я нарисовал картину, на которой изобразил старый дом у дороги на высоком холме, мимо которого мы проходили в непогоду. Хорошая получилась картина. Одинокий, полузаброшенный домик на холме, разъезженная дорога, по которой мы шли. Вда-

ли – желтые поля, засеянные льном, и старые деревья, склонившиеся над полуразвалившимся домом. На обратной стороне картины я написал: «Дороги, которые мы прошли. 1978 год».

Но вскоре дядя Капа (Капитон Васильевич Балашов) тяжело заболел и умер. Давно это было, но я почему-то верил, что еще побываю в Порозове.

«Хорошо бы приехать на завод, – мечтал я, – и познакомиться, поговорить с жителями Порозова». Я бы сказал им: «Уважаемые товарищи, я провел здесь детские годы. Теперь я врач из Архангельска. Мне очень приятно встретиться с вами. Ведь здесь, при этом самом заводе, я вырос, здесь прошло мое детство. На этом заводе старшим механиком работал мой дед, Иван Никандрович Батыгин». А дальше я бы рассказал, как мы здесь жили во время войны. Наверное, им было бы интересно узнать о прошлом родной деревни?

Когда я состарюсь и выйду на пенсию, мечтал я, то уеду из Архангельска и куплю небольшой домик в Порозове, на высоком берегу реки. И буду там жить-поживать. А моя супруга, черноглазая, очень активная и все знающая Галина Серафимовна, будет пересказывать мне все местные новости. Еще у нас будет небольшой огородик около дома. К нам в гости будут приезжать дети и внуки, и, как в старой песне, «все опять повторится сначала...»

Но дальше я думать не хочу. Лучше помечтать о том, как когда-нибудь я еще раз приеду в родное Порозово...

Снова и в последний раз на родине

Еще раз побывать в Порозове мне удалось только в 1991 году. В тот год мы с супругой Галиной приехали в гости к сыну дяди Капы – Владимиру Капитоновичу Балашову, на его дачу Красный двор недалеко от Кубенского озера. Мы приехали уже на своей машине «Жигули», известной в народе, как «копейка». Ходили в лес за маслятами, в огороде собирали ягоды, с Кубенского озера Балашов привозил рыбу.

Но вот однажды Владимир Капитонович предложил нам на его «Ниве» проехать по родным местам и заглянуть в Порозово. В то

время уже была построена асфальтовая дорога не только до Антонова, но и дальше, почти до Порозова. На этот раз мы были вооружены не только фотоаппаратами, но и видеокамерой.

Проехав по новой асфальтовой дороге на Антоново, не доезжая до него, мы свернули налево и, не доезжая до моста через реку Вологду, еще раз свернули налево. А вот и Порозово! Проехали к реке. Она была еще полноводная. На берегу было безлюдно. Наш большой дом все еще стоял, хотя был уже обшит досками и выкрашен в голубой цвет. Создалось впечатление, что в нем никто не живет. Около него, справа и слева, выросли новые постройки, похожие на дачи «новых русских». Все они были обнесены заборами. Похоже, тут действительно вырос целый дачный элитный поселок.

От завода остались одни развалины, заросшие иван-чаем и травой. Никто их не охранял, никакого забора не было, так что на его территорию могли заехать на машине. Крыша над машинным отделением провалилась, трубы не было, оконные проемы зияли. Деревянные пристройки и заборы исчезли без следа. У входа в машинное отделение, там, где в прошлый приезд в Порозово я видел горы угля, образовалась удобная площадка для машин, где, судя по количеству выброшенных пластиковых бутылок, здесь частенько останавливались приезжие.

Заходить внутрь полуразрушенного завода мне не захотелось, и я пошел посмотреть наш дом, сфотографировал его со всех сторон и неожиданно встретил небольшого старичка в коричневом картузе. Я подошел к нему и сказал, что мы тут когда-то жили, и что мой дед, Иван Никандрович Батыгин, работал на здешнем заводе главным механиком. Старичок внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Я помню Ивана Никандровича. Очень хороший был мастер. А я его ученик, и работал в машинном отделении, моя фамилия Разумов. Мы давно тут живем.

С этими словами он показал на свой домик.

Действительно, оказалось, что он все и всех тут помнит. Он рассказал, что завод уже несколько лет не работает, а сейчас тут строят дома дачники из Вологды. Дачи строят и на том берегу реки Масляной, хотя места там низкие и раньше в половодье их топило водой. Из старых здешних жителей он тут остался один. Он рассказал так-

же, что два его сына разъехались – кто куда в город. А большой дом используется как общежитие для рабочих, которые тут строят дачи.

Разумов также рассказал мне, что артелью строителей руководит какой-то предприниматель из Мурманска. И что сам себе он построил дом на другом берегу, на месте бывшей помещичьей усадьбы. Общежитием заведует житель из Малоновленского. Завод, со слов Разумова, совсем разрушен, провалилась крыша. Хорошо, что новому хозяину этих мест удалось сохранить хотя бы половину здания завода. Он отремонтировал крышу над холодильником и превратил часть помещения завода в кирпичный гараж для машин.

Я сфотографировал на память последнего работника этого завода, попрощался с ним и пошел на берег реки к нашей машине. Владимир Балашов сказал, что здесь ему не нравится. Мол, подходил к нему какой-то тип и настойчиво просил продать ему «Ниву», на которой мы приехали.

Мы еще немного постояли на берегу, посмотрели, как быстро течет вода в реке, сфотографировались на память, перекусили и поехали обратно. Делать здесь больше было нечего.

Эта поездка произвела на нас тягостное впечатление. Что ж, наступили новые времена, Порозово переродилось в дачный поселок. Видимо, дачников из Вологды сюда привлекает относительная близость к городу, асфальтированная дорога. Река Вологда в этих местах очень мелководна, но омут от старой мельницы похож на небольшой плавательный бассейн, где и рыбу можно ловить. Небольшой лесок, где есть ягоды и грибы, – тоже очень привлекательное место для отдыха на природе.

Я подумал тогда, что вряд ли кто-то из дачников, живущих здесь, знает, как когда-то называлось это место, что здесь было. Что ж, от старого Порозова здесь, пожалуй, уже ничего и не осталось. Как назывался выросший здесь дачный кооператив, у Разумова я даже спрашивать не стал. Зачем? Я также понял, что никогда не сбудется моя мечта: на склоне лет приехать сюда в родные места и познакомиться с молодыми работниками маслозавода. От него остались только одни развалины.

Ничто не забывается

Много времени прошло с тех пор. Однажды в городской библиотеке мне попался на глаза журнал: «Пионер», № 5, 1983 г. И я раскрыл его, сам не знаю, зачем. То ли захотел вспомнить школьные годы, то ли просто так. И вдруг на одной из страниц прочел стихи, которые отозвались в моем сердце, словно они были написаны для меня:

«Ты бежишь за вчерашним днем,
А его уже больше нет.
Он сгорел голубым огнем,
И от дыма растаял след».

Под стихотворением значилось имя его автора – известного советского поэта Михаила Дудина.

Что правда – то правда: возвращения в счастливое детство в Порозово у меня не получилось. Что было, то ушло без возврата, остались одни воспоминания. Но для меня они всегда останутся дорогими. Ведь детство было самым ярким и удивительным периодом моей жизни, когда все было еще впереди.

Думая о своем детстве, я вспоминаю бабушку и дедушку, вспоминаю Порозово и соседку Ленку, и всех тех, с кем тогда сводила меня судьба. Мне кажется, именно детство – это самое важное время для самопознания и каждодневных открытий. Мне кажется, что в моем детстве кроется и моя склонность к творческой деятельности. Детская игра – это попытка представить себя в сложном мире взрослых.

Однажды в трамвае я вдруг увидел парня, который стоял и смотрел в окно. Меня привлекло его лицо. Глядя на него, я вспомнил лицо Борьки Зятюшкова, старшего брата Ленки, нашей соседки. У него тоже был такой прямой лоб, глубокая переносица и светло-коричневые глаза. Борька учился в 8–9-м классе, и к нам, малышам, относился очень хорошо, не то что Вовка и Юрка, которые часто нас обижали. Борьку мы слушались, он нас защищал. В то время он иногда летом работал на заводе, пилил там дрова.

С Борисом Зятюшковым я однажды встретился в Обкоме комсомола в Вологде, на втором этаже. Кажется, он тогда возглавлял отдел работы с сельской молодежью. Я интересовался судьбой его родных. Он сказал, что его мать действительно переехала в деревню Крин-

ки и вышла там во второй раз замуж. Ленка выросла и тоже вышла замуж и работает в колхозе. Вовка работал возчиком на лошади, а Юрка, вроде бы, спился. Все из Порозова разъехались, завод закрыли. Кто-то говорил мне, что у Бориса тоже была дача недалеко от деревни Бряча, где в 90-е годы теперь уже прошлого столетия тоже вырос дачный поселок.

Когда я учился в школе, то от матери я узнал, что отец высылал на меня алименты, но на письма ее он не отвечал, моим здоровьем не интересовался. От общих знакомых она узнала, что живет он в городе Измаиле, женился, и что у него появился сын Андрей, который поступил в педагогический институт в Симферополе.

Уже учась в Архангельском медицинском институте, я как-то раз получил письмо от бабушки с Украины. Посоветовавшись с матерью, я ответил на него. Потом бабушка с Украины послала мне большую посылку с яблоками. Началась переписка и с родной сестрой отца – Клавдией Александровной Летавиной, ее семья жила в Харькове. Потом они меня пригласили к себе в гости. Тогда мне удалось побывать и в селе Белый Колодезь Изюмского района, увидеть бабушку, ее хату с земляным полом, окруженную садом, узнать о своих украинских предках и сфотографироваться с симпатичными сестрами тети Клавы – Нелей и Светой. В девяностые годы на Украине тоже возникли проблемы. Неля, которая вышла замуж и родила девочку, тяжело заболела и умерла. Света тоже вышла замуж и, как Соколова, с семьей уехала сначала в Польшу, а потом во Францию, у нее появились два сына – Владимир и Андрей.

Прадед Пащенко умер от тифа во время НЭПа. Бабушка выходила замуж дважды. Эти родственники, по линии бабушки, переехали в город Змиев.

А через несколько лет я получил приглашение приехать и в Измаил, от своего отца, который приезжал однажды в Порозово. Мой отец там жил со своей новой семьей. К тому времени Петр Александрович Пащенко был уже персональным пенсионером, в прошлом – строителем канала Прорва на Дунае и даже недолго был председателем исполкома этого южного города. Мне было очень любопытно посмотреть на своего отца. Ведь, как мне часто говорила мать, я был очень похож на него.

На самолете через Одессу с пересадкой я прилетел в Измаил. Мой отец оказался не таким, каким я запомнил его в детстве. Он выглядел располневшим, болезненным. На аэродроме он меня встретил, обнял, своего в ту пору уже сорокалетнего сына. Встретили меня хорошо. Я, и в самом деле, оказался на него похож. Своим знакомым он представлял меня, как первого сына и кандидата наук. Город Измаил мне понравился, я даже однажды искупался в Дунае, хотя вода в нем оказалась очень мутной. Побывал с его новой супругой на базе дома отдыха на берегу Черного моря. Она тоже оказалась врачом.

Однажды мы с отцом вместе шли к бывшей турецкой крепости Измаил, которую некогда взял штурмом Суворов. Он объяснил, почему расстался с моей матерью. Якобы она оскорбила его. Потом он вспомнил Порозово и сказал, что очень уважал Ивана Никандровича и даже приглашал его переехать работать в Архангельск на судоремонтный завод «Красная кузница». А вот моя бабушка Анна Степановна, по его мнению, была очень вредная и недолюбливала его.

А потом он вдруг спросил:

– А ты помнишь, как мы приезжали в вашу деревню, мы с тобой на колодец ходили за водой. Ты меня тогда совсем не слушался, баловался, и я тебя наказал. Ты уж извини меня.

– Да нет, не особенно помню, – ответил я. – Но помню, что привезли вы мне две красные кружки с якорями. Маленький я тогда был, не все помню.

Он замолчал на какое-то время, видимо, не вполне уверенный в правдивости моего ответа. Мы молча пошли дальше по широкой аллее, заросшей высокими южными акациями, потом сфотографировались вместе на скамейке у стадиона.

Давно это было. Потом мы переписывались друг с другом и с его супругой. Поздравляли друг друга с праздниками. Встретились мы и с его сыном Андреем, который стал преподавателем английского языка и потом перебрался в Москву в ЦК комсомола инструктором, работал и в журнале «Вокруг света».

Я не знаю, какое положительное воспитательное значение имела тогда для Вовки эта изуверская порка.

Меня, конечно, не раз жалели: мол, вот же, рос без отца, а мать все время на работе была, ни приласкать-то некому, ни приглядеть… Но сейчас мне думается, что мне с родителями в жизни тоже повезло.

Как-то раз меня, как врача и педагога, попросили прокомментировать письмо одной женщины: она жила в большом поселке и замечала, что взрослые, особенно отцы, воспитывая детей, часто бьют их за непослушание. Она была этим очень огорчена и спрашивала, можно ли так поступать с детьми. По собственному опыту совершенно определенно могу сказать, что порка совершенно не тот метод для воспитания ребенка. Свои детские годы человек не забывает, и память о той поре не уходит, ведь это основной фундамент и главный опыт для всей дальнейшей жизни. Дети ничего не забывают, а только иногда, уже став взрослыми, по каким-то причинам притворяются и говорят, будто все забыли. Я могу сказать, что ничего из своего детства не забыл.

В Вологду я теперь уже давно не езжу: все мои родственники и знакомые ребята с улицы Подлесной куда-то разошлись, да и дома номер четырнадцать давно уже нет: его подожгли в 90-е годы, видимо, желая освободить место для новой стройки. Теперь я постоянно живу в Архангельске в новом привокзальном районе.

Вот из Новороссийска вернулась моя супруга Галина с детьми. Галина Серафимовна тоже врач, училась на нашем курсе, была активным культоргом курса. Она черноволосая, живая, с карими глазами и более осведомлена в житейских делах, чем я.

Наш сын Андрейка, которому предстоит пойти в первый класс, выскочил из вагона поезда с огромным подсолнухом. Он его привез из Новороссийска, как подарок с юга. Дочь Лена тоже загорела, она студентка мединститута.

Все купались в море, загорали, ели фрукты. Андрюшка, усаживаясь сзади в машину, стал рассказывать, как они в море ловили бычков и большую кефаль.

– Я теперь сам умею рыбу ловить, – похвастался он.

Андрюшка у нас шумный, капризный, как мама, мне кажется, по сравнению с ним я был тихоней и скромником. Но Андрюшка проявляет интерес к технике: машинам, конструкторам. Он уже не раз перекопал мой чемодан со всякими железками, как я в свое время – дедушкину кладовку. Дрелью, что осталась от прадеда, он провернул несколько дырок в полу и испортил паркет, пришлось дырки в паркете заливать эпоксидной смолой. Читать ленится, а конструи-

ровать – пожалуйста. Откуда это у него? Неужели от прадеда Ивана Никандровича?

А Лена – та предпочитает уединение, что-то пишет, очень много читает, собирает книжки. Леночкины способности к воображению – это, наверное, от бабушки, которая отличалась удивительной словоохотливостью и умением дать образную характеристику всем соседкам. Но бабушка была неграмотной и писать не умела, поэтому ее талант никак не проявлялся.

Что ж, я думаю, что мой жизненный путь – это тоже наука. Может быть, кому-то этот мой опыт в чем-то и поможет.

Заключение

Вовке в жизни с самого начала действительно иногда везло. Рождение его было случайно, но связано с событиями Мировой революции в России, движением народов и стремлением молодежи к знаниям. Суровые социальные законы, отсутствие демократии в 1938 году также могли сыграть определенную положительную роль в его судьбе. В наше время при аналогичных обстоятельствах он мог бы и не родиться. С законами того времени, как и с бабушкой, Вовке повезло.

Воспитание Вовки в определенной степени соответствовало идеям «естественного и свободного воспитания» Руссо. Это воспитание развивало в нем самостоятельность, любознательность, творческую активность, умение владеть орудиями труда, воспитывало в нем эстетическое восприятие природы, развивало воображение. В то же время приезжавшие в гости к Вовке родители отмечали в его «естественном» воспитании на лоне природы серьезные недостатки, что привело его к ряду конфликтных ситуаций. Безусловное послушание старшим ему не казалось строго обязательно.

Бабушкин вариант подготовки Вовки к школе привел к серьезному отставанию его в овладении школьной программой, когда он пошел в первый класс. Обстановка усугублялась экономическими и социальными проблемами послевоенного времени. Все это привело к перенапряжению физиологических ресурсов организма Вовки, со-

провождалось выраженным хроническим стрессом и тяжелыми болезнями. Только большими усилиями ему удалось преодолеть трудности и отставание от сверстников. Большую роль в этом сыграло обращение его к мировому научному опыту и знаниям. Конкретные примеры жизни выдающихся людей, подвиги ученых, позволили Вовке выбрать свой дальнейший путь в жизни и частично выполнить наказ своей матери – стать «великаном».

Список литературы из библиотеки автора

1. Ильин М. Как человек стал великаном / М. Ильин, Е. Сегал. – М.: Детгиз, 1946. – 553 с.

2. Арсеньев В.К. В дебрях Уссурийского края / В.К. Арсеньев. – М.: Изд-во географической литературы, 1951. – 543 с.

3. Ян В. Юность полководца / В. Ян. – М.: Детгиз, 1952. – 223 с.

4. Настольный календарь 1941 года. – М.: Соцэкгиз, 1941. – 271 с.

5. Чегодаева А.Д. Всеобщая история искусств / А.Д. Чегодаева и др. В 8 томах. – М.: Изд-во «Искусство», 1956.

6. Инфельд Л. Эварист Галуа (Избранник богов). Из серии «Жизнь замечательных людей» / Л. Инфельд. – М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1965.

7. Бартлетт М.С. Введение в теорию случайных процессов / М.С. Бартлетт. – М.: Изд-во «Иностранная литература», 1958. – 384 с.

8. Бердяев Н. Самопознание. Избранное / Н. Бердяев. – М.: Мир книги, 2006.

9. Зощенко М. Повесть о разуме (человек среди людей) / М. Зощенко. – М.: Изд-во «Советская Россия», 1976. – 110 с.

10. Ферми Лаура. Атомы у нас дома / Л. Феоми. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 325 с.

11. Зелиг К. Альберт Эйнштейн / К. Зелиг. – М.: Атомиздат, 1984. – 205 с.

12. Фруменков Г.Г. Слово о Ломоносове / Г.Г. Фруменков. – Архангельск: Северо-Западное изд-во, 1983. – 191 с.

13. Снегов С. Творцы / С. Снегов. – М.: Советская Россия, 1979. – 364 с.

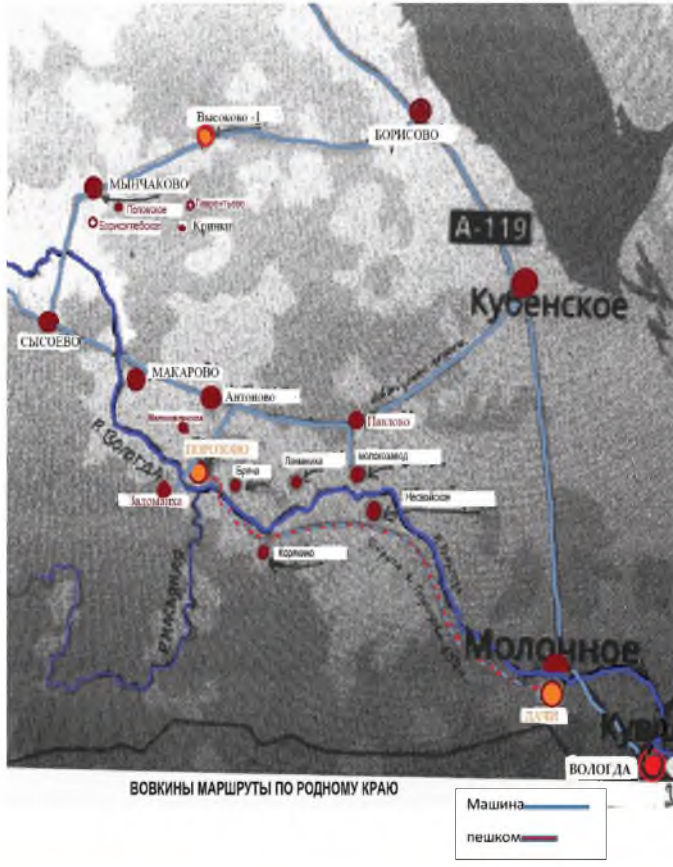
14. Мур Р. Нильс Бор – человек и ученый / Р. Мур. – М.: Изд-во «Мир», 1969. – 469 с.

15. Скуридин Г.А. С.П. Королев (к 70 -летию со дня рождения) / Г.А. Скуридин. – М.: Изд-во «Знание», 1977. – 63 с.

16. Сибрук В. Роберт Вуд (современный чародей физической лаборатории) / В. Сибрук. – М.: Изд-во «Физ.-математической лит.», 1960. – 323 с.

Возвращение в Порозово

1. Посещение Порозова и Высокова бабушкой Анной Степановной и Вовкой в 1948 году (на автобусе, в телеге и пешком).
2. Суточный переход В.П. Пащенко пешком от Молочного до Порозова и обратно по берегу реки Вологды (1968 г.)/
3. Посещение Порозова В.П. Пащенко и К.В. Балашовым (дядей Капой): на автобусе до Антонова и пешком до Порозова (1974 г.).
4. В последующем посещение Порозова на машине ВАЗ 2101 с Р.К. Вайсберг (Балашовой) и на «Ниве» с В.К. Балашовым (1985–1990 гг.).



Маслозавод в Порозове
(рис. В.П. Пащенко)

На берегу реки

Вовке 2,5 года

В. Пащенко 11–12 лет

В. Пащенко 20 лет

В.П. Пащенко 60 лет

Дом, в котором мы жили: новый забор и новая крыша без балкона, скворешники, цистерна (1974 г.)

Завод еще работает. Берег реки захламлен

Заростающий омут
на реке Вологде
у Порозова

Устье реки
Масляная

Завод работает уже на каменном угле (раньше котлы топили дровами)

Пожарная каланча
на ул. Горького (Подлесной)
в г. Вологде

Нескошенная трава на лугах в пойме реки Вологды

У магазина в Малоновленском

К.В. Балашов на пути в Порозово

Наш дом. Рядом здание конторы. Видна пристройка входа в контору, с крыши которой упал Вовка вместе с котенком

Еще видны сваи старой мельницы. К.В. Балашов с молодым рыболовом. 1974 г.

Завод еще работает
(на каменном угле)

Жители Порозова

Дорога к Порозову из Малоновленского

Осенняя распутица. Дороги, которые мы с К.В. Балашовым прошли

Дорога от Антонова до села Малоновленское

Житель села Порозова. Он помнил, когда мы там еще жили

Завод еще работает. Поле заросло травой. Роща поредела

Вологодские просторы

Сохранившаяся и отремонтированная часть завода используется в качестве гаража. 1991 г.

Дачники

Река Вологда (Порозово)

Н. Разумов. Работал в машинном отделении
с И.Н. Батыгиным. Считал себя его учеником. 1991 г.

«Наш дом». Общежитие строителей

Главный педиатр Вологодской области Р.К. Вайсберг (Балашова) в Порозове вместе с Г.С. Пащенко. 1991 г.

В.П. Пащенко с Р.К. Вайсберг (Балашовой). Последняя поездка

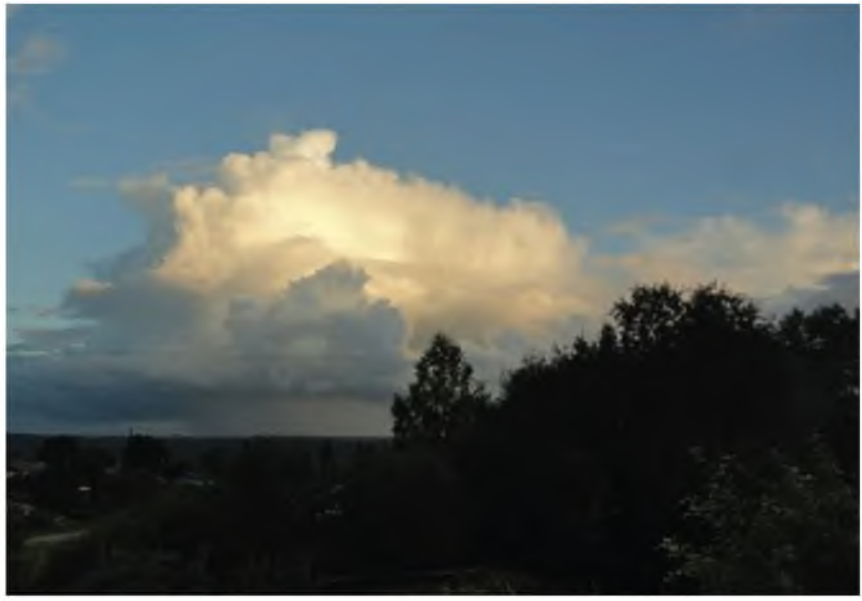
Воспоминания о Порозово

Завод в Порозове, 1977 г. (рис. В.П. Пащенко)

Дорога (фото)

Дельта реки Масляной (рис. В.П. Пащенко)

Сваи запруды от мельницы (рис. В.П. Пащенко)



Закат (фото)

Закат в Порозове, 1965 г. (рис. В.П. Пащенко (масло))

Переезд (рис. В.П. Пащенко)

«Пески», 2018 г. (рис. В.П. Пащенко (акрил))

Дорога к реке (рис. В.П. Пащенко)

Берег реки (рис. В.П. Пащенко)

Елки на опушке леса. И. Сошников, 1984 г. (масло)

Река (фото)

Пески (фото)

У реки. М. Пономарев (акварель)

Дорога, 1975 г. (рис. В.П. Пащенко (масло))

Река Вологда, 2018 г. (рис. В.П. Пащенко (акрил))

Берег реки (рис. В.П. Пащенко)

Там за рекой (рис. В.П. Пащенко)

Стог сена на опушке. М. Пономарев (акварель)

Высоково (рис. В.П. Пащенко (акрил))

Дельта реки Масляной (рис. В.П. Пащенко (акрил))

Дождливая погода (рис. В.П. Пащенко (акрил))

Вечереет (рис. В.П. Пащенко (акрил))

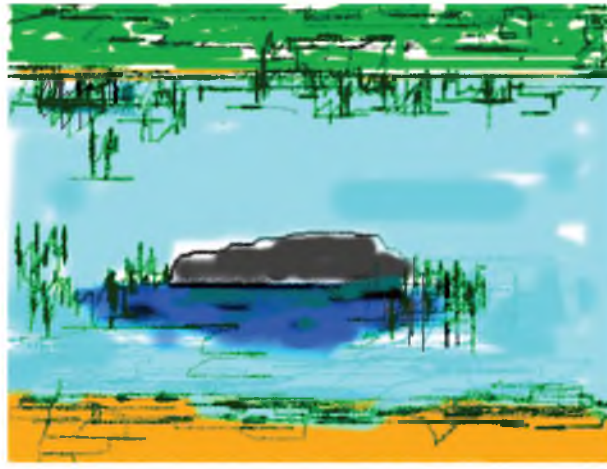
Компьютерный рисунок В.П. Пащенко, 1987 г.

Р. Вологда у д. Порозово. 1991 г.

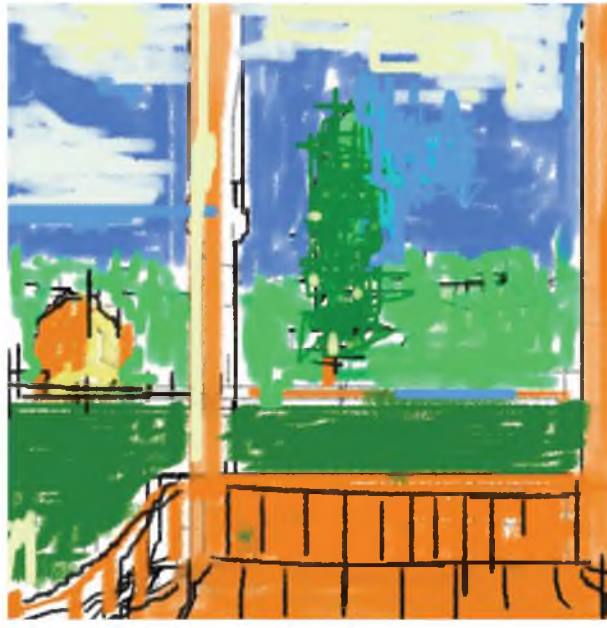
Поля (компьютерный рисунок В.П. Пащенко)

Закат (компьютерный рисунок В.П. Пащенко)

«Пески», лавы, завод (компьютерный рисунок В.П. Пащенко)



Большой камень в реке
(компьютерный рисунок В.П. Пащенко)



Крыльцо, с которого Вовка впервые увидел «белый свет» (компьютерный рисунок В.П. Пащенко)

Колодец «живой воды», 1998 г. (компьютерный рисунок В.П. Пащенко)

«Березовая роща и вдали деревня Заломаиха», 1998 г.
(компьютерный рисунок В.П. Пащенко)

И.Н. Батыгин (рис. В.П. Пащенко)

А.С. Батыгина (рис. В.П. Пащенко)

Инструменты и самовар
из Порозова

Книги из библиотеки
И.Н. Батыгина

Раздел II. Годы исканий и свершений

1. Ты помнишь, коллега?*
(К встрече выпускников лечебного факультета АГМИ 1964 года через 20 лет)

В длинной полувековой летописи Архангельского медицинского института для нас дороги будут всегда две даты: 1958–1964.

– Ты помнишь, коллега, как мы в первый раз неуверенно переступили порог аудитории на втором этаже, как старательно записывали каждое слово профессора? Помнишь ли самую первую сессию, зачеты, экзамены, бессонные ночи? Помнишь, ведь это именно нам первым довелось слушать лекции в новом большом зале с белыми колоннами и тяжелой люстрой под самым потолком, помогать строителям возводить новое крыло главного корпуса АГМИ, обживать первое каменное общежитие. Это мы на третьем курсе узнали о полете Гагарина, – что тогда творилось с нами!

Бывая в институте, невольно вспоминаешь о прошлом и замечаешь, что многое уже не так. Ну кто сейчас может представить, что на первом этаже, где сейчас кафедра гигиены, была анатомия? Высоченные комнаты увешаны таблицами, металлические столы с препаратами и громадная схема проводящих путей спинного мозга с латинскими названиями. Все было вначале непонятно и даже не верилось, что это постижимо.

Поднимаясь вверх по лестнице, тут же вспоминаешь, что там, где сейчас кафедра топографической анатомии, раньше была неорганическая химия. Высокий, пожилой, в белом халате, А.И. Ведринский, проходя по коридору, сухо здоровался с нами, студентами. В кабинете у него, на полках стояли громадные колбы, реторты, а в углу на столике какой-то непостижимой конструкции микроскоп. Я и сейчас не могу понять, как нам удавалось на этой кафедре решать задачи качественного и количественного анализа.

На втором этаже и кафедра биохимии. Здесь, помнится, мы тоже получали какие-то цветные реакции в пробирках и постигали смысл длинных формул, похожих на многоножек и скорпионов. Однако, идя на экзамены к М.Д. Киверину, твердо знали, что нет ничего важнее для человека, чем витамин С.

---

* Медик Севера. 1984. 13 июня.

На третьем этаже мы уже оказались на 3-м курсе. Здесь были кафедры физиологии и патофизиологии. Как хорошо, что кафедра патофизиологии и сейчас на том же месте, и комнаты для занятий те же, можно даже найти свое место за столом и поговорить с Эммой Витальевной (Рехачевой), которая нас учила считать мазки крови и «придиралась» к оформлению тетрадей. И кафедра организации здравоохранения тоже на старом месте, и Раиса Васильевна Банникова почти совсем не изменилась.

– А что было выше?

– Кажется, кафедры гистологии, микробиологии. Но вот совершенно точно, на пятом этаже была кафедра гигиены и кабинет профессора С.П. Сперанского – сразу налево.

Каждая кафедра вспоминается по-особому, то своими преподавателями, которые с нами занимались, то оформлением учебных комнат, то каким-то событием. Кафедра биологии запомнилась мне и речным окунем, которого впервые пришлось вскрыть по-научному, а потом и зарисовать, кафедра гистологии – по обилию препаратов, которые мы в конце-концов определяли даже без помощи микроскопа, кафедра физиологии – лягушками, а патофизиологии – белыми мышами. Вдохновенные темные глаза Авроры Павловны воскрешают воспоминания о философии и сложных законах движения материи, а образ Леонарда Степановича – о политэкономии. Но все же вершиной недоступности нам и сейчас кажется топографическая анатомия, читаемая профессором С.И. Елизаровским, где на экзаменах можно было перепутать вообще все на свете, и «Неву и вену».

– После топографической, – улыбаясь, говорил В.Ф. Байдалов, – можно, ребята, и жениться.

Признаюсь откровенно, учиться на первых курсах нам было действительно трудно. Лишь когда прошли экватор – третий курс – почувствовали себя увереннее. А когда пошли клинические кафедры, появилась способность не только запоминать, но и мыслить.

Лекции по общей хирургии профессора Г.А. Орлова нельзя было не слушать. На них нам показывали цветные слайды. Напротив, профессора Б.А. Барков и В.Ф. Цель предпочитали пользоваться таблицами. По терапии нам читали Н.Ф. Архипова, А.И. Миркин, М.П. Смирнова. Зав. кафедрой лор-болезней профессор И.В. Фила-

тов был строг к дисциплине студентов на лекции, но на экзаменах иногда ставил пятерки.

На кафедре акушерства и гинекологии, идя на экзамены, нам полагалось особенно хорошо знать щипцы для экстракции, которые изобрел сам зав. кафедрой профессор Я. И. Русин, на кафедре кожных болезней перед сессией мы с особым усердием штудировали красный лишай, а на кафедре нервных болезней – шейный остеохондроз. И нельзя не вспомнить, что глазные болезни нам читал сам С.Н. Федоров, который тогда еще был далек от мировой известности, но уже пересаживал хрусталики.

Было в жизни нашего курса и то, что не было предусмотрено никакими учебными программами. На первом курсе и до конца мы все устойчиво поделились на тех, кто на лекциях сидел всегда впереди: это Е.Ф. Мухина, С.С. Улей, М.А. Гришина, Л.П. Осипова, А.Ф. Дурынина, Р.А. Жилина; и тех, кто всегда предпочитал сидеть на последних рядах: А.В. Окуловский, А.П. Шиян, Г.И. Заубер, В.А. Пестов, И.Г. Гневашев.

Самым заметным студентом нашего курса был Г.Н. Медведев, самых красивых девушек звали Валериями, самой популярной песней у нас была «Золотаюшка» и самыми известными ведущими курсовых вечеров В.А. Ивашков и В.И. Фарбер.

Движение, перемещение и деление на группы внутри курса у нас происходило все время. Вначале как-то выделялась своей сдержанностью и серьезностью группа тех, кто пришел в институт уже со стажем: Н.Г. Дурынин, И.П. Егоров, Г.В. Федорков, В.Г. Карпеченко и др. Монолитно выглядела и группа спортсменов: Г.И. Овденко, В.И. Фарбер, А.П. Зайцев, Т.С. Голикова, Б.А. Гаевский и др. На третьем курсе появилась группа «ученых»: Е.И. Кононов, В.А. Кудрявцев, В.Д. Захаров, Р.Л. Протасов, Л.В. Бирюкова, И.А. Савельева и др. Они выступали с докладами на научных конференциях, работали на кафедрах.

– Ну, а любовь?

– Она тоже была, и, как детская болезнь, поражала то одного, то другого, а то и нескольких сразу. И, как осложнение этой болезни, к концу III–IV курсов у нас стали появляться обособленные семейные пары: Башлыковых, Верещагиных, Шестаковых, а потом Сахаровых, Дроздовых и так далее.

Да, конечно, еще были работа на картошке, дежурства в поликлиниках и поездки на практику.

Двадцать лет прошло, изменились мы здорово. Спортсмены почему-то стали хирургами, красавцы – психиатрами и акушерами, люди солидные с опытом – главными врачами, а ученые – кандидатами медицинских наук.

Готовимся встретиться 15 июня, идут письма со всех концов страны: Москвы, Сахалина, Мурманска, Жданова, Ташкента, Вологды, Нарьян-Мара, Сыктывкара. Вспомним еще раз всё, поклонимся стенам родного института, скажем «спасибо» преподавателям, которые учили и воспитывали нас, как быть должно.

2. Они снова встретились через 45 лет*

Встреча выпускников АГМИ 1964 года состоялась 7 ноября в стенах нашего университета. Из более чем 200 студентов курса на встрече было 11 человек. Прошло 45 лет, все уже на пенсии, но многие еще продолжают трудиться и полны оптимизма. Встретиться хотели, конечно, многие, но экономические трудности докторов-пенсионеров не позволяют совершать перелеты из разных концов страны и даже зарубежья. Да и информацию о встрече разместили только в «Одноклассниках». Действительно, у выпускников нашего курса было всесоюзное распределение, и многие сразу же оказались в разных концах необъятного Советского Союза: в Прибалтике, на Украине, Белоруссии, Казахстане и других бывших союзных республиках, да и по России разъехались от Калининграда до Владивостока. В основном на встрече были те, кто остался в Северодвинске и Архангельске.

Наш выпуск примечателен тем, что первые два курса мы учились по свободному расписанию. Кому в то время в Министерстве образования пришла в голову эта мысль – мы не знаем. Но была у нас тогда и свобода, и демократия. Студенты сами выбирали, на какую кафедру и когда идти отрабатывать практические занятия и сдавать

---

* Медик Севера. 2009. 7 ноября.

теорию: зачеты и экзамены. Это был жесткий отбор. Инициативные, организованные и способные студенты получали большие преимущества. Помниться, что некоторые из них за месяц до сессии уже получали все зачеты и имели возможность заниматься в научных кружках и готовиться к сессии, но были такие, которые не очень спешили с посещением кафедр. Отсев неуспевающих был большой, но в резерве были кандидаты в студенты, многие из которых после первой же сессии были переведены в студенты. Тогда обсуждалась даже мысль вообще зачислять всех желающих на первый курс института и после отбирать достойных. Однако свободное расписание после второго курса нам отменили. Как было сказано – по идеологическим мотивам: стало трудно воспитывать студентов на принципах коллективизма.

Конкурс в АГМИ был тогда большой, но многим повезло – как раз в том 1958 году открылся стоматологический факультет. С того времени вместе с лечебниками стали заниматься и стоматологи. Появились и новые профессора Ярошенко, Збарж, основатели новых кафедр. Как справлялись преподаватели с потоком студентов, представить трудно. Тем более, что не было ни второго корпуса АГМИ, где сейчас кафедра физиологии, ни тем более нового, где сейчас библиотека. При этом вся химия располагалась на втором этаже, а руководство института и кафедра анатомии – на первом. Однако свободное расписание научило многому. Возможно, благодаря этому были заложены основы самостоятельности и инициативы студентов.

Несмотря на трудности со свободным расписанием на многих кафедрах были научные кружки. Самыми активными в этом отношении были кафедра биохимии, общей хирургии, патофизиологии.

Интерес нашего поколения студентов к открытиям и науке, которая и определяет прогресс человечества, не был случаен. Еще в школе у нас наиболее популярными были журналы: «Знание – сила», «Техника молодежи», «Химия и жизнь». Именно в ту пору в области науки СССР, так именовалась тогда наша страна, было можно сказать – «впереди планеты всей». Главным направлением – освоение космоса, все было впервые – выход за пределы земного притяжения, первые спутники, а когда мы учились на третьем курсе, в тот день у нас было занятие по патофизиологии, запустили в космос Ю. Гага-

рина. Энтузиазм, ликование, воодушевление было необыкновенным. Научные достижения широко освещались в центральной прессе, на телевидение, кстати, телевизоры тогда были только черно-белые.

Архангельск, АГМИ тоже стремился к научному прогрессу. Больше всего на всю страну АГМИ прославил офтальмолог профессор С.Н. Федоров и его сподвижник В.Я. Бедило. С.Н. Федоров впервые в мире создал и пересадил искусственный хрусталик, а В.Я. Бедило разрабатывал искусственную роговицу глаза. Один из вариантов своего хрусталика он так и назвал «Спутник» – фиксирующие опоры этого хрусталика напоминали антенны первого спутника.

Новые научные достижения в области хирургии демонстрировала и кафедра общей хирургии под руководством профессора Г.А. Орлова. На кафедре общей хирургии студенты работали на самых передовых рубежах науки – изучали и внедряли новый шовный материал, участвовали в разработках операций на сердце, внедряли новые методы тепловидения, изучали действие холода на организм.

Ректор АГМИ и зав. кафедрой патологической физиологии профессор В.Д. Дышловой с участием большой группы аспирантов и молодых ученых объединились в одном – изучении опухолевого роста. Они разрабатывали новое направление в онкологии – рассматривали рост опухоли как итог физиологических изменений всего организма.

На кафедре биохимии студенты под руководством заведующего профессора М.Д. Киверина изучали тоже впервые функцию кожи и витамин С, которого, конечно, на Севере не хватало, – в молоке, в продуктах студенческой столовой и даже в картошке и овощах, если их долго хранить. Итогом работы было внедрение – искусственное обогащение всех блюд для студентов.

Тогда и тоже впервые (правда, в истории АГМИ) выделили три места в аспирантуру для выпускников нашего курса. Со студенческой скамьи и сразу в аспирантуру!!! На кафедру биохимии был принят Е.И. Кононов, на кафедру патофизиологии – Р. Протасов, а на кафедру общей гигиены взяли меня. Кстати сказать, мы все успешно справились и в срок защитили диссертации.

Многие выпускники 1964 года нашего лечебного факультета достигли больших успехов в своей деятельности. Прежде всего, хочет-

ся вспомнить Валерия Александровича Кудрявцева, в студенческие годы просто Валера. Его тогда увлекала нормальная физиология, где он даже подрабатывал в качестве лаборанта и проводил демонстрационные операции на животных. После окончания он, однако, увлекся детской хирургией, прошел ординатуру в Ленинграде, поработал в родном Шенкурске, а потом пришел на кафедру педиатрии, защитил кандидатскую диссертацию. Он внес большой вклад в развитие педиатрического факультета, в планирование новой детской областной больницы, создание кафедры детской хирургии, которой заведовал. Ему было присвоено звание профессора и звание почетного гражданина города Архангельска и Шенкурска. Он стал первым выбранным на конкурсной основе ректором АГМИ. В последние годы он планировал создать на этой кафедре детской хирургии лабораторию клеточных культур с тем, чтобы использовать клеточные технологии для лечения детей с онкологическими заболеваниями. Однако жизнь его оборвалась трагически.

Достаточно известными учеными в области офтальмологии стали В. Захаров и В. Зуев – они были активными кружковцами кафедры офтальмологии еще в Архангельске у С.Н. Федорова. Валерий Захаров даже подрабатывал на этой кафедре в качестве лаборанта. Он стал соавтором изобретения – одного из вариантов искусственного хрусталика. Уезжая, профессор С.Н. Федоров взял несколько бывших членов студенческого кружка с собой в Москву, где они защитили кандидатские и докторские диссертации, стали ведущими специалистами.

Конечно, часто бывало так, что студенты переходили из одного научного кружка в другой. Лично я таким образом побывал на ряде кафедр. На первом курсе я оказался в кружке на кафедре общей химии, где зав. кафедрой Ведринский дал мне почему-то доклад по митогенетическому излучению. Готовя доклад, я познакомился с загадочным излучением клеток, которое открыли профессор Гурвич и его ученик С.Я. Залкинд, о котором я раньше не знал. Однако самому изучить это явление условий на кафедре химии не было, и уже на втором курсе я оказался в кружке общей хирургии, где в течение двух лет изучал реакцию тканей на нейлоновый шов и сделал доклад, но с другой работой – кровоснабжение сухожилия двухглавой

мышцы плеча – не справился, может быть, по причине отъезда профессора Г.А. Орлова в Бирму. Тогда я перешел уже вместе с Галиной Серафимовной в научный кружок общей факультетской терапии, где Т.Н. Иванова дала нам задание изучать ЭКГ у больных инфарктом. Затем я уже самостоятельно побывал в кружке у А.С. Шадрина, где изучали причину вспышки холеры в Соломбале и далее каким-то образом по приглашению Р. Протасова попал в кружек В.Д. Дышлового, где участвовал в групповом изучении опухолевого роста у морских свинок. Я совместно с аспирантом Э.В. Никандровой изучал влияние эстрогенов на опухолевый рост. У меня на пятом этаже был свой огромный стол посреди зала, и в колбе жила мышка, за которой я присматривал. У Виктора Демьяновича я продолжил освоение морфологических методик, познакомился с клеточными культурами, купив по случаю книжку Д. Пола «Культура клеток и тканей», и впервые увидел клетку под люминесцентным микроскопом, окрашенную акридиновым оранжем. Одновременно я интересовался и методами изучения озона в воздушной среде, начитавшись работ Чижевского. Благодаря такому разнообразию к концу окончания института я был достаточно знаком с методами научного поиска, особенно в морфологии, а также значением статистики, роль которой еще только стала пониматься. Мне кажется, я был готов к научному поиску.

Среди заметных личностей нашего курса был и студент Соловей, которой затем ушел в военно-морскую медицинскую академию и плавал на подводной лодке в качестве врача. А однажды, когда в дальнем походе он оказывал хирургическую помощь матросу, в его отсеке вспыхнул пожар, и он свой кислородный прибор отдал больному. За этот подвиг, за эту жертвенность собой ради жизни больного ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

На нашем курсе учились и будущие депутаты, и ведущие специалисты областного и городского масштаба, заслуженные врачи и специалисты самых разных профессий. А всего на курсе было более 200 студентов. Мы жили в Советском Союзе, и среди нас были сразу два студента с фамилией Ленин, были кандидаты в мастера спорта по борьбе Овденко и Фарбер, был и студент Арзубов, будущий нарколог, которого обожавшие его девушки-отличницы чуть не под конвоем водили на пересдачу экзаменов почти на каждой кафедре.

И как было не вспомнить на встрече экзамены у профессора Киверина, страстного болельщика команды «Водник», когда победа любимой команды была поводом для мечты о положительной оценки на экзаменах, или заведующую кафедрой физики Софью Николаевну Мерцалову, которая, по мнению студентов, просто обожала весенние цветы, а профессора Г.А. Орлова, который (по слухам) мог выбросить зачетку лентяя прямо за окно.

Вспомнили мы и курсовые вечера, обязательный элемент студенческой жизни на протяжении шести лет. Должен сказать, что и здесь мы были одни из первых. Именно в наше время появились «стиляги». Конечно, в чистом виде их у нас по известной причине не было, но брюки-дудочки, синтетические зеленые галстуки с мартышками, прически под Тарзана со взбитым коком впереди, широкоплечие пиджаки и туфли с толстой подошвой – все было. А кто на вечере мог «сбацать» рок-н-рол или буги-вуги, да еще под звуки песен Пресли – тот вообще сразу становился кумиром, тем более что это пресекалось дежурными, хотя и не сразу. А обычно все мы танцевали фокстрот и танго, реже вальс парами. Иногда разрешалось приглашать на танец и девушкам. В принципе мне и сейчас непонятно, какой интерес у современной молодежи под музыку прыгать в одиночестве среди толпы тоже активно прыгающих.

Следует еще добавить, что были среди нас и те, кто занимался малым бизнесом. Тогда в моду входило все заграничное, и вот, кто знал английский и мог общаться с иностранными моряками, тот мог и заработать на перепродаже. В моде была не только одежда, джинсы, но и шариковые ручки, электронные часы, мини-радиоприемники и даже жевательная резинка. Правда, раньше все это называлось фарцовкой, спекуляцией и жестоко преследовалось. Сейчас трудно себе представить, но в то время еще не было мобильников, ноут- и нетбуков, блютуза и интернета, флешек CD и DVD, а по улицам Архангельска ходили трамваи. В общем, ничего современного еще не было.

В общем, было нам о чем поговорить на встрече. Сфотографировались мы на память, посетили музей, лекционный зал им. профессора В.А. Кудрявцева и академика С.Н. Федорова, у которого мы все учились и сдавали экзамен. Многие из нашего выпуска стали глав-

ными врачами (В. Карпеченко, С. Верещагин) и даже депутатами (В. Ивашков), докторами наук и профессорами (Е. Кононов, В. Пащенко, К. Башлыков и др.), кандидатами наук и доцентами Г. Герасимова, Р. Протасов, Т. Басова, Л. Медведева). Кафедрами СГМУ заведовали Е. Кононов, В. Пащенко, Ю. Боголицин. Мы учились у таких профессоров, как И.Н. Маточкин, М.Д. Киверин, С.И. Елизаровский, И.В. Филатов, Б.А. Барков, В.Ф. Цель, Я.И. Русин, Н.С. Мисюк, С.П. Сперанский и др.

Встречу мы завершили в уютном арт-кафе СГМУ. В итоге решили продолжить традицию и продолжить встречи именно 7 ноября, как призывал нас к этому на одной из встреч В.А. Кудрявцев!

3. Годы исканий и свершений*

В ноябре родные, друзья, коллеги отметили 60-летие профессора кафедры нормальной физиологии АГМА Владимира Петровича Пащенко.

Владимир Петрович Пащенко – выпускник Архангельского мединститута. Выбор профессии не был случаен, ведь его мать Батыгина Надежда Ивановна тоже окончила этот вуз и работала ассистентом кафедры общей хирургии. Однако медицинское направление сына оказалось иным: еще в школе он решил, что будет заниматься наукой. Достижения ученых Советского Союза в области атомной физики, биологии, освоения космоса привлекали в то время молодежь к творческому поиску.

Уже на первых курсах института студент Пащенко помимо учебы активно занимался в студенческих научных кружках на кафедрах химии, общей хирургии, патанатомии, госпитальной терапии, гигиены, патологической физиологии. За время учебы выполнил ряд научных работ под руководством профессоров С.П. Сперанского, Г.А. Орлова, В.Д. Дышлового, доцента М.Б. Раппопорта. Был постоянным участником научных студенческих конференций.

---

* Медик Севера. 1998. 28 декабря.

Вполне естественно, что после окончания института в 1964 году одаренному выпускнику предложили остаться в аспирантуре при кафедре общей гигиены. Здесь им была выполнена первая серьезная научная работа по изучению влияния сероводорода и метилмеркаптана на активность АТФ-азы органов и крови животных. Защита кандидатской диссертации состоялась в Ярославском медицинском институте в 1968 году.

После аспирантуры Владимир Петрович десять лет занимался научной работой в Проблемной лаборатории по изучению акклиматизации человека на Крайнем Севере, где прошел путь от младшего научного сотрудника до руководителя коллектива. Основные его научные интересы были связаны тогда с исследованиями влияния геофизических факторов Европейского Севера на организм человека, с изучением особенностей состояния сердечно-сосудистой системы у рабочих промышленных предприятий Крайнего Севера. В частности, он организовал изучение состояния здоровья болгарских рабочих, участвующих в строительстве третьей очереди Архбумкомбината.

В этот период был освоен и внедрен в практику лаборатории метод тканевых культур. Завязались творческие отношения с известными учеными: профессором С.Я. Залкиндом, академиками П.Д. Горизонтовым и А.П. Авцыным, некоторыми сотрудниками Института цитологии АН СССР. Проводились совместно с Институтом морфологии человека АМН СССР экспедиции на Север. Активную помощь в этой работе молодому ученому оказывал профессор Г.А. Орлов.

Не без участия Владимира Петровича в Архангельске в 1978 году был открыт и первый на Европейском Севере Архангельский филиал НИИ морфологии человека АМН СССР, где он возглавил лабораторию тканевых и клеточных культур. Это расширило его творческие возможности: он участвует в ряде экспедиций на Крайний Север, совместно с другими сотрудниками филиала и кафедрой торакальной хирургии занимается изучением особенностей патологии верхних дыхательных путей, биологических свойств крови в процессе акклиматизации на Крайнем Севере. Совместно с П.И. Сидоровым проводит работу по изучению патогенеза алкоголизма методом тканевых культур. В сотрудничестве с профессорами Н.П. Бычихиным

и В.Н. Блюмкиным участвует во внедрении способа трансплантации культур β-клеток для лечения больных сахарным диабетом в Архангельске. С лабораторией биофизики ИКЭМа (Новосибирск) занимается изучением влияния геофизических факторов на животные клетки в культуре. В этот период были собраны и первые данные о долгожителях Европейского Севера.

С 1988 года В.П. Пащенко вновь сотрудник Архангельского медицинского института – сначала в ранге ассистента кафедры нормальной физиологии, а в 1994 году ему присваивается звание доцента. В том же году защищает докторскую диссертацию по проблемам влияния экстремальных факторов на рост тканей при культивировании. В 1996 году ему было присвоено звание профессора.

В списке творческих достижений профессора В.П. Пащенко 85 опубликованных научных работ, выступления на всесоюзных и республиканских конференциях, две изданные книжки: «Север и Ваше здоровье» и «Долгожители Европейского Севера» (написана совместно с проф. Н.П. Бычихиным).

Он автор 5 изобретений, 10 рационализаторских предложений, многочисленных публицистических выступлений в газетах «Правда Севера», «Северный комсомолец», «Медик Севера», «АТК», а также на радио и телевидении (всего около 200 публикаций) по проблемам сохранения здоровья северян, долголетия, экологии.

В настоящее время он является членом Ученого совета АГМА, ответственным секретарем журнала «Экология человека».

Профессор В.П. Пащенко умело сочетает с научной работой педагогическую деятельность. Старается передать свой большой опыт студентам, привлекая их к научному поиску. Целый ряд студенческих научных работ, выполненных под его руководством, получили высокую оценку.

Продолжается творческое научное сотрудничество с кафедрой датской хирургии, торакальной хирургии, наркологии и психиатрии, фармакологии. В последние годы Владимир Петрович постоянно привлекается экспертом докторских и кандидатских диссертаций в качестве рецензента и оппонента.

В молодости Владимир Петрович с увлечением занимался спортом: легкой атлетикой, лыжами, плаванием, играл в бадминтон. Еще

его знают как хорошего фотографа и художника – несколько его картин находятся в музее академии. А сейчас у него новое увлечение – компьютер и компьютерная графика. По мнению Владимира Петровича, будущее человечества, возможность реализовать его надежды на бессмертие – это жизнь в виртуальном мире. Увлечения отца разделяют и его дети: дочь Елена– врач-невропатолог и сын Андрей – студент АГМА, они нередко тоже становятся участниками и соавторами его работ. Есть сейчас у Владимира Петровича и еще одно увлечение, которое с удовольствием разделяет его жена Галина Серафимовна, – работа на приусадебном участке.

Сотрудники нашей кафедры поздравляют профессора В.П. Пащенко с юбилеем и желают ему дальнейших успехов в жизни, новых творческих увлечений, здоровья и счастья.

Коллектив кафедры нормальной физиологии АГМА

4. О прошлом, настоящем и будущем*

В конце ноября 1998 года профессору кафедры нормальной физиологии АГМА В. П. Пащенко исполнилось 60 лет. Многие северяне знают его по публикациям в газетах о здоровье и долголетии человека на Севере, публицистическим выступлениям. Он автор 85 научных работ, пяти изобретений в области технологии клеточных культур, книги «Север и Ваше здоровье», соавтор книжки «Север и долголетие». 60 лет – повод задать ученому вопросы о прошлом, настоящем и будущем.

– Владимир Петрович, несколько слов о Вашей биографии.

– Биография довольно простая. Родился в Архангельске, детство провел в деревне Порозово Вологодской области. Учился в 23-й средней школе Архангельска, а в 1958 году поступил в Архангельский медицинский институт, потом стал в этом же институте работать. Десять лет в Проблемной лаборатории по акклиматизации человека

* Поморское вече. 1998. 16 декабря.

на Крайнем Севере при АГМИ, потом почти 10 лет в Архангельском филиале Института морфологии человека АМН СССР и вот опять 10 лет на кафедре нормальной физиологии АГМА.

– Владимир Петрович, вот Вы сказали, что учились в 23-й школе. А знаете, что учителя наших школ бастуют? Не получают зарплаты?

– Это какой-то абсурд наших дней. Просто невозможно найти этому оправдания.

– Чем запомнились школьные годы?

– Нужно сказать, что мы жили в совершенно другое время. Окончилась война. Были громадные очереди за хлебом, мукой, сахаром, но господствовал дух Победы. Все понимали, что трудности временные. Действительно, улучшения в жизни происходили год от года. Учились мы в строгости, никаких сексуальных программ воспитания. Даже с девочками учиться стали вместе только в 8-м классе, когда нас объединили. О том, что ученица какой-то школы в 9–10-м классе забеременела, передавалось как ЧП областного масштаба. О венерических заболеваниях тоже ничего не знали. Рок-н-ролл и стиляги были, но мало. О свободе и демократии тоже имели смутное представление. А о том, что зарплату могут не выдать, даже не думали – невозможно было себе это представить.

– Но ведь и духовные ценности, и цели тогда у молодежи были другие?

– Мы жили в самой сильной стране мира, где господствовал дух справедливости – каждому по труду. В средних и старших классах большое влияние на наше воспитание оказали успехи Советского Союза в науке. Это испытания ракетной техники, успехи в космосе, электронике, медицине, сельском хозяйстве, химии. Многие стремились стать инженерами, получить надежную профессию. Кстати, еще в 10-м классе я купил маленькую книжку «Жизнь в пробирке» профессора С.Я. Залкинда. Потом уже после окончания института я познакомился с этим профессором и вот уже более 20 лет занимаюсь этими проблемами – жизнью клеток организма в пробирке.

Наиболее авторитетными людьми были для нас герои войны, ученые, писатели, журналисты, изобретатели, учителя, врачи, спортсмены, артисты. Негативное отношение формировалось к предателям,

спекулянтам, фарцовщикам, стилягам, пьяницам, бездельникам и прочему криминалу. О существовании доллара знали, но даже на картинках его не видели. Но невозможно было себе представить, что кто-то из школьников того времени пожелал бы быть путаной или киллером.

– Во времена хрущевской «оттепели» Вы окончили школу. Что из той поры более запомнилось?

– Подрыв веры в авторитет КПСС начался с Никиты Хрущева. Тогда нас, школьников, привлекали к уборке кукурузы. Был я свидетелем и ликвидации коров в городе Архангельске, а потом был опубликован план построения коммунизма. Затем последовал провал с совнархозами. Но уверенность в силе и могуществе Советского Союза не подвергалась сомнению. Советский Союз, достижения наших ученых уважали везде. Яркий пример тому архангельский профессор Г.А. Орлов, который с успехом выступал во многих странах Европы и Америки. Мы знали, что Советский Союз – это страна ученых, страна научного прогресса. Так вспоминается прошлое.

– А что Вы думаете о настоящем?

– Что касается настоящего, то многое для меня остается загадкой. Есть несколько непонятных для меня явлений в нашей действительности. На многие стороны жизни я смотрю с точки зрения физиологии. Сравнивая наше государство с живым организмом, замечаются какие-то несуразности нашего бытия. Кроме причин отсутствия зарплаты, хотелось бы, например, узнать, куда же все-таки были истрачены деньги МВФ, бесконечные транши? Японцы, понятно, брали в займы на новые технологии. Послевоенная Европа вкладывала деньги на восстановление промышленности. А куда у нас? Еще вопрос: если деньги не дают, то ясно, что население не может покупать товары. А если товары не покупают, то зачем что-то производить? Нельзя не согласиться с Кохом, который недавно заявил, что Европе Россия не нужна, там и так все есть. Зачем же тогда так упорно Россия пытается туда влезть? Кроме того, совершенно очевидно, что Европа фактически управляется сейчас социалистами. Капиталистическая Россия теперь просто опасна, она может обрушить там всю экономику. Последним символом торжества отечественной науки является станция «Мир», которую почему-то собираются затопить. Непонятно также, почему целых

три якобы независимых телеканала вещают из Москвы и передают синхронно почти одну и ту же информацию, одно и то же. Вполне можно было бы местное телевидение сделать постоянным наравне с центральными каналами. Почему закрыли ленинградский канал? Что-то во всем этом не так. Все это очень странно.

– Чем, на Ваш взгляд, вызван экономический кризис в России?

– Следует сказать, что экономическая модель, навязанная искусственно России, позаимствована на Западе – это США, Англия. Несуразность заключается в том, что Россия – огромная по территории страна с разными экономическими условиями. Перевозки – очень дорогое удовольствие. Далее, это северная страна, где очень много тратится топлива на поддержание оптимальной для человека температуры в пределах +20 °С. Организму нужно много энергии, чтобы согреться, и нужны теплые одежды. Это много говорит о том, что по сравнению с Западом и Америкой мы проигрываем. Советский Союз имел определенное преимущество за счет плановой экономической системы. Строились гигантские заводы, где все производилось в одном месте и дешевле (например, автомашины), не нужно было перевозить. На Западе можно было на это не обращать внимания – там высокая плотность населения, климат теплый, страна маленькая. А у нас для большого комбината строились целые города. Нынешняя экономическая система, может быть, эффективно и работала, но если бы Россия была где-то в пределах Золотого Кольца или центральной Европейской зоны. Сейчас фактически огромные районы Сибири, Камчатки, Дальнего Востока, Европейского Севера оказались ненужными, убыточными.

– Вместо роста производства, продукции сельского хозяйства, стимуляции развития науки произошел рост финансовых структур, сферы обслуживания, чиновников, которые ничего не производят и ничего не продают, но именно они получили основную часть денежного капитала. Но спекуляция денежными знаками и ценными бумагами вряд ли способна принести стране прибыль.

– Все это было похоже на наркотический кайф. Финансовый и экономический провал 17 августа показал нереальность прежнего

экономического курса. Россия оказалась в долгах, экономической зависимости. Безответственные руководители, возможно, рассчитывали, что весь этот обвал произойдет после, к 2000 году, и долги отдавать придется кому-то другому, но все произошло быстрее.

– За последние годы обесценился труд ученых, учителей, врачей, изобретателей, производителей конкретной продукции, работников сельского хозяйства. Выросла роль финансистов, банковских работников, тех, кто покупает и перепродает.

– Наиболее известный ученый у нас сейчас изобретатель Калашников, творец автоматов. Вероятно, Россию хотели научить плавать в рыночной экономике, выбросив ее с лодки в воду. Но огромная Россия почему-то пошла ко дну, и спасать ее никто не торопится, а даже, как бы наоборот, пытаются утопить. На мой взгляд, Россия может успешно развиваться и даже конкурировать с Западом только на основе смешанной планово-рыночной экономики. Плановой в крупном производстве и рыночной в мелком хозяйстве. Но ей потребуются еще десятилетия для восстановления разрушенного хозяйства.

– Сейчас также остро стоит вопрос о целостности России. Некоторые губернаторы и президенты республик России думают, что им было бы лучше полностью отделиться от центра. Кто-то из них считает, что без Камчатки мы обойдемся и без Курильских островов тоже. Может быть, даже лучше будем жить?

– Конечно, это приведет к дальнейшему ослаблению каждой из этих новых стран. Но вот что странно. В России много различных национальных республик, где стоят национальные правительства, и только русские в федеративной России ничего подобного не имеют, это, естественно, приводит к ущемлению нации. Вероятно, такую республику образовать надо со своим национальным правительством на территории, где больше всего русских. Мне кажется, в России можно было бы образовать штаты или территории (раз уж мы во всем подражаем Америке). В этом случае угроза выхода и распада России была бы значительно меньше. Здесь также очень правильное мнение высказал по центральному ТВ наш губернатор Ефремов: в России нужна железная вертикаль управления. Губернаторы должны назначаться или выбираться, но и освобождаться, если плохо работают или ведут себя не в интересах России.

– Не удивляет ли Вас то, что нынешние зарплаты у работающего населения несравнимо мизерны по отношению к зарплатам чиновников?

– Наша зарплата, видимо, рассчитывается из каких-то абстрактных идей. Помнится, ликвидация коров в частном секторе при Хрущеве тоже обосновывалась тем, что эти коровы отвлекают человека-труженика от производительного труда в колхозе. Видимо, эта идея нашла своих сторонников и теперь. Между тем наблюдения показывают, что если не платить регулярно, то люди вообще перестают работать. Необычно большие диспропорции в зарплате высших и низших уровней населения, невиданные в цивилизованных государствах, видимо, обоснованы тем, что ведущую роль играет руководитель, начальник, а не производитель конкретного продукта. В организме человека тоже имеет место определенная диспропорция в потреблении. Например, клетки мозга и клетки сердца потребляют гораздо больше питательных веществ, кислорода, но это обусловлено реальными экономическими затратами и характером трудовой деятельности. Умственный труд учителей, врачей, ученых не менее ценен, чем тех, кто определяет финансовые потоки.

– Как Вам видится будущее России?

– При дальнейшем ослаблении России очень велика опасность оказаться в конце концов в роли Ирака. Россия – склад устаревшего ядерного оружия. В случае нестабильности, гражданской войны вполне могут возникнуть идеи у мирового сообщества взять под контроль это оружие. И контроль этот может сопровождаться экономическими санкциями. Велика опасность и военных конфликтов с пограничными государствами. Здесь очень легко манипулировать ситуацией. Раздел СССР осуществлен очень непродуманно.

– Что Вы думаете о новых президентских выборах?

– Я как физиолог, врач, считаю, что очень опасно доверять руководство такой сложной страной, как Россия, одному человеку. Весь мой опыт, наблюдения за руководителями свидетельствуют, что неограниченная власть одного человека очень опасна и ни к чему хорошему не ведет. Человек очень ненадежное существо. Вспомните ошибки Сталина, Хрущева, Брежнева и, наконец, теперь Ельцина. Руководитель страны должен быть под реальным контролем. В свя-

зи с этим я лично голосовал бы за парламентскую республику со строгой отчетностью правительства. Чем чаще происходит смена высшего руководства, тем лучше. Руководитель должен немедленно освобождаться, как только допустит ошибку.

– За кого бы Вы не стали голосовать?

– На пост президента ни в коем случае нельзя выбирать человека со странностями в поведении, он должен проявить высокую устойчивость нервной системы, уравновешенность характера, высокую степень образованности и специальные знания в экономике. Я не доверяю личностям. Вообще, нужно выбирать не личность, не человека, а нужно выбирать программу, план действия, план выхода из кризиса. Гарантией является принадлежность к партии. Гарантией контроля. Я бы не голосовал за того, кого усиленно пропагандируют СМИ.

– Тогда за кого же?

– Следует голосовать за человека, склонного к коллегиальному мышлению, аналитическому подходу к проблемам. Я пока вижу только двух человек, демонстрирующих эти качества, – это Селезнев, председатель Госдумы, и нынешний премьер Примаков. Я не очень разбираюсь в националистических эмоциях, и мне нравится позиция Лукашенко, в свое время симпатизировал Хасбулатову. Что касается московской элиты, то она всегда высокомерно относилась к провинции, и в провинции об этом тоже знают.

– Значит, сделать выбор не так-то просто?

– К сожалению, наше население еще не научилось выбирать себе руководителей и законодателей. Большинство считают, что лучше в знак протеста вообще не голосовать. Позиция известная: «А мне все равно!» Кроме того, значительную часть избирателей составляют женщины. Они более эмоциональны и голосуют как бы за красивого, с их точки зрения, человека, голосуют за своего партнера. Мужчины тоже порой поступают, ориентируясь на эмоции и голосуя, как бы определяют свою принадлежность к сильному претенденту – за кого все. А это и приводит к самым печальным последствиям. Побеждают хорошо раскрученные претенденты. Ну а потом все кого-то ругают, а виноваты в общем-то сами.

Беседовал Владимир МАРКОВ.

5. В ожидании перемен*

Указ Президента СССР «О государственной программе развития высшего образования в СССР» предусматривает радикальные преобразования высшей школы, укрепление ее кадрового потенциала, демократизации и гуманизации высшего образования, использование информационной технологии, переоснащение материально-технической базы, изменение финансирования и расширение самостоятельности учебных заведений.

Представленные в Указе установки, а также выступление М.С. Горбачева на всесоюзной встрече ректоров 11 мая 1990 года говорят о том, что назрели глубокие преобразования. Настала необходимость изживания «уравнительной психологии», «старых, отживших мировоззренческих идеологических и экономических комплексов», настала пора работы «в условиях политического и экономического плюрализма, отмены политического монополизма КПСС». Выпускники высшей школы должны быть подготовлены к работе в условиях рынка.

В полной мере эти положения касаются и работы медицинских вузов, в том числе и Архангельского медицинского института. Все это вызывает глубокие раздумья. Необходимость перемен не вызывает сомнения, но в связи с этим возникают и новые проблемы. Попытки преобразований часто встречают значительное сопротивление со стороны старых сложившихся структур и стереотипов. Так, например, на ФПК во 2-м МОЛГМИ нам сообщили о безуспешной инициативе использовать в этом головном институте более прогрессивную форму преподавания дисциплин, основанную на системном подходе. Широко используемая в западных странах методика была единогласно отвергнута советом вуза, так как была обусловлена необходимостью изменения структур кафедр.

Наиболее существенными недостатками нашего высшего образования являются его скованность, утверждаемая сверху однотипность. Студенты наших вузов не обременены необходимостью проявлять инициативу в обучении, планировать свое время, думать

---

* Медик Севера. 1990. 2–8 июля.

о ближайшем и отдаленном будущем. В самом деле, среди преподавателей есть твердое убеждение, что сознательность студентов так низка, что если не спрашивать, не контролировать, не отмечать, то студенты разбегутся и заниматься не будут. По этой причине внедрение свободного посещения лекций также вызвало всеобщее недовольство заведующих кафедрами.

Попытки преобразований в вузах уже предпринимались. Так, в АГМИ в 1959–1960 гг. студенты (в том числе и автор этой заметки) прямо с первого курса стали заниматься «по свободному расписанию». В хрущевскую «оттепель» каждый студент сам выбирал порядок отработки практических занятий на кафедрах. Действительно, здесь в полной мере проявились самостоятельность, инициатива, предприимчивость. Некоторые студенты за месяц до сессии успешно справлялись с программой, сдавали все зачеты. Но были и такие, которые в силу своей неорганизованности делали большие долги. В результате резко увеличился «отсев» из института, который восполнялся за счет принятых «кандидатов». Одной из причин ликвидации этой системы была такая: «У студентов ослабла связь с группой, коллективом, возникли трудности их воспитания». Система свободного расписания не была лишена недостатков, однако инициативу и самостоятельность она воспитывала в полной мере.

В последнее время у нас опять входит в моду самостоятельность студентов. Вероятно, сокращение числа обязательных лекций в настоящее время все же правильно: сейчас учебников и руководств в библиотеках более чем достаточно. Однако, думается, было бы целесообразно одновременно более широко предлагать студентам факультативные лекции на основании предварительной записи на них студентов (по новейшим достижениям науки, наиболее трудным вопросам). Кстати, по предварительной записи студентов могли бы проводиться на кафедрах семинары, конференции по отдельным темам. Однако в этом случае «самостоятельная работа студентов под контролем преподавателя» по удельному весу должна была бы занимать не 22 %, а 50–70 %. Шире следует внедрять и систему подготовки дипломных работ, научных исследований студентов.

В настоящее время число кафедр и курсов в вузе строго регламентировано и на открытие новых требуется даже утверждение мини-

стерства. И здесь, несомненно, нужна большая самостоятельность. В европейских университетах, например, наряду с обязательными кафедрами, курсами есть и такие, которые студенты выбирают сами. Многие из них определяются «спросом», потребностями сегодняшнего дня. Большая самостоятельность вузам позволит и нам более оперативно реагировать на запросы практического здравоохранения. Если бы сейчас была такая возможность, то, наверное бы, а АГМИ следовало ввести отдельный курс «Северной медицины» и «Экологии».

Однако, видимо, наиболее серьезные трудности перед нами возникнут в связи с переходом на хозяйственный расчет и необходимостью «коренного улучшения материально-технической базы». Стоимость обучения студента в советских вузах колеблется в широких пределах от 6–8 тысяч до миллиона, а в нашем мединституте она составляет 14–15 тысяч. При свободном рынке и улучшении «базы» она может возрасти в 2–3, а то и в десять раз! И тут возникает главный вопрос: кто же будет платить за обучение студентов? Конечно, основные заказчики – здравоохранение, предприятия. Но смогут ли? Совершенно очевидно, что без дотации государства рассчитывать на значительное переоснащение кафедр невозможно. Видимо, в условиях рынка нет необходимости отказываться и от частных вложений, оплаты учебы состоятельными родителями. В этой связи вспоминается поездка в Финляндию. Мы интересовались: кто же оплачивает обучение студентов в университете в Хельсинки? Оказалось, что там существует специальный студенческий фонд, из которого каждый учащийся может взять определенную сумму (кредит) для оплаты учебы, а потом, уже работая, рассчитаться с долгом. Вероятно, и у нас следует создать подобный «студенческий фонд» или банк. Однако нужно иметь в виду, что удорожание обучения в вузе может привести и к сокращению числа студентов.

В Указе Президента большое значение в преобразованиях придается «кадрам». Нужно признать, что вопрос действительно имеет исключительно важное значение. Еще недавно подбор и расстановка кадров в вузе являлись прерогативой КПСС, а все кадровые вопросы вначале решались на парткомах. Однако отмена 6-й статьи Конституции СССР, появление большого количества новых партий приведут к значительным переменам и в этом вопросе. Как было отмечено

на совещании ректоров, большие трудности с подбором кадров возникают в связи с неадекватно низкой оплатой труда преподавателей. Причем система оплаты такова, что никак не стимулирует более опытных преподавателей больше заниматься со студентами. Более того, сейчас она предполагает сразу оптом оплату и за научную работу, и за «общественную деятельность». И здесь хочется высказать, может быть, крамольную мысль: что вместо аттестации преподавателя глазами студентов нужно попробовать испытать добровольную запись студентов к тому или иному преподавателю и внедрить при этом почасовую оплату труда преподавателя с учетом квалификационного коэффициента, она выглядела бы более справедливой и адекватной новым требованиям. Что касается научной и общественной работы, то она, несомненно, должна оплачиваться самостоятельно по конкретным результатам.

Кстати сказать, в новых условиях хозяйствования научная работа вуза и в самом деле могла бы стать важной статьей дохода, но для этого на каждой кафедре, кроме преподавателей, необходимо иметь и научных сотрудников.

В связи с этим нужно требовать и отмены категорийности вузов. Эта система в оплате труда и структуре кафедр обрекает слабые вузы навсегда оставаться в отстающих. Большую помощь в организации работы вуза на первых этапах могла бы оказать стажировка наших преподавателей в европейских университетах. АГМИ здесь мог бы опереться на контакты с Польшей, Финляндией, Норвегией, США.

Вызывает определенное напряжение в работе вуза и необходимость для преподавателя защиты диссертации. От этого зависят и конкурсный отбор, и зарплата, даже в большей степени, чем успехи в преподавании. В принципе стимулировать научную работу преподавателей нужно, однако существующая ныне система ВАК полностью ориентирована на академическую и отраслевую науку и совершенно не учитывает специфику научной и педагогической работы в вузе. Думается, что и здесь система присвоения ученых степеней и званий, существующая в европейских университетах, более адекватна для учебных заведений нашей страны, и она должна быть создана отдельно.

Нуждается в обновлении и сама система руководства вузом. Нужно ли уж так строго регламентировать всю работу из центра? К сожа-

лению, многие решения администрации вуза маскируются решениями, принимаемыми на парткоме, ректорате, совете, кафедральных собраниях, порождая стиль «коллективной безответственности», когда нет автора конкретного решения.

Участником совещания ректоров вузов был и ректор нашего института В.А. Кудрявцев. О своей озабоченности он доложил на Ученом совете института. По его мнению, многое должно решиться уже в ближайшие 1–1,5 года. Коллективу АГМИ придется самостоятельно искать решение многих сложных проблем. Для повышения качества специалистов придется увеличить продолжительность обучения. Семейный врач общего профиля соответствующей степени «бакалавра» должен учиться пять лет, а для подготовки узких специалистов «уровня магистра» – еще 2–3 года. Вероятно, придется пойти и на открытие факультета усовершенствования врачей.

Конечно, новый Указ Президента ставит перед нами много пока даже не совсем ясных проблем. В ближайшие год-два действительно придется пересматривать привычные методы работы. Высшей школе, как и другим структурам нашего общества, не хватает свободы деятельности, конкуренции, плюрализма мнений, демократии. Учиться всему этому придется в ближайшее время.

6. Чем мы больны?*

В «Комсомольской правде» опубликована статья, где происходящие в нашей стране события рассматриваются с позиций психиатра. Называлась эта статья тоже соответственно: «А может, мы сошли с ума?» (21 декабря 1991 г., № 224). По мнению специалиста, нашу страну поразила в 17-м году «психическая эпидемия».

В результате Октябрьской революции власть в стране захватили «параноидальные личности» – фанатики, которые высказывали бредовую идею «имущественного равенства» и «построения коммунизма». В последующем носителем этой бредовой идеи выступала коммунистическая партия. В эпоху застоя первоначальная бредовая

* Медик Севера. 1992. 15–21 января.

идея переросла в параноидный психоз с идеей реформаторства и завышенной самооценкой. Мы жили, говорит автор, «как пациенты большой психиатрической больницы». Сейчас психоз прошел, и пациенты выпущены на свободу. Далее высказывается мнение, что «мы поражены депрессией и астенией», а плюрализм мнений в обществе, смахивающий на шизофрению, не опасен, так как каждый сходит с ума по-своему.

Конечно, идея подобного рассмотрения проблем государства не нова. Многие физиологические идеи Фрейда, Селье, Павлова тоже нередко трансформировались на проблемы сообществ и человечества. А по древней китайской философии организм человека имеет много общего с окружающей нас природой и государством. Подобные аналогии хотя и не точны, но наводят на оригинальные размышления.

Из истории мы знаем, что в России до революции жили цари, дворяне, помещики, промышленники, купцы, мещане, крестьяне и рабочие. Все они объединялись в более сложные структуры: министерства, управления, фабрики, заводы, крестьянские хозяйства и др., которые можно условно считать аналогами органов и систем организма. Роль центральной нервной системы в государстве-организме брали на себя цари, дворяне, помещики, капиталисты. Крестьяне и рабочие выступали в роли клеток органов, которые обеспечивали обмен веществ: производство товаров. Армия представляла собой мускульную силу, ну а иммунная система (защита от врагов) – различными сыскными ведомствами. Были в том сообществе и своеобразные мутантные клетки – это революционеры, которые являлись носителями опасных для системы идей. Они утверждали, что распределение доходов осуществляется нечестно, так как большая часть богатств присваивается буржуями, помещиками, капиталистами и царями: «Один с сошкой, а семеро с ложкой» – говорили они. Действительно, между отдельными слоями и классами в России существовало напряжение, и оно становилось все больше. Выражалось это напряжете в определенных требованиях, которые предъявляли друг другу различные слои населения. Эту болезнь в России резко обострила Первая мировая война, когда несовместимость между отдельными элементами организма достигла критической фазы, и в

результате нескольких революций дворяне, капиталисты и помещики были попросту уничтожены, а Россия распалась на отдельные части. Патологоанатомический диагноз здесь мог быть такой: смерть наступила в результате паралича и гибели основных жизненно важных органов, обусловленных иммунологической несовместимостью жизненных интересов.

После гражданской войны было создано новое государство – СССР. В нем опять были крестьяне, рабочие, а роль центральной нервной системы взяла на себя партия, члены которой «заменили дворян, капиталистов и помещиков на всех руководящих постах. Все государство состояло из отдельных братских республик. Конечно, были и армия, и КГБ. В этом новом государстве провозглашалась идея всеобщего равенства, благосостояния и построения коммунизма, где от каждого по способностям и каждому по потребностям. Причем, все, что мешало этому (враги народа, шпионы, диссиденты), уничтожались. Гарантами справедливости выступали вожди – руководители партии. Достижение этих целей в СССР осуществлялось строго по плану, на основании решений, постановлений и кампаний: всеобщей грамотности, всеобщей коллективизации, индустриализации, борьбы с врагами народа, освоения целины, БАМа, космоса, преобразования природы, переброски рек, внедрения кукурузы, строительства жилья к 2000 году и т. п. Нужно сказать, что некоторые из этих кампаний действительно давали определенные результаты, и организм (государство) развивался. Особо мощно у него оказалась развита мускулатура. Он вошел в число ведущих силачей мира. Значительное развитие в нем получила иммунная система, а также центральная нервная система с ее сложными структурами управления и координации. Однако материальное обеспечение населения осуществлялось неравномерно. Обмен веществ и энергии был ограничен, и «могучий силач» страдал хроническим желудочно-кишечным заболеванием. В застойный период выяснилось, что в других странах уровень жизни значительно выше, что там больше возможностей, соблюдаются права и свободы. А у нас равенство на словах, привилегии получают только представители нервной системы, мускулатуры и лимфоциты иммунной системы. Управляемость организма стала снижаться. Труд крестьян и рабочих отличался

низкой производительностью. Налицо были диспропорции развития, истощение отдельных жизненно важных систем. Горбачев, вероятно, имел сильное желание исправить положение и попытался улучшить состояние организма, опираясь на отдельные хорошо развитые системы: фундаментальную науку, машиностроение, а для оздоровления даже запретил алкоголь. Однако положение еще больше ухудшилось. Тогда было решено наоборот дать больше свободы, гласности, демократии и плюрализма. Была усилена обратная связь – проведены прямые выборы. Было дано больше прав предприятиям, республикам, введена многопартийность. Однако и это не помогло, стало еще хуже. Система, построенная на иных принципах от нововведений, вообще перестала функционировать. Кризис усилили августовские события 1991 года. Попытка спасти положение реанимированием старых структур закончилась еще большим развалом. СССР прекратил свое существование. Диагноз здесь может быть такой: паралич центральной нервной системы, резкие дистрофические нарушения организма, выраженные нарушения обмена веществ и энергии.

Трудно согласиться с автором статьи в «Комсомольской правде», что сейчас наступило выздоровление и пациент выписан из больницы. Вероятнее всего, сейчас он находится в реанимационном отделении, является тяжелобольным. В начале 1992 года «доктора» приступили к его срочному лечению путем «шоковой терапии». Что уже сделано? Конечно, дробление целого на более мелкие части можно рассматривать как обычную биологическую защитную реакцию – спасайся, кто может! Важно, что восстановлена обратная связь между верхами и низами путем парламентских выборов. Активизировать отдельные элементы организма врачи решили на основе частнособственнических инстинктов, которыми каждый из нас наделен с рождения. Важным элементом лечения являются «свободные цены». Это одна из горьких пилюль, которую мы уже проглотили. Предполагается, что от этого лекарства в организме больного заработает система: спрос – предложение и товар – деньги – товар. В результате гиперинфляции у населения не останется свободных денег, и оно, глядя на переполненные товаром прилавки, станет их с энтузиазмом зарабатывать. Сбалансированный бюджет и большие налоги позволят поддержать

военную промышленность и фундаментальные науки, обновить добывающую и тяжелую индустрию. Однако надежды на собственных Морганов и Фордов, видимо, не очень велики, поэтому предлагается скорая конвертируемость рубля, что позволит влить в организм больного свежую кровь – западные инвестиции. Пациент в конце концов, безусловно, поправится, однако всем далеко не безразлична цена выздоровления. Известно, что все новации у нас почему-то всегда ведут к противоположному эффекту. Известно также, что плановая система более экономична и эффективна, чем дикий рынок. Не ясно также и то, как будет реагировать наш «вольный человек» на появление нового класса эксплуататоров. В связи с этим можно добавить, что больной выпишется из больницы не скоро.

7. Продолжатели рода Ломоносовых на врачебной стезе*

В Архангельской медицинской академии в день рождения М. Ломоносова, отмечаемый на Севере 19 ноября, всегда с интересом вспоминают тех, кто находится в том или ином кровном родстве с великим ученым. А в этом году в академию поступили сразу двое его потомков: на стоматологический факультет – Анна Вахромеева и на лечебный – Олег Собинин, родители которых и по сей день живут в Холмогорах.

О прямых родственниках М. Ломоносова написано немало: это Н. Раевский – герой Отечественной войны 1812 года, женатый на внучке М. Ломоносова, князь-декабрист С. Волконский и др. В музее великого ученого в селе Ломоносово имеются достаточно подробные сведения почти о всех его родственниках, которые жили или живут в Архангельске, Холмогорах, Матигорах и в самом селе Ломоносово. Среди представителей рода Ломоносова есть и врачи.

Многие из родственников ученого, уже наших современников, учились в вузах Архангельска, Петрозаводска. В том числе и в Архангельском медицинском институте. И это стремление, может

---

* Медицинская газета. 1996. 21 февраля.

быть, не случайно, поскольку вклад самого М. Ломоносова в медицинскую науку весьма значителен. Ему в частности принадлежит исследование «О сохранении и размножении российского народа». Его наставник в Германии – Генкель был не только специалистом горного дела, но и известным в Европе врачом, а сам Михаил Васильевич в практической медицине обладал обширными познаниями.

8. Загадки рождения гения Ломоносова*

В канун очередных тридцать восьмых Ломоносовских чтений мы вновь перечитываем биографию великого ученого-помора Михаила Васильевича Ломоносова, основателя отечественной науки, и удивляемся его природному таланту и изначальному стремлению подростка-помора к знаниям. Удивительным являются не только достижения ученого в различных направлениях естествознания, но и первые годы жизни, откуда такой талант, такое стремление к наукам. Для объяснения появления этого гения чуть ли не всерьез обсуждалось предположение, что Ломоносов является сыном самого Петра I, что совершенно абсурдно. С позиций современной науки мы знаем, что любой талант дается не только по наследству, но необходимо еще адекватное воспитание. И в отношении Ломоносова это тоже загадка, какое влияние на воспитание этого гения могли оказать его родители – отец и мать?

Однако и тут сразу загадка. По одним источникам он родился 8 ноября 1711 года, в деревне Мишанинской Куростровской волости, по другим в то же время, но в селе Денисовке, Архангельской губернии, Холмогорского уезда. В принципе, правда, говорят, что эти деревни разделяло всего несколько шагов. Но в какой семье? Опять разные мнения. По одним данным, отец Василий Дорофеевич Ломоносов рано осиротел и жил на подворье у своего дяди. В описи 1710 года он отмечен бедным 30-летним холостяком, но после женитьбы сразу построил себе дом, и у него оказался достаточно большой земельный надел, и довольно скоро стал зажиточным черносошным крестьяни-

* Медик Севера. 2009. 30 ноября.

ном. Он женился на сироте Елене Ивановне Сивковой. А вот по описи 1722 года, через десять лет, Василий Дорофеевич превратился в очень состоятельного человека Архангельского края: у него уже большая усадьба, рыбные промыслы, пруд для рыбы, большой двухмачтовый корабль на 90 тонн – «Чайка». Судно стоило около 500 рублей, большие деньги! Он преуспевающий купец, владелец рыбной артели и еще нескольких судов. По свидетельству историков, отец плавал по Северной Двине и Белому морю, занимался рыбным промыслом, перевозил грузы и людей от Архангельска до реки Мезень и даже к берегам Лапландии. Василий Дорофеевич был умным, волевым и предприимчивым человеком, но вот еще загадка. Осенью 1740 г., продав дом, имущество, землю, отец ушел на промысел в море и не вернулся – погиб в море. Возможно, долги, какая-то неудача, возможно, новые планы!? Его нашли на острове, который указал по легенде сын, которому приснился вещий сон. Однако, по свидетельствам различных источников, отец Ломоносова был неграмотный, поэтому и ценил грамотность сына, видел в нем своего преемника.

Во многих источниках пишется, что «лучшими моментами в детстве Ломоносова были его поездки с отцом в море, оставившие в его душе неизгладимый след. Нередкие опасности плавания закаляли физические силы юноши и обогащали его ум разнообразными наблюдениями».

Известно также, что в поморских семьях детей воспитывали в большой строгости, в почтении к старшим. «Поморы с малых лет развивали в детях ловкость, силу, выносливость – качества, которые были необходимы в будущей жизни». Но по личному опыту мы знаем, что воспитание таких физических качеств совсем не требует быть еще и грамотным, прилежно учиться и стремиться к знаниям. Вероятно, отцовское воспитание сводилось к передаче сыну практических навыков крестьянского и поморского труда.

В связи с этим не случаен отзыв самого Михаила Васильевича Ломоносова об отце и его богатстве: «Все богатство отцу доставалось кровавым трудом», «по натуре человек он был добрый, но в крайнем невежестве воспитанный». Из этих высказываний можно сделать вывод, что отец все же не был примером для подражания юному Ломоносову.

Кроме того, через много лет М. Ломоносов написал о себе: «Меня оставил мой отец, и ещё в младенчестве оставила мать». Действительно, сын сбежал в Москву, питался и жил на три копейки в день, а отец, жертвуя большие по тем временам деньги на строительство храма, не послал ему ни гроша, но и сын у отца не попросил ни копейки. Можно сказать, что характеры у обоих оказались одинаковыми.

Относительно матери Ломоносова все биографы удивительно кратки. Известно, что 30-летний Василий Дорофеевич женился на сироте – дочери просвирницы погоста Николаевских Матигор Елене Ивановне (урождённой Сивковой). Другие уточняют: «мать Ломоносова Сивкова Елена Ивановна (1690–1719/20), она – дочь дьякона из Николаевских Матигор Сивкова Ивана». Или еще «она – дочь дьякона из Николаевских Матигор Сивкова Ивана (умер до 1708) и его жены Маремьяны (1656 – после 1710)». По сословному уровню того времени мать была выше черносошного крестьянина и была грамотна. Кто такой дьякон? Дьякон (от греческого – служитель), он священнослужитель, который помогает священнику совершать богослужение. Он мог через некоторое время и сам стать священником. Требования: должен быть грамотным, благочестивым, с хорошими голосовыми данными. Он – представитель духовного сословия. Они чаще всего получали образование в духовной семинарии или при монастыре. Дьякон – человек достаточно состоятельный, он и жену мог определить печь просфоры – это тоже оплачиваемая работа. Просвирня – верующая не молодая, опытная женщина и тоже может быть грамотной. Просфоры обычно пекут раз в неделю.

Мать М.В. Ломоносова умерла очень рано, когда ему было девять лет. По нашим меркам, Михайло к этому времени – уже ученик 3–4 класса со сформировавшимся поведением и самосознанием. Вероятно, именно мать первая могла заметить таланты своего сына и развить их. Под влиянием матери вначале Ломоносов пристрастился к чтению церковных книг, а потом и светских. Нет также сомнения, что именно мать и была первой воспитательницей сына, поскольку отец часто и надолго уходил в море, она первая, кто воспитывал сына и научил его грамоте, причем с раннего детства, что, как мы теперь понимаем, очень важно для развития таланта. Первые годы своей жизни Михаил находился на попечении матери.

Сведений о ранних годах жизни Ломоносова не сохранилось, но есть свидетельства, что в четырнадцать лет юный помор грамотно и чётко писал и читал, у него была с детства хорошо развита память. Вероятно, окружение матери, ее знакомые были более привлекательны для Ломоносова, их отличало не только более высокое сословное положение, но и грамотность. Таким образом, у Ломоносова и зародилось в сознании желание учиться.

Далее после смерти матери грамоте Михайлу Ломоносова обучил дьячок местной Дмитровской церкви С.Н. Сабельников. Дьячок – это не священник, а церковнослужитель, выполняющий в храме обязанности чтеца, звонаря или певчего. Дьячки обычно беднее священнослужителей. Сам Сабельников обладал каллиграфическим почерком, оказывал помощь односельчанам в составлении деловых бумаг и прошений, писал письма. Ломоносов не порывал с церковным миром после смерти матери и с успехом читал на клиросе «Псалтырь», «Апостола» и другие книги, «расстановочно, внятно, а притом и с особою приятностию и ломкостию голоса». От этого времени сохранился и первый автограф Ломоносова – он четко расписался в подрядной книге за двух неграмотных подрядчиков. Дьячок научил его всему, что знал сам.

В семье куростровцев Дудиных Ломоносов раздобыл «Грамматику» церковнославянского языка Мелетия Смотрицкого, а также напечатанную в 1703 году для навигацких учеников «Арифметику» Леонтия Магницкого, содержавшую сведения по математике и физике, по географии и астрономии, по геометрии и навигации. Эти две книги Ломоносов назвал «вратами своей учености». Хорошая врожденная натренированная память Ломоносова позволили ему выучить эти книги наизусть. Важное значение для него имела книга «Стихотворная Псалтирь» Симеона Полоцкого.

В Москву Ломоносов ушел в декабре 1730 года, отказавшись жениться, и, по-видимому, с ведома отца, который отпустил его на короткое время. Способствовали этому и сложные отношения с третьей женой отца, которая, видимо, видела в сильном и здоровом парне помощника и работника по хозяйству, а он прятался – книжки читал. Когда юный Михаил отправлялся в Москву, ему уже было 19 лет, и он не был неучем. Он уже имел максимально возможное

для того времени среднее образование, которое позволило ему пройти собеседование (приемные экзамены) и поступить по сути своей в высшее учебное заведение. В Москве Ломоносов супротив воли отца выдал себя за сына дворянина и в январе 1731 г. был принят в Московскую славяно-греко-латинскую академию. Где пробыл там около пяти лет.

Ломоносов, по воспоминаниям современников, был человеком очень крутого нрава, порой не умевшим справиться со своими эмоциями. Ложь и несправедливость приводили его в ярость. Физически он также был крепкий, рослый и сильный. Еще в детстве он мог противостоять нескольким своим сверстникам. Известен также случай, когда на него в Петербурге напали три матроса, пытаясь завладеть его одеждой, а в итоге сами оказались раздетыми и связанными. Ломоносов на портрете Шубина изображен с округлыми чертами лица и большой лысиной. Умер Ломоносов от заболевания ног. О причине сказать сложно – возможно, полиартрит, возможно, тромбофлебит, а может, и сахарный диабет, осложненный заболеванием ног. Любое из этих заболеваний могло в то время привести к смерти.

Один из крупнейших отечественных ученых XX в. академик М.В. Келдыш писал: «Трудно назвать какую-либо отрасль науки, из существовавших в XVIII в., в которую бы Ломоносов не внес крупного творческого вклада. В физике, химии, геологии, горном деле, металлургии, географии, истории, теории словесности и литературе он либо создал капитальные труды, совершил выдающиеся научные открытия, либо выдвинул новые идеи, высказал гениальные прогнозы. Многие идеи Ломоносова на десятки лет и столетия опередили свое время». Ломоносова сравнивают с Леонардо да Винчи и другими гениями эпохи Возрождения. Кстати сказать, в Германии он учился и медицинским наукам.

С потомками отца Ломоносова мне удалось познакомиться еще на втором курсе, когда нас, студентов-медиков АГМИ, в сентябре отправили в село Ломоносово копать картошку и убирать капусту. На проживание нас разместили в доме родственников деда Лопаткина, которой был награжден памятной медалью по случаю 250-летнего юбилея Ломоносова как потомок. Потом правнук деда Олег Собинин учился в нашем институте, а закончив, стал хирургом, можно

сказать, унаследовав стремление к медицинским наукам. А одна из его сестер закончила спортфакультет ПГУ. Хорошие физические данные, могучее телосложение, успехи в спорте Олега и его сестры могли быть унаследованы от самого отца Ломоносова.

Что касается матери Ломоносова – Сивковой, то во всех биографиях она фигурирует как сирота и умерла рано. Однако новейшие исследования показывают, что часто и однофамильцы оказываются родственниками. С носителями этой фамилии мне удалось познакомиться лет десять тому назад, когда у меня в группе стоматологов оказался Алексей Сивков. Родом он из села Чушевицы Верховажского района Вологодской области. В дальнейшем, проездом в Вологду, мне удалось познакомиться и с его родителями. И вот здесь опять вспомнился Ломоносов. Село расположено как раз на дороге, издавна соединяющей Архангельск с Москвой, – на реке Ваге. Эта старая дорога, именуемая как «дорога Ломоносова», и до наших дней здесь как раз сохранилось место, где был мост через реку Вагу, по которой, видимо, проходил Ломоносов. Отец большого семейства Сивковых в селе Чушевицы – Николай Викентьевич – крепкого сложения, очень энергичный мужчина разносторонне разбирается и в строительстве, и в технике. У него добротная усадьба, он лесник и охотник. И вот удивительный ломоносовский генетический признак, присущий взрослым мужчинам этого семейства, просто поразил меня – раннее облысение. Родственники Николая Викентьевича живут и в Вельске – один из них уже на пенсии, но увлекается живописью, интересуется научными проблемами. Дочь Сивкова – Наталья – стала фармацевтом с высшим образованием, заведующая аптекой. Можно сказать, химик! Сын Алексей Николаевич – ассистент кафедры нашего университета, а теперь у нас учится и младший сын Андрей – будет педиатром. Такая вот семейная тяга к знаниям!

Конечно, трудно уверенно говорить о родстве наших современников Сивковых с матерью Ломоносова. Однако многие черты лица удивительно схожи. Успехи генетического анализа, развитие науки, возможно, могут уже в недалеком будущем подтвердить эти предположения и даже, может быть, получим генетические маркеры самого Михаила Васильевича. Таким образом, возможно, решится и еще одна загадка рода Ломоносовых – происхождение его матери и ее потомков, может быть, окажется, что она была родом из Вологды.

9. Архангельский филиал НИИ морфологии человека АМН СССР – первые шаги медицинской академической науки на Европейском Севере*

История открытия этого филиала в Архангельске связана с восьмыми Ломоносовскими чтениями в Архангельске, которые проводились в начале августа 1976 года под девизом «Ломоносов и медицина». Тогда на родину великого ученого прибыла большая делегация ученых, которую возглавлял президент АМН СССР, академик АН и АМН СССР В.Д. Тимаков. В состав делегации входили многие руководители научных медицинских учреждений страны: академики АМН СССР М.И. Кузин, А.П. Авцын, В.П. Казначеев, члены-корреспонденты АМН СССР А.П. Шицкова, А. Ф. Серенко, Г. Н. Сердюковская, Б.Д. Петров и другие. Важно отметить, что В.П. Казначеев был руководителем Сибирского отделения АМН СССР (Новосибирск), а А.П. Авцын директором Института морфологии человека АМН СССР (Москва), которые решали научные проблемы адаптации человека на Севере [1, 2].

В ходе подготовки к этим Ломоносовским чтениям в прессе Архангельска уже тогда возникал вопрос расширения научных работ по проблеме адаптации человека на Европейском Севере с участием академической науки и «о создании в Архангельске на родине М.В. Ломоносова» академического научного центра как «самого достойного памятника великому ученому». В обсуждении этих вопросов принимали участие, как работники обкома КПСС, так и сотрудники АГМИ [3] .

По программе «чтений» было организовано посещение кафедр вуза, расположенных в Первой горбольнице, больнице им. Н.А. Семашко. В АГМИ, где в то время уже в течение 10 лет работала Проблемная лаборатория по изучению акклиматизации человека на Крайнем Севере, был заслушан отчет о ее работе заведующего В.П. Пащенко. Обсуждался и вопрос об организации академической лаборатории.

---

* Пащенко В.П. Развитие академической науки на родине М.В. Ломоносова // Материалы Международной конференции 6–7 июня 2011 г. – Архангельск, 2011. – С. 164–168.

Самый естественный, казалось, был путь – создание в Архангельске академической лаборатории с участием Сибирского отделения АМН СССР. Однако В.П. Казначеев планировал организовать такой филиал на Кольском Севере, куда и собирался поехать. Более заинтересованно к этому вопросу отнесся А.П. Авцын, который изучал вопросы легочной патологии в Заполярье [4]. Он и поддержал идею преобразования Проблемной лаборатории в лабораторию АМН СССР при АГМИ. Обсуждение с А.П. Авцыным этого вопроса состоялось на кафедре общей хирургии с участием ректора АГМИ Н.П. Бычихина, проф. Г.А. Орлова, Н.П. Неверовой, А.Г. Марачева. В.П. Пащенко. В итоге была достигнута договоренность о поддержке проекта и дополнительно решено провести ряд совместных экспедиций сотрудников Проблемной лаборатории и ученых из Москвы в район Верхней и Нижней Золотицы.

По итогам Ломоносовских чтений в конце того же года в Москве состоялось заседание Президиума АМН СССР. В постановлении была отмечена большая и полезная работа ученых АМН СССР, участвующих в Ломоносовских чтениях. Академику В.П. Казначееву было рекомендовано подготовить план по научному сотрудничеству между СО АМН СССР и АГМИ. Академику АН СССР А.П. Авцыну совместно с ректором АГМИ Н.П. Бычихиным было предложено разработать план экспедиционных работ в районы Европейского Севера, академикам А.П. Авцыну и С.С. Дебову поручено решить вопрос об организации на базе Проблемной лаборатории АГМИ более мощного научного подразделения в составе АМН СССР [5].

Однако решение вопроса с Министерством здравоохранения РСФСР о реорганизации Проблемной лаборатории АГМИ в академическую оказалось сложным, поэтому окончательно в Государственный комитет Совета министров СССР по науке и технике было представлено ходатайство об организации в Архангельске академической структуры – филиала Института морфологии человека АМН СССР, которое и было принято 27 сентября 1977 года [5].

Партийные руководители обкома КПСС: Ю.Н. Сапожников и Б.Н. Зорихин, а также руководители облисполкома: В.М. Третьяков, Е.С. Гладких, В.Н. Срывков принимали активное участие в организации этого научного подразделения АМН СССР в Архангельске. Е.С. Гладких присутствовал на заседании Госкомитета по науке и

технике, было предложено несколько вариантов его размещения в Архангельске, выделены квартиры, приняты меры для обеспечения филиала необходимым оборудованием [5, 6].

Из всех зданий для филиала А.П. Авцын выбрал помещение, расположенное на углу ул. Гагарина и П. Виноградова (ныне Троицкий пр.) в жилом доме 161. Возможно, это было связано с тем, что оно располагалось недалеко от Первой горбольницы, областной больницы и от АГМИ.

Первых сотрудников в штат филиала приняли в июне 1978 года. Директором филиала был назначен к.м.н. А.Г. Марачев – участник ряда экспедиций в восточные районы России, сотрудник лаборатории «Географической патологии» ИМЧ АМН СССР (Москва). Из Института морфологии также были командированы в Архангельск аспирант В.П. Черников и инженер-лаборант С.И. Куракова. Из Ленинграда приехал к.м.н. С.С. Решетников, из Душанбе к.м.н. М. Умарходжаев. Однако в основном формирование нового филиала шло за счет привлечения сотрудников АГМИ. Тогда в филиале НИИ морфологии человека АМН СССР оказались к.м.н. В.П. Пащенко, С.Л. Совершаева, Г.Н. Дегтева, Р.И. Данилова, Э.И. Данилко, потом там работали Н.А. Бебякова, З.Д Губкина, С.Г. Суханов. Всего в филиале насчитывалось около 15 сотрудников.

В составе филиала НИИ морфологии человека АМН СССР было организовано три группы: морфологии (зав. С.С. Решетников), биохимии (зав. Умарходжаев), тканевых и клеточных культур (зав. В.П. Пащенко). В связи с образованием филиала, Госкомитетом по науке и технике была за Институтом морфологии человека АМН СССР закреплена тема № 175 от 15.05.1978 г. «Особенности отягощенного течения воспалительных процессов легких у населения, приезжающего из центральных и южных областей на работы в район Севера Европейской части СССР» [7].

Академик А.П. Авцын придавал большое значение вновь организованному филиалу. Его торжественное открытие состоялось 23–24 ноября 1978 года и было приурочено к предполагаемому в то время дню рождения М.В. Ломоносова. Этому событию была посвящена выездная научная сессия Института морфологии человека АМН СССР в Архангельске, куда были приглашены ученые

Москвы, АГМИ, представители партийных и советских органов. К собравшимся ученым с приветственной речью обратился председатель облисполкома Е.С. Гладких. Академик А.П. Авцын рассказал собравшимся о структуре и работе ИМЧ АМН СССР, медико-биологических проблемах освоения Севера и задачах нового академического филиала в Архангельске [5].

По рекомендации А.П. Авцына новый филиал Института морфологии АМН СССР заключил ряд соглашений о совместной работе с АГМИ. Активная работа проводилась с сотрудниками кафедры торакальной хирургии (Б.Н. Федоров, В.П. Быков), с кафедрой патологической анатомии (А.Г. Носов, В.Я. Леонтьев), кафедрой общей хирургии (Г.А. Орлов), акушерства и гинекологии (Э.Б. Розентул), кафедрой психиатрии (И.Д. Муратова, П.И. Сидоров). Часть научного оборудования, реактивы, литература поступили из Института морфологии (Москва), частично из СГМУ. К концу года последовали экспедиции в Нарьян-Мар и Варандей, а в последующем в Мезень и Котлас.

Первые публикации научных работ сотрудников филиала были представлены в сборнике трудов Института морфологии человека АМН СССР уже в 1978 году. Это были работы Р.И. Даниловой, В.П. Пащенко и С.С. Решетникова [8, 9, 10]. В дальнейшем публикации работ сотрудников филиала в этих ежегодных сборниках стали регулярными. Решались вопросы патогенеза циркумполярной гипоксии [4]. В результате исследований были расширены знания по патологии дыхательных путей на Севере, были разработаны новые методы диагностики этих заболеваний, внедрена установка МВК-0,0125 для оксигенации рекреационных помещений профилакториев. Это была школа для молодых ученых, изучающих медицинские проблемы Севера. Многие из работ завершились затем написанием кандидатских и докторских диссертаций. Филиал НИИ морфологии человека АМН СССР в последующем явился основой для организации некоторых академических структур в г. Архангельске.

Тесное сотрудничество Архангельского филиала НИИ морфологии человека АМН СССР и Архангельского государственного медицинского института (АГМИ – СГМУ) проявилось в то время, например, в научной деятельности С.Л. Совершаевой, которая, проработав три года врачом-терапевтом, стала заниматься научными

исследованиями сначала в качестве младшего научного сотрудника Архангельского филиала НИИ морфологии человека АМН СССР (1978–1980 гг.), после этого была избрана ассистентом кафедры нормальной физиологии АГМИ, а затем и заведующей этой кафедрой. Ее становление как специалиста в области краевой физиологии происходило при участии не только профессора В.В. Аристовой, но и профессора А.Г. Марачева, академика А.П. Авцына и академика Н.А. Агаджаняна. Результаты своих исследований по вопросам адаптации и экологии человека на Севере С.Л. Совершаева оформила в виде диссертации сначала на соискание ученой степени кандидата медицинских наук на тему «Особенности гемодинамики большого и малого кругов кровообращения у жителей Европейского Севера СССР», а затем в 1996 г. и докторской диссертации «Эколого-физиологическое обоснование механизмов формирования донозологических состояний у жителей Европейского Севера России». В дальнейшем, в течение многих лет С.Л. Совершаева занимается научными исследованиями в области адаптации и физиологии человека в экстремальных условиях Европейского Севера. Она автор многих публикаций по этим вопросам, в том числе и монографий «Теоретические предпосылки адаптации к холоду», «Лимитирующие экосистему человека факторы и здоровье населения», «Системная и лёгочная гемодинамика в норме и при патологии дыхания у северян»; учебников «Валеология», «Восстановительная медицина», «Рациональное питание и проблемы голодания» (компьютерный вариант). По этим вопросам она выступала с докладами на многих конференциях, в том числе на X Всемирном конгрессе кардиологов мира. Кафедра нормальной физиологии и восстановительной медицины под руководством профессора С.Л. Совершаевой продолжает исследования этой социально значимой для северян проблемы.

Аналогичный путь от младшего научного сотрудника Архангельского филиала НИИ морфологии человека АМН СССР до известного ученого прошла и ныне заведующая Институтом Арктической медицины СГМУ профессор Галина Николаевна Дегтева (кафедра гигиены и экологии). Почти ежегодно и до настоящего времени она со своими сотрудниками отправляется на Крайний Север.

Нельзя не сказать, что и академик Н.А. Агаджанян стал надежной опорой, руководителем и консультантом в исследованиях по физио-

логии и экологии человека на Европейском Севере и для других ученых СГМУ (А.Б. Гудков, О.Н. Попова и др.).

Список литературы к статье

1. VIII Ломоносовские чтения // Правда Севера. – 1976. – 7 августа. – № 184. – С. 1.

2. Воронов А.Н. По пути, предугаданному великим помором / А.Н. Воронов // Правда Севера. – 1976. – 5 августа. – № 182. – С. 4.

3. Пащенко В.П. Экспедиция туда воспоследует… / В.П. Пащенко // Проблемная лаборатория по акклиматизации человека на Крайнем Севере. – Архангельск: Изд-во СГМУ, 2001. – С. 52–53.

4. Авцын А.П. Циркумполярный гипоксический синдром / А.П. Авцын, А.Г. Марачев, Л.Н. Матвеев // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии 20–23 декабря 1977. – М., 1977. – С. 7–12.

5. Пащенко В.П. Подведены итоги Ломоносовских чтений / В.П. Пащенко // Проблемная лаборатория по акклиматизации человека на Крайнем Севере. – Архангельск: Изд-во СГМУ, 2001. – С. 54–55.

6. Сапожников Ю.Н. На родине Ломоносова / Ю.Н. Сапожников // Слово лектора. – 1976. – № 4. – С. 22–24.

7. Шахламов В.А. Введение. Итоги работы института за 1987 г. / В.А. Шахламов // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии, декабрь 1979 г. – М., 1979. – С. 1–3.

8. Данилова Р.И. Влияние больших доз витамина С на активность фосфоглюкомутазы в эксперименте / Р.И. Данилова // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии 20–21 декабря 1978. – М., 1978. – С. 13–15.

9. Пащенко В.П. Количественная оценка свойств сыворотки крови и некоторых биологически активных веществ с помощью тканевых культур / В.П. Пащенко // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии 20–21 декабря 1978. – М., 1978. – С. 26–27.

10. Решетников С.С. Ультраструктура спинномозговых ганглиев человека в пренатальном онтогенезе / С.С. Решетников // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии 20–21 декабря 1978. – М., 1978. – С. 62.

Список научных трудов проф. В. П. Пащенко

1. Пащенко В.П. К вопросу о заболеваемости и условиях труда на лесопильно-деревообрабатывающем комбинате им В.И. Ленина (г. Архангельск) / В.П. Пащенко // Сборник студенческих научных работ. – Архангельск, 1963. – Вып. 2. – С. 27–30.

2. Пащенко В.П. О действии сероводорода на аденозинтрифосфатазу крови и некоторых органов крыс / В.П. Пащенко // Сборник трудов Архангельского медицинского института. – Архангельск, 1966. – Вып. 20. – С. 167–170.

3. Пащенко В.П. Действие сероводорода на аденозинтрифосфатазу различных органов / В.П. Пащенко // Материалы XXVIII научной сессии Архангельского медицинского института. – Архангельск, 1967. С. 94–95.

4. Пащенко В.П. Вопросы гигиены труда сульфат-целлюлозного производства / В.П. Пащенко, С.П. Сперанский, В.М. Фролов, В.Г. Коптяев // Материалы XXVIII научной сессии Архангельского медицинского института. – Архангельск, 1967. – С. 90–91.

5. Пащенко В.П. Изучение АТФ-азной активности органов животных под влиянием сероводорода и метилмеркаптана / В.П. Пащенко // Гигиена, медицинское обслуживание трудящихся и санитарная охрана внешней среды при производстве целлюлозы. – Л., 1968. – С. 17–18.

6. Пащенко В.П. Влияние сероводорода и метилмеркаптана на активность аденозинтрифосфатазы органов и крови животных : автореф. дис. … канд. мед. наук / Пащенко В.П. – Ярославль, 1968.

7. Пащенко В.П. Влияние сероводорода и метилмеркаптана на активность аденозинтрифосфатазы органов животных / В.П. Пащенко // Гигиена труда и профессиональные заболевания. – 1969. – № 4. – С. 54.

8. Пащенко В.П. Некоторые свойства водорастворимой АТФ-азы органов животных / В.П. Пащенко // Сборник трудов V Поволжской конференции физиологов, биохимиков и фармакологов с участием морфологов. – Ярославль, 1969. – С. 323–324.

9. Пащенко В.П. Влияние охлаждения на рост клеток почки в культуре ткани / В.П. Пащенко // Сборник трудов V Поволжской

конференции физиологов, биохимиков и фармакологов с участием морфологов. – Ярославль, 1969. – С. 268–269.

10. Пащенко В.П. Влияние сероводорода и метилмеркаптана на клетки эмбрионов человека в культуре ткани / В.П. Пащенко // Труды Казанского медицинского института. – Казань, 1969. – Т. XXIX. – С. 195–196.

11. Пащенко В.П. Влияние охлаждения животных на репродуктивную активность клеток почки, определяемую методом тканевых культур / В.П. Пащенко // Материалы конференции «Акклиматизация человека в условиях полярных районов». – Л., 1969. – С. 153–154.

12. Пащенко В.П. Влияние некоторых ингибиторов и активаторов сульфгидрильных групп белков на клетки эмбрионов человека в культуре / В.П. Пащенко // Гигиена населенных мест. – Киев, 1969. – С. 46–48.

13. Пащенко В.П. Методика использования тканевых культур для изучения клеточной реактивности при охлаждении животных / В.П. Пащенко // Акклиматизация и краевая патология человека на Севере. – Архангельск, 1970. – С. 135–137.

14. Пащенко В.П. Влияние однократного охлаждения на рост кусочков почки в культуре ткани / В.П. Пащенко // Акклиматизация и краевая патология человека на Севере. – Архангельск, 1970. – С. 138–139.

15. Пащенко В.П. Влияние охлаждения животных на рост клеток почки в культуре ткани / В.П. Пащенко // Акклиматизация и краевая патология человека на Севере. – Архангельск, 1970. – С. 140–141.

16. Пащенко В.П. Состояние организма и рост клеток почки в культуре ткани / В.П. Пащенко // Акклиматизация и краевая патология человека на Севере. – Архангельск, 1970. – С. 142–144.

17. Пащенко В.П. Влияние экстремальных воздействий на рост почечной ткани в культуре / В.П. Пащенко // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 1970. – № 8. – С. 94–98.

18. Пащенко В.П. Изменение активности АТФ-азы и рост ткани от животных в культуре после охлаждения / В.П. Пащенко, В.П. Веселов // Материалы XXX научной сессии Архангельского медицинского института. – Архангельск, 1971. – С. 35–37.

19. Пащенко В.П. Влияние гистамина, ацетилхолина и адреналина на рост ткани почек в культуре / В.П. Пащенко // Материалы XXX научной сессии Архангельского медицинского института. – Архангельск, 1971. – С. 156–158.

20. Пащенко В.П. К вопросу использования метода тканевых культур для количественной оценки роста тканей и статистической обработки наблюдений / В.П. Пащенко // Материалы XXX научной сессии Архангельского медицинского института. – Архангельск, 1971. – С. 158–159.

21. Пащенко В.П. Изучение роста почечной ткани в культуре при физической нагрузке и некоторых экстремальных состояниях организма / В.П. Пащенко // Тезисы докладов научно-методической конференции по проблемам физического воспитания и спортивной медицины на Севере. – Архангельск, 1972. – С. 62–64.

22. Пащенко В.П. Влияние пониженных температур и общего облучения животных рентгеновскими лучами на способность к росту культур почек / В.П. Пащенко // Действие физических агентов на организм животных. – Одесса, 1972. – С. 600–601.

23. Пащенко В.П. Использование метода тканевых культур в экспериментах на животных / В.П. Пащенко // Вопросы краевой патологии. – Архангельск, 1972. – С. 198–200.

24. Пащенко В.П. Влияние некоторых природных факторов Крайнего Севера на цитофизиологическое, состояние клеток организма / В.П. Пащенко // Вопросы медицинской географии Севера Европейской части СССР. – Апатиты, 1972. – С. 40–42.

25. Пащенко В.П. Пролиферативный потенциал тканей организма при охлаждении / В.П. Пащенко // Медико-биологические проблемы адаптации населения в условиях Крайнего Севера. – Новосибирск, 1974. – С. 60–61.

26. Пащенко В.П. Изучение адаптационного потенциала клеток организма методом культивирования / В.П. Пащенко // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по адаптации и проблемам общей патологии. – Новосибирск, 1974. – Т. 2. – С. 166–168.

27. Пащенко В.П. Особенности адаптации человека к условиям Европей-ского Севера / В.П. Пащенко, В.В. Аристова, Н.П. Бычихин и др. // Системы адаптации человека и внешняя среда. – Л., 1975. – С. 29–30.

28. Пащенко В.П. Внешние и внутренние факторы адаптации к холоду / В.П. Пащенко, В.В. Аристова, Ю.Р. Теддер и др. // Тезисы докладов 2-го Всесоюзного съезда патофизиологов. – Ташкент, 1976. Т. 2. – С. 332–333.

29. Пащенко В.П. Характеристика состояния здоровья и некоторых показателей функциональных систем организма у болгарских рабочих в процессе их адаптации на Севере / В.П. Пащенко, Г.А. Суслонова, Л.Н. Котолевская, Е.В. Борисова // Адаптация человека на Крайнем Севере / под ред. Ж.Ж. Рапопорта. – Красноярск, 1976. – С. 54–58.

30. Пащенко В.П. Количественная оценка жизнеспособности почечной ткани при различных воздействиях на организм донора / В.П. Пащенко // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 1976. – № 12. – С. 1514–1515.

31. Пащенко В.П. К вопросу об адаптации человека на Европейском Севере / В.П. Пащенко, Г.А. Суслонова Л.Н. Котолевская и др. // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Основные аспекты географической патологии на Крайнем Севере». – Норильск, 1976. – С. 33–35.

32. Пащенко В.П. Изучение клеточной адаптации организма / В.П. Пащенко // Тезисы докладов 2-го Всесоюзного съезда патофизиологов. – Ташкент, 1976. – Т. 2. – С. 416.

33. Пащенко В.П. Вопросы акклиматизации человека на Европейском Севере / В.П. Пащенко // Актуальные проблемы развития экономики и культуры Архангельской области в свете решений XXV съезда КПСС. – Архангельск, 1977. – С. 95–98.

34. Пащенко В.П. Об изменении состояния здоровья студентов в строительном отряде / В.П. Пащенко, Г.А. Суслонова, Л.Н. Котолевская и др. // Клинические аспекты адаптации человека к климатогеографическим и производственным условиям Севера. – Новосибирск, 1977. – С. 38.

35. Пащенко В.П. Влияние витаминного комплекса «АЭРОВИТ» на функциональное состояние человека в условиях Крайнего Севера / В.П. Пащенко, Г.А. Суслонова, Л.Н. Котолевская и др. // Актуальные проблемы витаминологии : тез. Всесоюзной конференции. – М., 1978. – Т. 3. – С. 81–82.

36. Пащенко В.П. Количественная оценка свойств сыворотки крови и некоторых биологически активных веществ с помощью тканевых культур / В.П. Пащенко // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии. – М., 1978. – С. 26–27.

37. Пащенко В.П. Изучение адаптации клеток организма методом культивирования / В.П. Пащенко // Тезисы докладов IV Международного симпозиума по приполярной медицине. – Новосибирск, 1978. – Т. I. – С. 146–147.

38. Пащенко В.П. Влияние условий культивирования на количественную оценку жизнеспособности тканей организма / В.П. Пащенко // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 1978. – № 11. – С. 629–631.

39. Пащенко В.П. Север и Ваше здоровье / В.П. Пащенко. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1979. – 159 с.

40. Пащенко В.П. Особенности роста легочной ткани человека в бесплазменной тканевой культуре / В.П. Пащенко, В.А. Брагин // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии. – М., 1979. – С. 25–27.

41. Пащенко В.П. Влияние климатогеографических факторов Европейского Севера на состояние здоровья человека / В.П. Пащенко, Г.А. Суслонова, Л.Н. Котолевская и др. // Природа и хозяйство Севера. – Мурманск : Мурманское книжное издательство, 1980. – Вып. 7. – С. 103–106.

42. Пащенко В.П. Некоторые количественные особенности роста фрагментов ткани легких и почек в первичной культуре / В.П. Пащенко // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии. – М., 1980. – С. 92–93.

43. Пащенко В.П. Изучение адаптации клеток организма путем культивирования / В.П. Пащенко // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Адаптация человека в различных климатогеографических и производственных условиях». – Ашхабад, 1981. – Вып. 5. – С. 132–134.

44. Пащенко В.П. Биологическая активность сыворотки крови у доноров и беременных женщин Европейского Севера / В.П. Пащенко // Материалы Всесоюзной конференции «Эколого-гигиенические и клинические вопросы жизнедеятельности человека в условиях Севера». – Новосибирск, 1981. – С. 24–25.

45. Пащенко В.П. Влияние сыворотки крови больных алкоголизмом на репродуктивную активность эмбриональных клеток человека / В.П. Пащенко, П.И. Сидоров, Н.С. Ишеков // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии. – М., 1981. – С. 79–78.

46. Пащенко В.П. Некоторые данные о долгожителях Европейского Севера СССР / В.П. Пащенко // Материалы IV Всесоюзного съезда геронтологов и гериатров в г. Кишиневе. – Киев, 1982. – С. 294–295.

47. Пащенко В.П. Ранние формы алкоголизма. Возможности методики клеточных культур в диагностике алкоголизма / В.П. Пащенко, И.Д. Муратова П.И. Сидоров и др. // Депонирована ВИНИТИ центр. Инв. № 0283.0049652. – М., 1982. – 17 с.

48. Пащенко В.П. Влияние холодовой травмы на регенерацию тканей почек / В.П. Пащенко // Острые и хронические поражения холодом. Тромбоэмболия легочной артерии. – М., 1982. – С. 53–54.

49. Пащенко В.П. Влияние сыворотки крови жителей Заполярья на репродуктивную активность фибробластов эмбрионов человека в культуре / В.П. Пащенко // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии. – М., 1982. – С. 54.

50. Пащенко В.П. «Пипетка» (для суспендирования и диспергирования) : а. с. 1018711 / В.П. Пащенко. 03.02.82. – ? с.

51. Пащенко В.П. Функциональные и морфологические особенности культур, полученных из поджелудочной железы плодов человека / В.П. Пащенко, В.Н. Блюмкин, В.П. Федотов, Н.В. Садовников // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии. – М., 1983. – С. 77–78.

52. Пащенко В.П. Морфофункциональная характеристика культур, полученных из микрофрагментов поджелудочной железы плодов человека / В.П. Пащенко, В.Н. Блюмкин, В.П. Федотов, Н.В. Садовников // Труда НИИТ и ПО МЗ СССР «Проблемы рансплантологии и искусственных органов». – М., 1983. – С. 75–78.

53. Пащенко В.П. Цветная прозрачная морфометрическая сетка / В.П. Пащенко // Изобретательство и рационализация в медицине. – М., 1983. – С. 113.

54. Пащенко В.П. Клинико-морфологические изменения органов дыхания при заболеваниях легких в условиях Архангельской обла-

сти / В.П. Пащенко, В.Я. Леонтьев А.Г. Носов и др. // Депон. ВИНИТИ, центр. Инв. № 0283.0055275. – М., 1983.

55. Пащенко В.П. Влияние сыворотки крови больных алкоголизмом на рост первичных культур печени плода человека / В.П. Пащенко, П.И. Сидоров, Н.Л. Чуркин, И.Н. Борисов // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии. – М., 1983. – С. 65–66.

56. Пащенко В.П. Проблемы акклиматизации и приживаемости населения на Европейском Севере / В.П. Пащенко, А.В. Ткачев, В.Е. Вазило // Тезисы Всесоюзной конференции «Актуальные проблемы ис-пользования трудовых ресурсов Архангельской области в свете решений XXVI съезда КПСС». – М., 1983. – С. 41–44.

57. Пащенко В.П. Вопросы долголетия человека на Европейском Севере / В.П. Пащенко, Е.В. Пащенко // Роль Архангельска в освоении Севера. – Архангельск, 1984. – С. 275–278.

58. Пащенко В.П. Влияние сыворотки крови больных алкоголизмом на репродуктивную активность фибробластов эмбрионов человека / В.П. Пащенко, П.И. Сидоров, Н.С. Ишеков // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1984. – LXXXIV, Вып. 2. – С. 240–243.

59. Пащенко В.П. Использование мягких полиэтиленовых пакетов для культивирования клеток и тканей / В.П. Пащенко // Изобретательство и рационализация в медицине. – М., 1985. – С. 31–32.

60. Пащенко В.П. Сравнительное изучение долгожителей городов Архангельска и Вологды / В.П. Пащенко, Е.В. Пащенко // М.В. Ломоносов и Север. – Архангельск, 1986. – С. 448–450.

61. Пащенко В.П. Использование первичных культур для диагностики хронических неспецифических воспалительных заболеваний бронхов / В.П. Пащенко, В.П. Быков, В.Я. Леонтьев // Материалы по актуальным вопросам современной гистопатологии. – М., 1986. – С. 58–59.

62. Пащенко В.П. Использование культур В-клеток для коррекции дисгормональных нарушений при сахарном диабете / В.П. Пащенко, Н.П. Бычихин, Т.Р. Романова и др. // Современные проблемы экспери-ментальной эндокринологии : тезисы докладов IV Съезда эндокринологов УССР. – Киев, 1987. – С. 52–53.

63. Пащенко В.П. Культивирование микрофрагментов ткани поджелудочной железы плодов человека на поверхности миллипоровых

фильтров / В.П. Пащенко // Современные проблемы экспериментальной и клинической эндокринологии : тезисы докладов IV съезда эндокринологов УССР. – Киев, 1987. – С. 287.

64. Пащенко В.П. Влияние сыворотки крови больных алкоголизмом на рост первичных культур почечных клеток плодов человека / В.П. Пащенко, П.И. Сидоров И.Н. Борисов и др. // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1987. – Т. LXXXVII, Вып. 2. – С. 237–239.

65. Пащенко В.П. Способ прогнозирования течения хронических неспеци-фических воспалительных заболеваний бронхов : а. с. 1409944 / В.П. Пащенко, В.П. Быков, В.Я. Леонтьев. 15.03.88. –

66. Пащенко В.П. Север и долголетие / В.П. Пащенко, Н.П. Бычихин. –Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1989.

67. Пащенко В.П.Микропипетка : а. с. 1509401 / В.П. Пащенко. 22.05.89. – ? с.

68. Пащенко В.П. Изучение роста тканей животных при стрессе и при воздействии ряда биологически активных веществ методом культуры ткани / В.П. Пащенко // Актуальные проблемы адаптации и здоровья населения Севера. – Архангельск, 1991. – С. 43–45.

69. Пащенко В.П. Столетние долгожители Европейского Севера / В.П. Пащенко, А.В. Носков. Е.В. Пащенко // Актуальные проблемы адаптации и здоровья населения Севера. – Архангельск, 1991. – С. 85.

70. Пащенко В.П. Использование первичных тканевых культур для диагностики течения бронхитов / В.П. Пащенко, В.П. Быков, В.Я. Леонтьев // Актуальные проблемы адаптации и здоровья населения Севера. – Архангельск, 1991. – С. 123–124.

71. Пащенко В.П. Устройство для посадки на подложку микрофрагментов биологических тканей : пат. 1785530 / Пащенко В.П. 31.09.92.

72. Пащенко В.П. Устройство для биопсийного анализа : а. с. 1801391 / В.П. Пащенко. 09.10.92. – ? с.

73. Пащенко В.П. Некоторые ультраструктурные особенноси клеток в первичных культурах легких и бронхов / В.П. Пащенко // Актуальные проблемы адаптации и здоровья населения Севера. – Архангельск, 1992. – С. 17–19.

74. Пащенко В.П. Некоторые особенности роста микрофрагментов ткани почек в культуре при патологии / В.П. Пащенко,

А.А. Ошурков, Э.И. Данилко // Актуальные проблемы адаптации и здоровья населения Севера. – Архангельск, 1992. – С. 151–153.

75. Пащенко В.П. Пипетка для суспендирования и диспергирования, используемая при постановке тканевых и клеточных культур / В.П. Пащенко // Изобретательство и рационализация в медицине. – М., 1992. – С. 23–24.

76. Пащенко В.П. Опыт культивирования тканей при физиологических и патологических состояниях организма : монография / В.П. Пащенко // Депонирована ВИНИТИ. Инв. № 1904-В93. – М., 1993.

77. Пащенко В.П. Влияние физиологических, экстремальных и патологических состояний организма на рост тканей при культивировании : автореф. дис. … д-ра мед. наук / Пащенко В.П. – Архангельск, 1994. – 47 с.

78. Пащенко В.П. Влияние функционального состояния организма на рост тканей при культивировании / В.П. Пащенко // Успехи физиологических наук. – 1994. – № 4, Т. 25. – С. 11–12.

79. Пащенко В.П. Метод тканевых культур в диагностике хронических воспалительных бронхолегочных заболеваний / В.П. Пащенко, В.П. Быков, С.П. Корытов // Клиническая пульмонология. – Архангельск, 1995. – С. 202–245.

80. Пащенко В.П. Использование современных клеточных и тканевых биотехнологий для экологического мониторинга / В.П. Пащенко // VII Международный Соловецкий форум. Приложение к журналу «Экология человека». – Архангельск, 1995. – С. 208–209.

81. Пащенко В.П. Некоторые вопросы использования тканевых и клеточных культур для изучения экологических проблем Севера / В.П. Пащенко, А.В. Пащенко // Экология человека (приложение). – Архангельск, 1995. – С. 67–68.

82. Пащенко В.П. Долгожители Европейского Севера России / В.П. Пащенко, Е.В. Пащенко // Экология человека. – 1995. – № 2. – С. 114–117.

83. Пащенко В.П. Терморегуляция организма человека: метод. пособие / В.П. Пащенко. – Архангельск : Издательство АГМА, 1996. – 20 с.

84. Пащенко В.П. Обмен веществ и энергии в организме: метод. пособие / В.П. Пащенко. – Архангельск : Издательство АГМА, 1996. – 26 с.

85. Пащенко В.П. Основные периоды развития человека: метод. пособие / В.П. Пащенко, А.Л. Зашихин, Ю.В. Агафонов. – Архангельск : Издательство АГМА, 1996. – 23 с.

86. Пащенко В.П. Использование тканевых культур для оценки патологии слизистой бронхов / В.П. Пащенко, В.П. Быков, В.Я. Леонтьев // Материалы Международной научной конференции «Насущные вопросы пульмонологии». – Архангельск, 1997. – С. 29.

87. Пащенко В.П. Научная школа кафедры нормальной физиологии (АГМА) / В.П. Пащенко, Л.Г. Рувинова, Ю.Л. Пацевич, Л.Е. Дерягина // Экология человека. – 1997. – № 4. – С. 48–51.

88. Пащенко В.П. Физиология сердечно-сосудистой системы: метод. пособие / В.П. Пащенко, Л.Е. Дерягина. – Архангельск : Издательство АГМА, 1996.

89. Пащенко В.П. Некоторые сезонные колебания физиологического состояния водителей троллейбусного парка / В.П. Пащенко, А.В. Носков, А.Б. Гудков // Сборник научных работ молодых ученых и студентов (56-я научная сессия АГМА). – Архангельск, 1998. – С. 85–86.

90. Пащенко В.П. Архив профессора Георгия Андреевича Орлова на кафедре общей хирургии / В.П. Пащенко, А.В. Пащенко, Л.А. Смольников // Сборник научных работ молодых ученых и студентов (56-я научная сессия АГМА). – Архангельск, 1998. – С. 89–91.

91. Пащенко В.П. О возможности использования компьютерных коммуникационных систем в информационном обеспечении научного и педагогического процессов в вузе / В.П. Пащенко, А.В. Пащенко, А.В. Марченко, С.И. Марченко // Сборник научных работ молодых ученых и студентов (56-я научная сессия АГМА). – Архангельск, 1998. – С. 92–93.

92. Пащенко В.П. Разработка компьютерной программы по морфометрии / В.П. Пащенко, А.В. Пащенко, Д.В. Бегун // Сборник научных работ молодых ученых и студентов (56-я научная сессия АГМА). – Архангельск, 1998.

93. Пащенко В.П. Особенности течения климактерического синдрома в возрастном аспекте / В.П. Пащенко, М.Л. Токарев, П.П. Ревако, И.А. Рогозин // Сборник научных работ молодых ученых и студентов (56-я научная сессия АГМА). – Архангельск, 1998.

94. Пащенко В.П. Некоторые изменения физиологических параметров организма водителей трамвая в процессе трудовой деятельности / В.П. Пащенко, А.В. Носков, А.Б. Гудков // Бюллетень Архангельской государственной медицинской академии. – 1999. – № 1. – С. 61.

95. Пащенко В.П. Функциональное состояние вегетативной нервной системы у детей при патологии / В.П. Пащенко, С.В. Рогозинская, В.И. Макаров // Бюллетень Архангельской государственной медицинской академии. – 1999. – № 1.

96. Пащенко В.П. Некоторые данные о состоянии здоровья долгожителей Архангельска / В.П. Пащенко, О.С Четыркина, Я.А. Кременская / Бюллетень Архангельской государственной медицинской академии. – 1999. – № 1.

97. Пащенко В.П. Особенности физиологического состояния сердечно-сосудистой и дыхательной системы у студентов АГМА / В.П. Пащенко, К.А. Грищенко, А.П. Кириевский, Н.Ю. Лобутин // Бюллетень Архангельской государственной медицинской академии. – 1999. – № 1. – С. 20.

98. Пащенко В.П. Устройство для эксплантации микрофрагментов ткани на подложку с целью их культивирования / В.П. Пащенко // Цитология. – 1999. – Т. 41, № 3/4 . – С. 301.

99. Пащенко В.П. Профессор Г.А. Орлов – хирург, ученый, педагог / В.П. Пащенко, С.П. Глянцев, Л.А. Смольников, А.В. Пащенко // Архангельск : Издательство АГМА, 1999. – 140 с.

100. Пащенко В.П. Устройство для эксплантации микрофрагментов ткани на подложку для целей культивирования / В.П. Пащенко // Клеточные культуры. Информационный бюллетень. – 1999. – Вып. 14. – С. 56–57.

101. Пащенко В.П. Руководство по медико-социальной работе в геронтологии : монография /П.И. Сидоров, Р.В. Банникова, А.Л. Санников, А.М. Вязьмин, Е. В. Казакевич, В.П. Пащенко, Е.В. Пащенко, и др. ; под ред. П.И. Сидорова, Р.В. Банниковой. – Архангельск, 2000. – 281 с.

102. Пащенко В.П. Проблемная лаборатория по изучению акклиматизации на Крайнем Севере / В.П. Пащенко. – Архангельск : Издательство СГМУ, 2001. – 68 с.

103. Пащенко В.П. Устройство для суспендирования взвеси клеток и фрагментов ткани / В.П. Пащенко // Цитология. – Т. 43, № 9. – 2001. – С. 882–883.

104. Пащенко В.П. Некоторые особенности гомеостаза глюкозы у жителей Европейского Севера / В.П. Пащенко, М.Г. Пирогова, Л.Г. Рувинова // Экология человека. – 2001. – № 1. – С. 32–33.

105. Пащенко В.П.. Сезонные особенности изменения стереотипа некоторых физиологических параметров у водителей общественного транспорта на Севере / А.В. Носков, А.Б. Гудков, В.П. Пащенко, Е.В. Логинова // Экология человека. – 2003. – № 1. – С. 13–15.

106. Пащенко В.П.. Особенности организации медицинской службы на Архангельском муниципальном трамвайно-троллейбусном предприятии: метод. рекомендации / А.В. Носков, А.Б. Гудков, В.П. Пащенко, Е.В. Логинова. – Архангельск, 2002. – 26 с.

107. Пащенко В.П. Изучение токсичности стоматологических базисных полимеров методом тканевых культур / В.П. Пащенко, Т.Н. Юшманова, А.Н. Сивков, Л.Т. Галиева // Экология человека. – 2003. – № 2. – С. 13–15.

108. Пащенко В.П. Комплексная оценка эффективности обучения студентов кафедры нормальной физиологии / А.К. Шерстенникова, М.Н. Пирогова, Л.Е. Дерягина, В.П. Пащенко и др. // Повышение качества подготовки специалистов в условиях модернизации профессионального образования : материалы VIII региональной учебно-методической конференции 24 апреля 2003 г. – Архангельск, 2003. – С. 98–99.

109. Пащенко В.П. Использование метода тканевых культур для оценки качества питьевой воды / В.П. Пащенко, В.К. Балашов, А.Н. Сивков, А.В. Пащенко // Экология человека. – 2003. – № 3. – С. 27–29.

110. Пащенко В.П. Особенности первичной обращаемости детей, направляемых на обследование в кабинет ЭЭГ / Е.В. Логинова (рук-ли А.Б. Гудков, В.П. Пащенко) // Бюллетень Северного государственного медицинского университета. – 2003. – № 1. – С. 81–82.

111. Пащенко В.П. Отношение школьников старших классов к климатическим и сезонным особенностям г. Архангельска / В.П. Пащенко, Е.В. Тихонова, А.Б. Гудков // Экология человека. – 2005. – № 1. – С. 51–53.

112. Пащенко В.П. Количественная оценка роста животных тканей путем культивирования / В.П. Пащенко // Применение современных методов анализа в изучении структуры и функции клетки : материалы 7-го Международного симпозиума 14–16 июня 2005 г. – Архангельск, 2005. – С. 35–36.

113. Пащенко В.П. Некоторые особенности преподавания математической статистики в медицинском вузе / В.П. Пащенко, В.А. Коровина // Международный журнал медицинской практики. – 2006. – № 2. – С. 25–27.

114. Пащенко В.П. Математическая статистика в деятельности практического врача и некоторые особенности ее преподавания в медицинском вузе / В.П. Пащенко, В.А. Коровина // Образовательная деятельность в условиях инновационного развития высшей школы : тезисы и материалы XI учеб.-метод. конф. 20 апреля 2006 г. – Архангельск, 2006. – С. 87–88.

115. Тихонова Е.В. Биоэлектрическая активность головного мозга у школьников старших классов в контрастные сезоны года на Европейском севере / Е.В. Тихонова, В.П. Пащенко, А.Б. Гудков // Экология человека. – 2006. – № 4/1 ; Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные аспекты жизнедеятельности человека на Севере» 16–17 ноября 2006 г. – Архангельск, 2006. – С. 164–165.

116. Пащенко В.П. Влияние питьевой воды «Акварель» на клетки ткани почек при культивировании in vitro / В.П. Пащенко, А.Б. Гудков // Экология человека. – 2006. – № 4/2; Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные аспекты жизнедеятельности человека на Севере» 16–17 ноября 2006 г. Архангельск, 2006. – С. 396.

117. Пащенко В.П. Некоторые особенности динамики роста первичных тканевых культур взрослых животных / В.П. Пащенко // Цитология. – 2006. – Т. 48, № 9. – С. 787–788.

118. Пащенко В.П. Обоснование применения метода первичных тканевых культур для оценки безопасности фторида натрия в продуктах питания / Л.Е. Громова, В.П. Пащенко, Н.А. Назаренко, Г.Н. Дегтева // Медицина труда и промышленная экология. – 2007. – № 8. –С. 39–41.

119. Пащенко В.П. Способ оценки токсичности фторида : пат. 232788 / Громова Л.Е., Пащенко В.П., Назаренко Н.А., Дегтева Г.Н. : Заявка: 2006128302/15 (030742).

120. Пащенко В.П.. Способ оценки качества питьевой воды на различных этапах водоподготовки в г. Архангельске методом in vitro на культуре ткани / И.О. Кляцкая, А.Б. Гудков, В.П. Пащенко // Материалы науч.-практ. конференции. Приложение к журналу «Вестник СПбГМА им. И.И. Мечникова». – 2007. – № 1(2). – С. 39–41.

121. Пащенко В.П. Характеристика воды по некоторым показателям биотестирования in vitro на культуре ткани / И.О. Кляцкая, А.Б. Гудков, В.П. Пащенко // Экологические проблемы современности : сб. статей III Международной научно-практической конференции АНОО. – Пенза : Приволжский дом знаний, 2007. – С. 39–42.

122. Пащенко В.П. Биологическое действие воды в г. Архангельске по некоторым показателям тестирования на культуре ткани / И.О. Кляцкая, А.Б. Гудков, В.П. Пащенко // Экология-2007 : материалы докладов Международной молодежной конференции 18–21 июня 2007 г. – Архангельск : Институт экологических проблем Севера УрО РАН, 2007. – 338 с.

123. Пащенко В.П.. Изучение влияния фитосборов на рост клеточной культуры почек мыши / А.А. Алиева, В.П. Пащенко, Т.Л. Киселева, Н.А. Назаренко // Сборник материалов I Российского фитотерапевтического съезда 14–16 марта 2008 г. – Москва, 2008. – С. 162–164.

124. Пащенко В.П.. Математическая статистика в деятельности практического врача и некоторые особенности ее преподавания в медицинском ВУЗе / В.А. Коровина, В.П. Пащенко // Кафедра как центр научной и учебно-методической работы в медицинском ВУЗе : материалы XIII Межрегиональной межвузовской учебно-методической конференции 24 апреля 2008 г. – Архангельск, 2008. – С. 36–37.

125. Пащенко В.П. Концепции современного естествознания в структуре общеобразовательной подготовки врача / В.П. Пащенко // Кафедра как центр научной и учебно-методической работы в медицинском ВУЗе : материалы XIII Межрегиональной межвузовской учебно-методической конференции 24 апреля 2008 г. – Архангельск, 2008. – С. 50–52.

126. Пащенко В.П. Способ оценки токсичности фторида натрия (методом тканевых культур) : пат. 2006128302/15(030742) / Назаренко Н.А., Пащенко В.П., Громова Л.Е. – М., 2008.

127. Пащенко В.П. Влияние дексаметазона и фитосборов на маркеры пролиферации клеточной культуры почек мыши / В.П. Пащенко, А.А. Алиева, Т.Л. Киселева, Н.А. Назаренко // Цитология. – 2008. – Т. 50, № 9. ; Тезисы докладов и сообщений, представленные на школу-конференцию для молодых ученых «Методы культивирования клеток» 6–10 октября 2008 г. – СПб., 2008. – С. 794.

128. Пащенко В.П. Воздействие асептического стимулятора Дорогова (АСД-2Ф) на количественные параметры роста тканевых культур почек мышей / В.П. Пащенко, Н.А. Назаренко, Э.В. Рехачева, А.В. Пащенко // Экология человека. – 2010. – № 9. – С. 22–26.

129. Пащенко В.П. Опыт преподавания на русском языке дисциплины «нормальная физиология» студентам из Нигерии и Перу / В.П. Пащенко // Образовательные и воспитательные технологии в современном медицинском вузе : материалы XVI Межрегиональной учебно-методической и научно-практической конференции 21 апреля 2011 г. – Архангельск, 2011. – С. 66.

130. Пащенко В.П. Опыт и стратегии исследований по проблемам Европейского Севера России в АГМИ–АГМА–СГМУ / Н.П. Неверова, В.П. Пащенко // Экология человека. – 2011. – № 6. – С. 5–11.

131. Пащенко В.П. Архангельский филиал НИИ морфологии человека АМН СССР – первые шаги медицинской академической науки на Европейском Севере / В.П. Пащенко // Материалы Международной конференции «Развитие академической науки на родине М.В. Ломоносова» 6–7 июня 2011 г. – Архангельск, 2011. – С. 164–168.

132. Пащенко В.П. Сравнительное изучение влияния свежеприготовленных и длительнохранящихся настоев сборов с фригопротекторамином активностью на рост культуры почек мышей / Шацких А.А., Назаренко Н.А., Киселева Т.Л., Назаренко М.Ю., Пащенко В.П.// Экспериментальная и клиническая фитотерапия. -2011. – №5 (28).- С. 395-398.

133. Пащенко В.П. Профессор Г.А. Орлов. Хирургическая, научная и педагогическая школы / Пащенко В.П., Попов В.А. – Архангельск Издательство «Правда Севера» 2011. – 422 с.

134. Пащенко В.П. Опыт преподавания на русском языке дисциплины «нормальная физиология» студентам из Нигерии и Перу / В.П. Пащенко // Образовательные и воспитательные технологии в современном медицинском вузе : материалы XVI Межрегиональной учебно-методической и научно-практической конференции 21 апреля 2011 г. – Архангельск, 2011. – С. 66.

135. Пащенко В.П. Опыт и стратегии исследований по проблемам Европейского Севера России в АГМИ–АГМА–СГМУ / Н.П. Неверова, В.П. Пащенко // Экология человека. – 2011. – № 6. – С. 5–11.

136. Пащенко В.П. Архангельский филиал НИИ морфологии человека АМН СССР – первые шаги медицинской академической науки на Европейском Севере / В.П. Пащенко // Материалы Международной конференции «Развитие академической науки на родине М.В. Ломоносова» 6–7 июня 2011 г. – Архангельск, 2011. – С. 164–168.

137. Пащенко В.П. Восприятие группы и направленность на взаимодействие у студентов медицинского вуза на начальном этапе обучения /Зашихина В.В., Голдобина Т.А., Цыганок Т.В., Пащенко В.П., Лебедев А.В., Юшманова Л.С.// Экология человека. – 2012. – № 4. – С. 45–51.

138. Пащенко В.П. 80 лет Северному государственному медицинскому университету / Вязьмин А.М., Пащенко В.П.// Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2012 год – Архангельск, 2012. – С.155–164.

139. Пащенко В.П. 80 лет со дня основания кафедры физики АГМИ-АГМА–СГМУ /В.П. Пащенко // Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2012 год – Архангельск, 2012. – С.168–173.

140. Пащенко В.П. Особенности электрочувствительности пульпы зубов у студентов / К.Е Баитов, В.П. Пащенко, А.К. Шерстенникова // Бюллетень Северного государственного медицинского университета (выпуск XXVIII) – Архангельск, 2012. – № 11. – С 134–125.

141. Пащенко В.П. Влияние фитонцидина (препарата чеснока) на клетки ткани почек при культивировании / В.А. Вяткина, П.И. Гордеева, Л.Е. Громова, В.П. Пащенко // Бюллетень Северного государственного медицинского университета,(выпуск XXVIII) – Архангельск, 2012. – № 11. – С. 193–194.

142. Пащенко В.П. Влияние фитонцидина (препарата чеснока) на клетки ткани почек при культивировании in vitro / В.П. Пащенко, Л.Е. Громова, Е.Е. Чернышова // Экология человека. – 2013. – № 9. – С. 17–20.

143. Пащенко В.П. «Север и человек (проблемы, здоровье, долголетие)» / В.П. Пащенко. – Архангельск : Издательство СГМУ, 2013. – 269 с. (тир. 200).

144. Пащенко В.П. К истории первой центральной научно-исследовательской лаборатории АГМИ-1963 г./ А.Н. Долинова, Е.С. Рочева, Н.В. Соловьева, В.П. Пащенко, Е.В. Тихонова // Бюллетень Северного государственного медицинского университета. – 2014. – № 1. – С. 181–182.

145. Пащенко В.П. К 25-летию создания лаборатории. Межкафедральная лаборатория клеточных и тканевых культур в АГМИ-АГМА-СГМУ / Глотова Т.А.,Молкубаева Ю.З. Тихонова Е.В., Пащенко В.П. // Бюллетень Северного Государственного Медицинского Университета. - 2015.- № 1 , с 194-195.

146. Пащенко В.П. Динамика развития восприятия климатических факторов учащимися старших классов (2004–2014 годы) / Тихонова Е.В., Пащенко В.П., Гудков А.Б., Лукманова Н.Б.// Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» №4 /2015. Стр. 164 -171.

147. Пащенко В.П. «50 лет со дня организации Проблемной лаборатории по изучению акклиматизации человека на Крайнем Севере» 151 -154 // Авторы-составители А.В. Андреева, М.Г. Чирцова, Г.О. Самбуров Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2015 год Том II Архангельск 2015, 189 с.

148. Пащенко В.П. Опыт использования тканевых и клеточных культур в клинической практике. Сб.: Клеточные культуры (ISSN 2077-6055/Информационный бюллетень Института цитологии РАН http://www.cytspb.rssi.ru). Вып. 32. Санкт-Петербург, 2016. 53-62.

149. Пащенко В.П. Из истории работ лаборатории тканевых и клеточных культур СГМУ по изучению экстремальных состояний организма методом культивирования тканей // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Медико-биол. науки. 2016. № 4. С. 25-36.

150. Пащенко В.П. Физиологические реакции системы кровообращения на локальное охлаждение кожи конечностей у юношей и девушек – уроженцев Европейского Севера / А.Б. Гудков, И.П. Уварова, О.Н. Попова, Н.Б. Лукманова, В.П. Пащенко // Экология человека. –2017.– № 2.– С. 45–51.

151. Пащенко В.П. Возрастная самооценка женщин 55–64 лет как экспресс метод определения параметров качества жизни в циркумполярном регионе / А.Б. Гудков, А.В. Демин, А.В. Грибанов, В.И. Торшин, В.П. Пащенко // Экология человека. –2017.– № 7.– С. 32–38.

152. Пащенко В.П. Центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ) / Е.В. Тихонова, В.П. Пащенко, А.М.Гржибовский // Достояние Севера: АГМИ–АГМА–СГМУ. К 85-летию со дня основания АГМИ–АГМА–СГМУ. – Архангельск, 2017. – С. 239–241.

153. Пащенко В.П. Возрастная характеристика постурального баланса у женщин 60–69 лет / А.В. Демин, А.Б. Гудков, А.А. Долгобородова, О.Н. Попова, В.П. Пащенко // Экология человека. – 2018. – Том 6, № 4.– С. 332–339.

154. Пащенко В.П. Влияние димефосфона на культуры почек молодых и взрослых мышей / Н.А. Назаренко, В.П. Пащенко, М.Ю. Назаренко, Г.С. Пащенко // Журнал: «Экспериментальная и клиническая фармакология» 2018, 5– съезд фармакологов, Ярославль. – С. 168.

155. Пащенко В.П. Количественные особенности роста тканей почек от животных различного возраста при культивировании in vitro / В.П. Пащенко, Е.В. Тихонова, А.Б. Гудков //Журнал медико-биологических исследований (САФУ) –1919, т 7, № 1.– С. 16 –22.

Со студентами 2015 –2018 гг.

1. Тихонова Е.В. Особенности внешнего дыхания у детей младшего и среднего школьного возраста со сколиозом, жителей Европейского Севера / М.А. Абрамова, В.Г. Черноземов, О.Н. Попова, Е.В.Тихонова, А.Б. Гудков, // Экология человека. 2015. №6. С.15-19.

2. Тихонова Е.В. Динамика развития восприятия климатических факторов учащимися старших классов (2004-2014 годы) / Е.В. Тихо-

нова, В.П. Пащенко, А.Б. Гудков, Н.Б. Лукманова // Вестник САФУ (серия «Гуманитарные и социальные науки»), 2015. №4. С.164-171

3. Заварзина Е.С., Поварнева В.А.Из истории студенческих научных работ на кафедрах нормальной физиологии и патофизиологии. Тихонова Е.В., Пащенко В.П., Лебединцева Е.А. // Бюллетень Северного Государственного Медицинского Университета. 2016. № 2. С.31-32.

4. Мальцева А.С. Роль «Проблемной лаборатории по изучению акклиматизации человека на Крайнем Севере» АГМИ в изучении адаптации человека в Арктическом регионе». Тихонова Е.В., Пащенко В.П. // Бюллетень Северного Государственного Медицинского Университета. 2017. № 1. С.166-167.

5. Жилина Е.С., Шуман Н.Ш. Клеточные механизмы циркадных ритмов (Нобелевская премия – 2017). Тихонова Е.В., Пащенко В.П. // Бюллетень Северного Государственного Медицинского Университета. 2017. № 2. С.71-72

6. Гусейнова У.Т., Ларионова В.К.Из истории исследований механизмов опухолевого роста сотрудниками ЦНИЛ АГМИ. Лебединцева Е.А.,Тихонова Е.В., Пащенко В.П. // Бюллетень Северного Государственного Медицинского Университета. 2017. № 2. С.70-71.

7. Петрова М.А. Использование клеточных культур для лечения патологии органов и тканей. Лебединцева Е.А.,Тихонова Е.В., Пащенко В.П. // Бюллетень Северного Государственного Медицинского Университета. 2018. № 1. С. 173-175.

Об авторе

Краткая биография автора этой книги, написанная его коллегами и опубликованная в газете «Медик Севера».

«25 ноября 2018 года исполняется 80 лет со дня рождения доктора медицинских наук, профессора, почетного профессора АГМИ – АГМА – СГМУ, заслуженного работника высшей школы, профессора кафедры нормальной физиологии СГМУ Владимира Петровича Пащенко.

Владимир Петрович – уроженец Архангельска. В 1958 году он поступил в АГМИ. Будучи еще студентом, он активно занимался научной работой на различных кафедрах под руководством доц. А.И. Ведринского, проф. Г.А. Орлова, доц. М.Б. Раппопорта, проф. В.Д Дышлового. По окончании мединститута в 1964 году он был оставлен в аспирантуре на кафедре общей гигиены АГМИ, где под руководством профессора С.П. Сперанского и консультативной поддержке профессора М.Д. Киверина в 1968 году выполнил и защитил в г. Ярославле кандидатскую диссертацию на тему: «Влияние сероводорода и метилмеркаптана на активность АТФ-азы органов и крови животных».

В 1967 году В.П. Пащенко с кафедры общей гигиены АГМИ перешел работать младшим, а затем старшим научным сотрудником в «Проблемную лабораторию по изучению акклиматизации человека на Крайнем Севере», где освоил экспериментальные методики работы с клеточными культурами и проводил изучение влияния экстремальных экологических факторов Севера на культивируемые in vitro клетки организма. В 1972 году В. П. Пащенко было присвоено звание старшего научного сотрудника, и он был избран заведующим «Проблемной лабораторией по изучению акклиматизации человека на Крайнем Севере», которой руководил до 1978 г. В этот период в лаборатории под его руководством проводили исследования, посвященные выявлению влияния погодных, геофизических и сезонных факторов Крайнего Севера на функциональное состояние сердечно-сосудистой и нервной систем организма, биоритмов у студентов, работу по обследованию болгарских рабочих, прибывших на строительство целлюлозно-бумажного комбината в Архангельске, меди-

цинское обследование бойцов студенческих строительных отрядов, детей в Ненецком национальном округе и долгожителей Европейского Севера. В 1976 году им была завершена экспериментальная работа: «Изучение роста тканей почек методом культивирования при различных воздействиях и состояниях организма», выполняемая при консультации академика АМН СССР П.Д. Горизонтова, профессоров С.Я. Залкинда и Г.А. Орлова. Результаты работы были опубликованы в центральной печати, доложены на региональных, всесоюзных конференциях в Новосибирске, Московском обществе естествоиспытателей природы.

В рамках совместной работы с НИИ Института морфологии человека АМН СССР (академик А.П. Авцын) были организованы научно-исследовательские экспедиции в районы Беломорья (Верхняя и Нижняя Золотица).

В качестве руководителя Проблемной лаборатории АГМИ В.П. Пащенко принимал активное участие в организации (в 1978 г.) в Архангельске «Филиала НИИ морфологии человека АМН СССР» (директор академик АМН СССР А.П. Авцын), где Владимиру Петровичу было предложено возглавить группу клеточных культур и продолжить клиническое внедрение результатов экспериментальных исследований с использованием методов культивирования тканей. Продолжая эти исследования, он с сотрудниками АГМИ доц. В.П. Быковым и В.Я. Леонтьевым разработал метод диагностики и прогнозирования хронических заболеваний легких. Совместно с П.И. Сидоровым проводил изучение патогенеза алкоголизма, с его участием впервые в Архангельске была осуществлена трансплантация культур бета-клеток для лечения больных сахарным диабетом (проф. Н.П. Бычихин). Работая в филиале, В.П. Пащенко принимал участие в экспедиционной работе в Нарьян-Маре и Варандее.

С 1988 года и по настоящее время В.П. Пащенко работает в АГМИ-СГМУ на кафедре нормальной физиологии нашего университета. По инициативе Владимира Петровича в 1989 году при поддержке ректора АГМИ, проф. В.А. Кудрявцева была создана «Межкафедральная лаборатория клеточных и тканевых культур», где были продолжены работы с использованием клеточных культур. В 1994 году В.П. Пащенко завершил и защитил докторскую диссер-

тацию («Влияние физиологических, экстремальных и патологических состояний организма на рост тканей при культивировании», консультанты – доктор биол. наук Л.Г. Рувинова и проф. П.И. Сидоров). В 1996 году он получил звание профессора, а в 2000–2002 гг. возглавлял кафедру нормальной физиологии. В 1991 году профессор В.П. Пащенко стал действительным членом Всероссийской ассоциации клеточных культур (АКК), а с 1994 года – членом Европейского общества тканевых культур (ЕОТК). Результаты его научных работ были опубликованы в статьях и трех депонированных монографиях, написанных им совместно с П.И. Сидоровым, А.Г. Марачевым, А.Г. Носовым, В.П. Быковым, В.Я. Леонтьевым и др.

В 2004–2008 гг. проф. В.П. Пащенко заведовал кафедрой медицинской и биологической физики СГМУ, где читал лекции по статистике, концепции современного естествознания, разделу возбудимых тканей, опубликовал ряд работ по внедрению статистических методов исследования. Под его руководством на кафедре были разработаны новые рабочие тетради, оформлена новая документация, освоены новые помещение, подготовлены стенды.

За время научной и педагогической деятельности профессором В.П. Пащенко было опубликовано свыше 150 научных работ. Он автор 5 изобретений и 10 рационализаторских предложений. Разработанный им метод тканевых и клеточных культур неоднократно использовался при выполнении сотрудниками университета кандидатских и докторских диссертаций. Под его руководством и при консультативной поддержке защищен ряд кандидатских диссертации. Профессор В.П. Пащенко был членом Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, в СГМУ и САФУ.

Владимир Петрович – активный популяризатор науки, из-под его пера, самостоятельно и в соавторстве, вышли такие книги, как «Север и Ваше здоровье» (1979), «Проблемная лаборатория по акклиматизации человека на Крайнем Севере» (2001), «Север и долголетие» (1989) (в соавторстве с Н.П. Бычихиным), «Север и человек. Проблемы, здоровье, долголетие» (2013). Он соавтор-составитель монографий «Профессор Орлов – хирург, ученый, педагог» (1999), «Профессор Г.А. Орлов. Хирургическая, научная и педагогическая школы» (2011), автор-составитель книг рассказов своей матери, известного

на Севере ученого-хирурга Н.И. Батыгиной: «Из моей жизни хирурга» (2007), «О наших учителях, коллегах и хирургах, выпускниках АГМИ–СГМУ 1941 года» (2017). Владимир Петрович один из соавторов учебника «Физиология» (2017) для студентов медицинских вузов. Хорошо известны его многочисленные публицистические выступления в газетах «Правда Севера», «Северный комсомолец», «Медик Севера», «АТК», а также на радио и телевидении, посвященные проблемам сохранения здоровья северян, долголетия, экологии. Соавтор первого электронного сайта АГМИ.

В настоящее время В.П. Пащенко в качестве профессора кафедры нормальной физиологии СГМУ продолжает активную педагогическую, научную и просветительскую деятельность: проводит занятия со студентами, читает лекции. С участием студентов и преподавателей ряда кафедр АГМИ продолжает исследования с использованием культивируемых in vitro клеток и тканей в организованной в 1989 г. «Межкафедральной лаборатории клеточных и тканевых культур» и воссозданной им на базе переданного СГМУ помещения военного госпиталя.

Профессор В.П. Пащенко принимает активное участие в общественной жизни института: является членом редакционного-издательского совета СГМУ, редколлегии газеты «Медик Севера», входит в состав «Совета старейшин (профессоров) СГМУ», увлекается художественным творчеством: участвует в выставках картин, занимается спортом в секции бадминтона.

Научная и педагогическая деятельность профессора В.П. Пащенко отмечена рядом наград: почетными грамотами регионального и федерального уровней, медалью СГМУ им. Н.А. Амосова (2006). Он имеет почетное звание «Заслуженный работник Высшей школы» (2007). В 2005 г. решением Ученого Совета СГМУ ему присвоено звание «Почетный доктор СГМУ».

Профессор В.П. Пащенко пользуется заслуженным авторитетом коллег и студентов. Сотрудники кафедры нормальной физиологии поздравляют Владимира Петровича с юбилеем и желают ему дальнейших успехов в жизни и научной деятельности, здоровья и счастья.

Коллектив кафедры нормальной физиологии АГМИ

Юбилей педагога-наставника

14 апреля 2019 года кандидат медицинских наук, доцент кафедры неврологии и нейрохирургии СГМУ, заслуженный врач РФ, почетный работник СГМУ, наставник многих неврологов Архангельской области, житель блокадного Ленинграда Галина Серафимовна Пащенко отмечает свой юбилей.

Г.С. Пащенко родилась в 1939 году в городе Кронштадте Ленинградской области в семье врачей. Ее отец С.Н. Герасимов – майор медицинской службы, участник Советско-Финляндской войны, в ВОВ – врач бригады морской пехоты Краснознаменного Северного Флота в Заполярье. Мать, Парасковья Георгиевна Лаухина, работала участковым педиатром. В апреле 1942 года Галина с мамой были эвакуированы из блокадного Ленинграда по Ледовой дороге жизни через Ладогу в Вологду.

К этому времени у девочки была алиментарная дистрофия, дизентерия, и она могла только ползать. Из Вологды они переехали в Кисловодск, где у знакомых проживала старшая дочь Парасковьи Георгиевны. Семья оказалась в оккупации с августа 1942 г. до января 1943 г. После войны они переехали на Север в архангельский рабочий поселок Сульфат, где Серафим Николаевич служил терапевтом в военном госпитале. Здесь она окончила среднюю школу № 37 и одновременно музыкальную школу по классу фортепиано. Затем учеба на 2-годичных рокковских курсах медицинских сестер Красного Креста и Красного Полумесяца и работа медицинской сестрой.

В 1958 году поступила в Архангельский государственный медицинский институт. В студенческие годы активно занималась научной работой на различных кафедрах. Значительные успехи были в студенческом кружке на кафедре биохимии. Участвовала в экспедиционной работе (Нарьян-Мар), где под руководством ассистента кафедры Зинаиды Александровны Копыловой выполнено научное исследование на тему «Содержание аскорбиновой кислоты в крови жителей г. Нарьян-Мара Ненецкого Национального округа». По окончании института в 1964 году была принята на работу в Первую городскую клиническую больницу г. Архангельска. В этом же году

прошла первичную четырехмесячную специализацию на кафедре нервных болезней АГМИ.

В 1969 году она окончила четырехмесячный цикл усовершенствования по неврологии в Ленинградском ордена Ленина институте усовершенствования врачей им. С.М. Кирова.

Проработав 7 лет неврологом в поликлинике и неврологическом отделении больницы, в 1971 году поступила в очную аспирантуру по специальности «Неврология» на кафедру нервных болезней АГМИ, которую возглавлял доктор медицинских наук В.Н. Гурьев.

В сентябре 1974 года была зачислена ассистентом кафедры нервных болезней, затем в течение года исполняла обязанности заведующей кафедры.

В становлении клинициста принимали участие опытные профессионалы-неврологи сотрудники кафедры: Виктор Николаевич Гурьев, Юрий Александрович Вещагин, Николай Федорович Евсеев, а также врачи Ж.А. Лаппо, Тамара Иосифовна Бессонова, Анна Петровна Марголина.

Работа с населением и студентами требовала новых знаний, поэтому в 1990 году возникла необходимость усовершенствования в ЦОЛИУВ (г. Москва).

Диссертацию на тему «Острые нарушения мозгового кровообращения в условиях Европейского Севера» Галина Серафимовна защитила в 1989 году на заседании специализированного совета при Белорусском ордена Трудового Красного Знамени государственном институте усовершенствования врачей (Минск). Руководителем был доктор медицинских наук, профессор Юрий Александрович Вещагин, научным консультантом – кандидат химических наук, доцент Н.Н. Сычева. Одним из ее официальных оппонентов был доктор медицинских наук, профессор Н.С. Мисюк, известный ученый невролог и нейрохирург. Большое участие во время подготовки диссертации и при ее защите принимала проректор по научной работе АГМИ, доктор медицинских наук, профессор Лилия Константиновна Добродеева. Работа явилась частью исследований Проблемной лаборатории АГМИ, на основе которых была создана служба медико-метеорологического прогноза погоды с целью профилактики метеотропных церебральных и сердечно-сосудистых катастроф с

использованием радио и газеты «Правда Севера». Практические рекомендации для врачей по этой проблеме используются в лечебных учреждениях.

Кроме ежедневной лечебной работы в отделении, ночных дежурств, обучения студентов, клинических ординаторов и интернов Галина Серафимовна являлась консультантом ЛОР-отделения областной больницы. На протяжении 15 лет была куратором неврологической службы г. Новодвинска и Плесецкого района, совершая как плановые выезды, так и срочные. С 1988 по 1993 год невролог осуществляла медицинскую помощь рабочим Архангельского водорослевого комбината и Архангельского мясокомбината. В течение многих лет она являлась главным нештатным неврологом г. Архангельска.

С 1974 года и по настоящее время Галина Серафимовна продолжает трудиться на кафедре неврологии АГМИ–СГМУ. В ноябре 2000 года переведена на работу по контракту в должности доцента кафедры неврологии. С 1974 по 2011 год вела курс неврологии (лекции, практические занятия) студентам всех факультетов, а также клиническим интернам и ординаторам. Активно руководила научной работой студенческого кружка, результатом явились публикации в сборниках и журналах, интерес к неврологии, приведший студентов в клиническую ординатуру.

С 2011 года ответственна за подготовку интернов-неврологов и клинических ординаторов кафедры, которые проходят обучение для дальнейшей работы в лечебных учреждениях Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и Республики Коми. За это время подготовлено свыше 150 врачей-неврологов. В настоящее время на кафедре, руководимой кандидатом медицинских наук, доцентом А.И. Волосевич, и с участием неврологов стационаров и поликлиник г. Архангельска, Северодвинска и Котласа также проходят обучение 15 клинических ординаторов.

Галина Серафимовна принимает активное участие в последипломной подготовке врачей, читает ряд лекций и проводит семинарские занятия на факультете усовершенствования врачей-неврологов. Эту подготовку прошло большинство неврологов Архангельской области.

За время лечебной, научной и педагогической деятельности Г.С. Пащенко было опубликовано 48 научных работ. Она соавтор 2 учебно-методических пособий. Совместно с зав. кафедрой неврологии, доцентом А.И. Волосевич разработан учебно-методический комплекс для подготовки клинических ординаторов по специальности «Неврология».

В 1995 году присвоено звание доцента, в 2000 году – почетное звание «Заслуженный врач Российской Федерации», звание «Почетный работник СГМУ» – в 2012 году.

Галина Серафимовна – ветеран Великой Отечественной войны. Пережив тяготы военного времени, проводит большую работу по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Вместе с сотрудниками Музейного комплекса СГМУ она участвует во встречах со студентами и школьниками, врачами, жителями блокадного Ленинграда во время мероприятий, посвященных знаменательным и скорбным датам Великой Отечественной войны.

Она говорит о том, что ненавидит войну. Нелегко вспоминать о пережитом: болезни и пережитое прошлое подорвали здоровье, воспоминания о войне вызывают слезы. Но мы всегда помним, что очень много детей не дожило до счастливого времени, поэтому наш долг не просто выживать, несмотря ни на что, а рассказывать молодежи о страшных ужасах, пережитых детьми блокадного Ленинграда. Нужно помнить об этом всегда, а также о том, что при большом желании и трудолюбии, как бы ни было сложно, можно многого добиться в жизни.

Пережив в детстве тяготы военного времени, проводит большую работу по патриотическому воспитанию студентов и школьников, выступая с лекциями и беседами, участвует во встречах администрации области с жителями блокадного Ленинграда.

Награждена знаком «Житель блокадного Ленинграда», медалями «Ветеран труда», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады» и «В честь 75-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады».

О своей долгой и активной жизни невролог, кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, доцент кафедры неврологии и нейрохирургии СГМУ Галина Серафимовна Пащенко рассказывает:

Мои родители – Герасимовы Серафим Николаевич (1903–1983 гг.) и Парасковья Георгиевна (1902–1985 гг.) – врачи, выпускники Кубанского государственного мединститута 1929 года. Папа родился в Касимово Рязанской области. Мама – уроженка шахтерского города Мокеевки, Украина. В Донецке (г. Сталино) до настоящего времени проживают мои родственники. Родители познакомились на втором курсе. После окончания института папа работал терапевтом и зав. малярийной станцией, а мама – педиатром в Ново-Александровском районе Ставропольского края

В 1937 году папа был мобилизован в ряды РККА. Участвовал в Советско-Финляндской войне. 14 апреля 1939 года в Кронштадте родилась я. Моей старшей сестре в то время было 9 лет. В первый же день Великой Отечественной войны отец был направлен на Северный флот, недолго проходил службу в госпитале на Соловках, затем – врачом в составе бригады морской пехоты Краснознаменного Северного флота в Заполярье. Мама работала участковым педиатром в блокадном Кронштадте. Мне тогда было всего 3 года, но я помню постоянное ощущение голода. До сих пор вспоминаю вкус некоторых продуктов: лекарства «бактериофаг» и рыбьего жира. Мама рассказывала, что в квартире было очень холодно и женщины с маленькими детьми жили на одной кухне. Вечером, пока плита была теплой, детей укладывали всех на одеяла, настеленные на плиту. Помогали друг другу, спасаясь от частых бомбежек.

В апреле 1942 года мы были эвакуированы по Ледовой дороге жизни через Ладогу в Вологду и дальше в Кисловодск. К этому времени у меня была алиментарная дистрофия, дизентерия, и я могла только ползать. Из Вологды мы переехали в Кисловодск, где в это время у знакомых жила моя сестра. Однако вскоре мы оказались в оккупации. Кисловодск заняли немцы. Моя старшая сестра не могла спокойно рассказывать ужасы этого периода. Так как наш папа был подполковником медицинской службы и входил в командный состав, знакомые нас старались спрятать.

После войны отец разыскал нас, и из Кисловодска мы переехали на Север в архангельский рабочий поселок Сульфат, где отец служил терапевтом в военном госпитале, располагавшемся в школе № 37, а мама лечила детей. Детство было тяжелым, но у многих моих друзей было еще хуже, так как их отцы погибли на фронте.

Дни, проведенные в блокадном городе, никогда не уходят из моей памяти.

Я дважды была в родном Кронштадте, стояла во дворе нашего дома, плакала, вспоминала родителей и то немногое, что осталось в моей памяти. Пожилой мужчина, увидев меня рыдающую, после моего рассказа пригласил меня в гости, сказав, что он тоже жил и живет в этом дворе. В музее специально для меня включили панораму блокадного города, где было показано, что наш дом был под страшным обстрелом.

Я награждена знаком «Житель блокадного Ленинграда» (1995), медалями «Ветеран труда», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады» (2005), «60 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.» (2005), «В честь 65-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады» (2009), «В честь 70-летия освобождения Ленинграда от фашистской блокады (2014 год). В 2009 году я была одной из участников форум-приема в Белом зале Смольного, посвященного 65-й годовщине полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. В составе делегации блокадников посетила Кронштадт, была на приеме у мэра города, в музее, на экскурсии по городу, знакомилась с социальной службой блокадников. Наша любимая песня – «Песня о Ладоге». Сквозь шторы, бури, через все преграды Ты, песня Ладоги, лети! «Дорога жизни» здесь пробита сквозь блокаду – Родней дороги не найти.

Решение стать врачом было для меня не случайным. Очевидно, на мое решение стать врачом повлияли семейные традиции. Мой прадед был крепостным лекарем у помещика, позднее получил вольную. Я выросла в семье врачей, видела, с какой любовью мама относится к больным детям, слушала разговоры родителей о работе, в основном о пациентах. Кроме того, я часто болела, что тоже определило выбор моей профессии. Родители одобрили мой выбор, папа часто интересовался моими знаниями.

После окончания архангельской школы № 37 с хорошим аттестатом зрелости я не смогла поступить в медицинский институт, но окончила курсы медицинских сестер и работала медсестрой. Наконец в 1958 году с третьей попытки поступила в Архангельский медицинский институт, который закончила в 1964 году. Училась с удовольствием, упорно, на первых курсах был один учебник на 5–6 человек, в студенческие годы активно занималась научной работой и даже имела одну публикацию. Прошла первичную специализацию по нервным болезням в клинике нервных болезней АГМИ. С 1964 по 1971 год работала неврологом в поликлинике и в стационаре АГКБ № 1.

Я всегда мечтала не только работать неврологом, но и обучать студентов. С 1971 по 1974 год обучалась в очной аспирантуре на кафедре нервных болезней у доцента Ю.А. Вещагина, после чего была принята ассистентом кафедры неврологии АГМИ. В 2014 году отметила три юбилея (в том числе 50 лет врачебной деятельности и 40 лет преподавательской деятельности). Институт стал мне родным: здесь еще студенткой я встретила любимого человека, который впоследствии стал профессором и очень помог мне при выполнении кандидатской диссертации. Мои дети (дочь и сын) получили профессию врача тоже в стенах нашего института. Мне повезло с наставниками, которые помогали мне в освоении профессии, доброжелательными коллегами. Я часто выступала с докладами на областных конференциях неврологов, написала 45 печатных работ.

Наша практическая работа тесно связана с научной работой.

В 1989 г. в Белорусском ордена Трудового Красного Знамени государственном институте усовершенствования врачей я защитила кандидатскую диссертацию на основе большого практического материала на тему «Острые нарушения кровообращения головного мозга в условиях Европейского Севера». Официальными оппонентами диссертации были известные профессора-неврологи Н.С. Мисюк и Л.С. Гиткина, ведущая организация Ленинградская военно-медицинская академия АМН СССР им. С.М. Кирова. Эта работа выполнялась совместно с сотрудниками Проблемной лаборатории по акклиматизации человека на Крайнем Севере, она являлась частью исследований, на основе которых была создана служба медико-

метеорологического прогноза с целью профилактики метеотропных церебральных и сердечно-сосудистых катастроф с использованием радио и газеты «Правда Севера». Практические рекомендации для врачей по этой проблеме используются в лечебных учреждениях.

Я много лет веду работу по обучению клинических интернов и ординаторов, до сих пор читаю цикл лекций и провожу семинарские занятия, в том числе и на факультете усовершенствования врачей, являюсь членом подкомиссии по аттестации неврологов Архангельской области.

Сейчас, на мой взгляд, большое значение имеет воспитательная общественная работа.

Вместе с сотрудниками Музейного комплекса СГМУ я участвую во встречах со студентами и школьниками, врачами во время мероприятий, посвященных знаменательным и скорбным датам Великой Отечественной войны. Я ненавижу войну. Нелегко вспоминать о пережитом: болезни и пережитое прошлое подорвали здоровье, воспоминания о войне вызывают слезы. Но я всегда помню, что очень много детей не дожили до счастливого времени, поэтому мы должны не просто выживать, несмотря ни на что, а рассказывать молодежи о страшных ужасах, пережитых блокадниками и детьми войны. Нужно помнить об этом всегда и также о том, что при большом желании и трудолюбии, как бы ни было сложно, можно многого добиться в жизни.

От истоков до наших дней

1. Порозово (1938–1945 гг.).
2. Школьные годы (1946–1958 гг.).
3. Студент АГМИ (1958–1964 гг.).
4. Учеба в аспирантуре на кафедре общей гигиены АГМИ (1964–1967 гг.).
5. Кандидат медицинских наук (1968 г.).
6. Работа в «Проблемной лаборатории по изучению акклиматизации человека на Крайнем Севере» при АГМИ (1967–1978 гг.).
7. Работа в Филиале НИИ морфологии человека АМН СССР (1978–1989 гг.).
8. Ассистент кафедры нормальной физиологии АГМИ (1989 г.).
9. Защита докторской диссертации, профессор (1994–1995 гг.).
10. Профессор кафедры нормальной физиологии СГМУ, заведующий кафедрой нормальной физиологии (2000–2002 гг.).
11. Профессор кафедры нормальной физиологии СГМУ, заведующий кафедрой медицинской и биологической физики СГМУ (2004–2008 гг.).
12. Профессор кафедры нормальной физиологии (1995–2019 гг.).
13. Организатор межкафедральной НИИ лаборатории тканевых и клеточных культур, ее заведующий (1992–2019 гг.).
14. Почетный доктор СГМУ с 2007 г. Член Совета старейшин (профессоров) СГМУ.

И.Н. Батыгин – участник Первой мировой войны

Анна Степановна Батыгина (Шитова)

Иван Никандрович Батыгин (1885–1945 гг.)

Анна Степановна Батыгина, бабушка (1894–1980 гг.)

Казенный дом в Порозове при маслозаводе.
Дальние три окна – квартира И.Н. Батыгина

В машинном отделении. И.Н. Батыгин с помощником

Родители:
Н.И. Батыгина (1919–1990 гг.),
П.А. Пащенко (1911–1988 гг.)

Дед И.Н. Батыгин с внуком

Александра и Надежда Батыгины
в семье Балашовых в Архангельске, 1934 г.

Нелли Балашова, В. Пащенко, В. Злобин, Владимир Балашов.
Вологда, 1948 г.

В. Пащенко, 10 лет

23-я школа, 4 «Б» класс. Среди учеников:
Амерханов, Бучнев, Панов, Пащенко

Вологда. На ул. Подлесная (ныне А.М. Горького), 1949 г.

Архангельск. Ребята нашего двора в саду больницы Н.А. Семашко.
Среди них (справа): Вовка, Алька, Нодька, Генка, Вовка, Димка, Вадька

Н.И. Батыгина

Надежда Ивановна с сыном Владимиром, 1951 г.

А.И. Злобина. Врач-патологоанатом 1-й горбольницы

В больнице им. Н.А. Семашко. Первые фотографии новым фотоаппаратом «Зоркий»: «Опять в больничной палате», 1953 г.

«Проф. Г.А. Орлов у нового наркозного аппарата». Фото В.П. Пащенко

Архангельск, 1938 г.
Набережная им. Сталина,
д. 118, ф. 2, кв. 8

Школа № 23, 1955 г.

8 «Б» класс: В. Пащенко и Стаська Мекишев, 1955 г.

В. Пащенко, 15 лет

Одноклассники. И. Холмова и А. Пиир, 9 класс, 1955 г.

Подготовка к поступлению в АГМИ. Ефим Миндер и В. Пащенко

Бабушка (мать отца) Евдокия Никитична Пащенко (Бурлакова) у своей хаты. Село Белый колодезь, Изюмский район Харьковской области. *Прабабушка отца погибла во время войны в саду у этого дома*

Встреча с отцом в г. Измаиле

В г. Харьков. Фото с К.А. и В.И. Летавиными (тётей Клавой – родной сестрой отца)

С бабушкой А.С. Батыгиной в Архангельске

С родственниками в Вологде: Андрей Пащенко, Агнея Алексеевна Людоговская (Батыгина), В.П. Пащенко, Н.А. Батыгина, Г.С. Пащенко, 2015 г.

В.П. Пащенко с двоюродными сестрами Нелей и Светой Летавиными (г. Харьков, 1964 г.). *Дочери сестры отца: Летавиной Клавдии Александровны и Василия Ивановича*

Иван Никандрович Батыгин с сестрой Марией, 1912 г.

И его правнук А.В. Пащенко, 2018 г.

Андрею Пащенко – 18 лет, В.П. Пащенко – 56 лет
(1994–1995 г., 2 курс АГМА)

СГМУ, 2008 г. Кафедра нормальной физиологии

Студенческие годы, 1958–1964 гг.

Галина Серафимовна и Владимир Петрович Пащенко, 1964 г.

Н.И. Батыгина с внуками, 1978 г.

Анна Степановна, Серафим Николаевич, Прасковья Георгиевна с внучкой Леной

Оказание первой медицинской помощи. Ухта, 1962 г.

Первый раз в Сочи, 1963 г.

Кафедра общей гигиены АГМИ,
зав. кафедрой профессор С.П. Сперанский и аспирант В.П.Пащенко

«Проблемная лаборатория по изучению акклиматизации человека
на Крайнем Севере» при АГМИ. Заведующий лабораторией к.м.н.,
старший научный сотрудник В.П. Пащенко (1972–1978 гг.)

Профессор С.Я. Залкинд (Москва) знакомится с работой лаборатории тканевых культур АГМИ

В.П. Пащенко. Подготовка к работе с тканевыми культурами в настольном боксе

Участники открытия Филиала НИИ морфологии человека АМН СССР в Архангельске, 1978 г. Слева направо: А.А. Жаворонков, В.П. Пащенко, А.К. Романова, В.И. Шубин, А.Г. Марачев, А.П. Авцын, Б.Н. Зорихин, В.А. Шахламов

Заседание Ученого совета, 1978 г. С.С. Решетников, В.П. Пащенко, А.Г. Марачев, А. Умарходжаев

В.П. Пащенко и А.Г. Марачев обсуждают результаты исследования, 1978 г.

Р.И. Данилова, Г.Н. Дегтева и А. Умарходжаев. Группа физиологии

Э.И. Данилко за работой в боксе. Группа тканевых культур

Профессор С.Я. Залкинд,
1974 г. Консультант
по клеточным культурам

На даче у профессора Г.А. Орлова
в Конецгорье, 1984 г.
В.П. Пащенко, Г.А. Орлов

А.П. Авцын в селе Ломоносово,
1975 г.

Академик АМН СССР
П.Д. Горизонтов, 1968 г.
Консультант работы В.П. Пащенко

Открытие вычислительного центра в АГМИ (1984 г.):
Н.П. Бычихин, В.П. Пащенко, Г.А. Орлов, Н.М. Амосов

Обсуждение планов совместной научной работы при организации Архангельского филиала НИИ морфологии человека АМН СССР. Профессор Н.П. Неверова, профессор Г.А. Орлов, академик АМН СССР А.П. Авцын, к.м.н. А.Г. Марачев, к.м.н. В.П. Пащенко в кабинете проф. Г.А. Орлова в больнице им. Н.А. Семашко, 1976 г.

Кафедра нормальной физиологии АГМА, и.о. зав. кафедрой профессор В.П. Пащенко (2000–2002 гг.). Первый ряд:. М.Г. Пирогова, Е.В. Борисова, М. Хадижат, А.К. Шерстенникова. Второй ряд: К.К. Борщев, В.П. Пащенко

Профессор В.П. Пащенко, заведующий кафедрой медицинской и биологической физики, 2004–2008 гг.

Доцент Н.В. Первунинская с иностранными студентами, 2007 г.

На юбилейной встрече сотрудников кафедры физики: В.А. Коровина, В.П. Пащенко с ректором СГМУ профессором П.И. Сидоровым, 2007 г.

Профессор В.П. Пащенко со студентами 5-й группы стоматологического факультета СГМУ, 2012 г.

Студенты в лаборатории клеточных культур, 2019 г.

Профессор В.П. Пащенко в созданной им в СГМУ экспериментальной межкафедральной лаборатории клеточных культур, 2019 г.

СГМУ – 75 лет. Общее фото руководителей вуза
с почетными профессорами СГМУ

Совет старейшин (профессора) СГМУ в зале ректората, 2013 г.
(и.о. ректора СГМУ профессор Л.Н. Горбатова). Первый ряд: Л.В. Титова,
Е.И. Кононов, С.Н. Игнатьева, Л.Н. Горбатова, Р.Н. Калашников,
Л.Н. Шацева. Второй ряд: В.П. Пащенко, Г.А. Марголин, В.Я. Бедило,
С.З. Попова, В.П. Быков, С.Н. Федотов, В.П. Зеновский, Ю.В. Агафонов

Семья в сборе, 1999 г.

Семья в сборе, 2019 г.

Школьные приятели: профессор АЛТИ А.Э. Пиир и профессор В.П. Пащенко встретились на кафедре нормальной физиологии СГМУ, 2018 г.

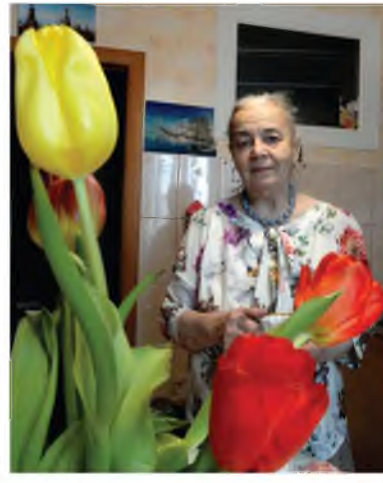
В. Пащенко с двоюродным братом В. Злобиным на стадионе «Динамо» в Архангельске. В течение ряда лет В. Пащенко посещал 15-ю спортивную школу в Архангельске, 1957 г.

В.П. Пащенко в плавательном бассейне «Водник». В течение ряда лет выполнял обязанности общественного тренера по плаванию группы сотрудников АГМИ, посещающих бассейн, 1965 г.

В спортивном зале СГМУ. Любители бадминтона, 2015 г.

На лыжной прогулке

Вместе, 2015 г.



80-летний юбилей

Руководство СГМУ: ректора Л.Н. Горбатова, первый проректор СГМУ А.С. Образцов и А.Г. Сердечная вместе с юбилярами: Г.С. Пащенко и В.П. Пащенко

Г.С. Пащенко и В.П. Пащенко среди блокадников Ленинграда, живущих в Архангельске

Г.С. Пащенко на заседании членов общества «Красного креста»

Встреча нового 2019 года – юбилейного для родителей

Г.С. Пащенко рассказывает губернатору Архангельской области
И.А. Орлову о проблемах блокадников Ленинграда,
живущих в Архангельске, 2018 г.

Содержание

Раздел I. Вовкино детство в Порозове (воспоминания, когда была война) ... 3
Введение ... 4
Мне повезло ... 6
В Порозове ... 7
Первые события в Вовкиной жизни ... 8
Совсем не страшно ... 9
Первая фотография ... 10
День Вовки ... 11
На кухне ... 13
На печке ... 16
Открытия ... 16
Бабушкин помощник ... 18
Опять наварзал ... 19
Соседские ребята ... 21
Нехорошие слова ... 21
Соседка Ленка ... 22
Обед за общим столом ... 24
Гроза и радуга ... 25
Цыпки ... 26
Встреча со шмелем ... 27
Болезни ... 28
Дедушка с бабушкой ... 29
Гости из города ... 30
Знакомство с окрестностями ... 31
Приезд родителей ... 33
На реке ... 41
Война ... 44
Поход Вовки на посиделки ... 47
Новогодняя елка ... 49
Подарки из Америки ... 50
Поход за яйцами чаек ... 52
Вовкина рыбалка ... 53

Незнакомые рыбаки 55
Первый ножичек 55
Лук и стрелы 57
Зимние забавы 59
Весна 62
Покатались на лодке 65
Сокровища в кладовке 66
Дедушкин верстак 66
Завод (машинное отделение) 68
Электричество 71
Белый хлеб 72
Новые знания 73
Закончилось детство 78
Что же теперь делать? 83
В начале лета 84
Первый раз в городе 86
В Архангельске 88
Школьные годы 92
Соседи по квартире 94
Опять в Вологде 96
Болезни 97
Побег на «юг» 99
Опять заболел 101
Время исканий и тревог 102
О жизни и любви 103
Поездка в Крым, выбор дальнейшего пути 106
Возвращение в родные края 107
Пешком из Молочного до Порозова 111
В Порозове через 20 лет 116
Снова и в последний раз на родине 122
Ничто не забывается 125
Заключение 129
Список литературы из библиотеки автора 131

Возвращение в Порозово 132

Воспоминания о Порозово 146

Раздел II. Годы исканий и свершений 165
1. Ты помнишь, коллега?
(К встрече выпускников лечебного факультета АГМИ 1964 года через 20 лет) 166
2. Они снова встретились через 45 лет 169
3. Годы исканий и свершений 175
4. О прошлом, настоящем и будущем 178
5. В ожидании перемен 185
6. Чем мы больны? 189
7. Продолжатели рода Ломоносовых на врачебной стезе 193
8. Загадки рождения гения Ломоносова 194
9. Архангельский филиал НИИ морфологии человека АМН СССР – первые шаги медицинской академической науки на Европейском Севере 200
Список научных трудов проф. В. П. Пащенко 206
Об авторе 225
Юбилей педагога-наставника 229

От истоков до наших дней 237

Литературно-художественное издание

Пащенко Владимир Петрович

ВОВКИНО ДЕТСТВО В ПОРОЗОВЕ

(воспоминания, когда была война)

К 80-летию автора

Редактор *В.А. Белова*
Компьютерная верстка *Г.Е. Волковой*

Подписано в печать 14.06.2019.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15,8. Уч.-изд. л. 9,6.
Тираж 100 экз. Заказ № 2098

ФГБОУ ВО «Северный государственный медицинский университет»
163000, г. Архангельск, пр. Троицкий, 51
Телефон (8182) 20-61-90. E-mail: izdatelnsmu@yandex.ru

Пащенко Владимир Петрович, доктор медицинских наук, профессор кафедры нормальной физиологии и восстановительной медицины, заслуженный работник высшей школы, почетный профессор СГМУ, награжден почетной медалью им. Н.М. Амосова. Родился 25 ноября 1938 года в городе Архангельске. В 1964 году окончил лечебный факультет Архангельского медицинского института. После аспирантуры при кафедре общей гигиены (зав. проф. С.П. Сперанский) в 1968 году в Ярославле защитил кандидатскую диссертацию на тему «Влияние сероводорода и метилмеркаптана на активность аденозинтрифосфатазы органов и крови животных». В 1972–1978 гг. – заведующий Проблемной лабораторией по изучению акклиматизации человека на Крайнем Севере» при АГМИ. С 1978 по 1989 год – старший научный сотрудник Архангельского филиала НИИ морфологии человека АМН СССР, затем ассистент кафедры нормальной физиологии АГМИ. В 1994 году защитил докторскую диссертацию на тему «Влияние физиологических, экстремальных и патологических состояний организма на рост тканей при культивировании». В 1995 году присвоено звание профессора. С 2000 по 2002 год – заведующий кафедрой физиологии. Оставаясь профессором этой кафедры, с 2004 по 2008 год заведовал кафедрой медицинской и биологической физики СГМУ. Читает лекции и ведет занятия по курсу «Физиология человека» и «Современные концепции естествознания». Автор многих научно-популярных публикаций и более 130 научных работ. Основное научное направление связано с изучением адаптации человека на Севере, проблем старения, с разработкой и использованием тканевых и клеточных культур для изучения экстремальных состояний организма и процессов старения. Имеет шесть изобретений и ряд рац. предложений республиканского уровня в области культивирования тканей. Автор книг «Север и Ваше здоровье» (1979), «Проблемная лаборатория по акклиматизации человека на Крайнем Севере» (2001), соавтор книг «Север и долголетие» (1989), «Руководства по медико-социальной работе в геронтологии» (2000), составитель книги «Н.И. Батыгина. Из моей жизни хирурга», а также соавтор-составитель книги «Профессор Г.А. Орлов. Хирургическая, научная и педагогическая школы» (2011). Автор ряда страничек на сайте СГМУ, а также в Интернете «Здоровье и долголетие» на сайте «Профессионалы» и др.